A.S.PUSHKIN

FAIRY TALES

The 200th Anniversary Of Pushkin's Bird

К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина

A.S.PUSHKIN

FAIRY TALES

Illustrations by R.Ramazanov & V.Vakhtin

Литература

Literatura Publishers
MOSCOW
1999

ББК 84 Р1
П 91

A. S. PUSHKIN

Fairy Tales

А. С. ПУШКИН

Сказки

ISBN 5-7842-0081-X

© Raduga Publishers 1999
© Literatura 1999

RUSLAN AND LUDMILA

DEDICATION

For you, queens of my soul,
my treasured
Young beauties, for your sake did I
Devote my golden hours of leisure
To writing down, I'll not deny,
With faithful hand of long past ages
The whispered fables... Take them, pray,
Accept these playful lines, these pages
For which I ask no praise... But stay!
For my reward — I need not seek it —
Is hope; Oh, that some girl should scan,
As only one who's lovesick can,
These naughty songs of mine in secret!

On seashore far a green oak towers,
And to it with a gold chain bound,
A learned cat whiles away the hours
By walking slowly round and round.
To right he walks, and sings a ditty;
To left he walks, and tells a tale...
What marvels there! A mermaid sitting
High in a tree, a sprite, a trail
Where unknown beasts move never seen by
Man's eyes, a hut on chicken feet,
Without a door, without a window,
An evil witch's lone retreat;
The woods and valleys there are teeming
With strange things... Dawn brings waves
that, gleaming,

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

ПОСВЯЩЕНИЕ

Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои.

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,

Over the sandy beaches creep,
And from the clear and shining water
Step thirty goodly knights escorted
By their Old Guardian, of the deep
An ancient dweller... There a dreaded
And hated tsar is captive ta'en;
There, as all watch, for cloud banks headed,
Across the sea and o'er a plain,
A warlock bears a knight. There, weeping,
A princess sits locked in a cell,
And Grey Wolf serves her very well;
There, in a mortar, onward sweeping
All of itself, beneath the skies
The wicked Baba-Yaga flies;
There pines Koshchei and lusts for gold...
All breathes of Russ, the Russ of old!
There once was I, friends, and the cat,
As near him neath the oak I sat
And drank of sweet mead at my leisure,
Recounted tales to me... With pleasure
One that I liked do I recall
And here and now will share with all...

И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

CANTO THE FIRST

The ways and deeds of days gone by,
A narrative on legend founded...

In princely banquet chamber high,
By doughty sons and guests surrounded,
Vladimir-Bright Sun holds a fete;
His daughter is the chosen mate
Of Prince Ruslan, and these two linking
In marriage, old Vladimir's drinking
Their health, a handsome cup and great
To his lips held and fond thoughts thinking.
Our fathers ate 'thout haste — indeed,
Passed slowly round the groaning tables
The silver beakers were and ladles
With frothing ale filled and with mead.
Into the heart cheer poured they, truly...
The bearers, bowing, solemn-faced,
Before the feasters tankards placed;
High rose the foam and hissed, unruly...
The hum of talk is loud, unceasing;
Abuzz the guests: a merry round.
Then through the hubbub, all ears pleasing,
There comes the gusli's rippling sound.
A hush. In dulcet song and ringing
Bayan, the bard — all hark him well —
Of bride and groom the praise is singing;
He lauds their union, gift of Lel*

* Lel — the slavic god of love.— Tr.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гриднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.
Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.
Они веселье в сердце лили,
Шипела пена по краям,
Их важно чашники носили
И низко кланялись гостям.

Слилися речи в шум невнятный;
Жужжит гостей веселый круг;
Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна:
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелем свитый им венец.

Ruslan, o'ercome by fiery feeling,
Of food partakes not; from Ludmila
He cannot tear away his eyes;
He flames with love, he frowns, he sighs,
At his moustache plucks, filled with torment,
And, all impatience, counts each moment.
Amid the noisy feasters brood
Three youthful knights. In doleful mood
They sit there, their great tankards empty,
With downcast eyes, the fare, though tempting,
Untouched; the goblets past them sail;
They do not seem to hear the tale
Of wisdom charited by Bayan...
The luckless rivals of Ruslan,
Of love and hate a deadly brew
In their hearts hid, the three are too
O'erwrought for speech. The first of these
Is bold Rogdai of battle fame
('Twas he who Kiev's boundaries
Stretched with his blade); the next, the vain,
Loud-voiced Farlaf, by none defeated
At festal board, but tame, most tame
Mid flashing swords and tempers heated;
The last, the Khazar Khan Ratmir,
A reckless spirit, aye, and ardent.

Но, страстью пылкой утомленный,
Не ест, не пьет Руслан влюбленный;
На друга милого глядит,
Вздыхает, сердится, горит
И, щипля ус от нетерпенья,
Считает каждые мгновенья.
В унынье, с пасмурным челом,
За шумным, свадебным столом
Сидят три витязя младые;
Безмолвны, за ковшом пустым,
Забыли кубки круговые,
И брашна неприятны им;
Не слышат вещего Баяна;
Потупили смущенный взгляд:
То три соперника Руслана;
В душе несчастные таят
Любви и ненависти яд.
Один — Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей;
Другой — Фарлаф, крикун надменный,
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей;
Последний, полный страстной думы,
Младой хазарский хан Ратмир:

All three are pale-browed, glum, despondent:
The feast's no feast, the cheer's no cheer.
It's over, and the feasters rise
And flock together. Noise. All eyes
Are smiling, all are on the two
Young newly-weds... Ludmila, tearful,
Looks shyly down; her groom is cheerful,
He beams... Now do the shades anew

Все трое бледны и угрюмы,
И пир веселый им не в пир.
Вот кончен он; встают рядами,
Смешались шумными толпами,
И все глядят на молодых:
Невеста очи опустила,
Как будто сердцем приуныла,
И светел радостный жених.

Embrace the earth, e'er nearer creeping,
The murk of midnight veils the dome...
The boyars, by sweet mead made sleepy,
Bow to their hosts and make for home.
Ruslan's all rapture, all elation...
What bliss! In his imagination
His bride caresses he. But there
Is sadness in the warmth of feeling
With which, their happy union sealing,
The old prince blesses our young pair.

The bridal couch has long been ready;
The maid is led to it... It's night.
The torches dim, but Lel already
His own bright lamp has set alight.
Love offers — see — its gifts most tender,
Its fondest wish at last comes true.
On carpets of Byzantine splendour
The jealous covers fall... Do you
The sound of kisses, love's sweet token,
And its soft, whispered words not hear?
Does not — come, say — the murmur broken
Of shy reluctance reach your ear?
Anticipation fires the spirit,
O'erjoyed the groom... But lo! — the air
Is rent by thunder, ever nearer
It comes. A flash! The lamp goes out,
The room sways, darkness all about,
Smoke pours... Fear grips Ruslan, defeating
His native pluck: his heart stops beating...
All's silence, grim and threatening.
An eerie voice sounds twice. There rises
Up through the haze a menacing
Black figure... Coiling smoke disguises
Its shape... It vanishes... Now our
Poor groom, on his brow drops of sweat,
Starts up, by sudden dread beset,
And for his bride — O fateful hour! —
With trembling hand gropes anxiously...
On emptiness he seizes, she
Has by some strange and evil power
Been borne away... He's overcome...

Ah, if to be love's martyr some
Unfortunate young swain is fated,
His days may well be filled with gloom.
But life can still be tolerated.
But if in your arms, after years
Of longing, of desire, of tears,
Your bride of but one minute lies
And then becomes another's prize,
'Tis much too much... Quite frankly, I,
Were such my case, would choose to die!

Но тень объемлет всю природу,
Уж близко к полночи глухой;
Бояре, задремав от меду,
С поклоном убрались домой.
Жених в восторге, в упоенье:
Ласкает он в воображенье
Стыдливой девы красоту;
Но с тайным, грустным умиленьем
Великий князь благословеньем
Дарует юную чету.

И вот невесту молодую
Ведут на брачную постель,
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигает Лель.
Свершились милые надежды,
Любви готовятся дары;
Падут ревнивые одежды
На цареградские ковры...
Вы слышите ль влюбленный шепот,
И поцелуев сладкий звук,
И прерывающийся ропот
Последней робости?.. Супруг
Восторги чувствует заране;
И вот они настали... Вдруг
Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит,
Кругом всё смерклось, всё дрожит,
И замерла душа в Руслане...
Всё смолкло. В грозной тишине
Раздался дважды голос странный,
И кто-то в дымной глубине
Взвился чернее мглы туманной...
И снова терем пуст и тих;
Встает испуганный жених,
С лица катится пот остылый;
Трепеща, хладною рукой
Он вопрошает мрак немой...
О горе: нет подруги милой!
Хватает воздух он пустой;
Людмилы нет во тьме густой,
Похищена безвестной силой.

Ах, если мученик любви
Страдает страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но после долгих, долгих лет
Обнять влюбленную подругу,
Желаний, слез, тоски предмет,
И вдруг минутную супругу
Навек утратить... о друзья,
Конечно, лучше б умер я!

But poor Ruslan's alive and tortured
In mind and heart... O'erwhelmed by news,
Just then arrived, of the misfortune,
The Prince, enraged, turns on the youth.
The whole court summoning, «Ludmila...
Where is Ludmila?» thunders he.
Ruslan does not respond. «My children!
Your merits past high hold I... Free,
I beg, my daughter from the clutches
Of evil. I am helpless; such is
Old age's piteous frailty.
But though I am too old to do it,
Not so are you. Go forth and save
My poor Ludmila, you'll not rue it:
He who succeeds, shall — writhe, you knave!
Why did you not, wretch, base tormentor,
Know how to guard your young wife better? —
Shall have Ludmila for a bride
And half my fathers' realm beside!...
Who'll heed my plea?» «I!» says the grieving,
Unhappy groom. «I!» shouts Rogdai,
And echoed by Farlaf his cry
And by Ratmir is. «We are leaving
Straightway, and pray believe us, sire,
We'll ride around the world entire
If need be. From your daughter parted
Not long will you be, never fear.»
The old prince cannot speak for tears;
His gratitude is mute; sadhearted,
A broken man, at door he stands
And to them stretches out his hands.

Однако жив Руслан несчастный.
Но что сказал великий князь?
Сраженный вдруг молвой ужасной,
На зятя гневом распалясь,
Его и двор он созывает:
«Где, где Людмила?» — вопрошает
С ужасным, пламенным челом.
Руслан не слышит. «Дети, други!
Я помню прежние заслуги:
О, сжальтесь вы над стариком!
Скажите, кто из вас согласен
Скакать за дочерью моей?
Чей подвиг будет не напрасен,
Тому — терзайся, плачь, злодей!
Не мог сберечь жены своей! —
Тому я дам ее в супруги
С полцарством прадедов моих.
Кто ж вызовется, дети, други?..»
«Я!» — молвил горестный жених.
«Я! я! — воскликнули с Рогдаем
Фарлаф и радостный Ратмир.—
Сейчас коней своих седлаем;
Мы рады весь изъездить мир.
Отец наш, не продлим разлуки;
Не бойся: едем за княжной».
И с благодарностью немой
В слезах к ним простирает руки
Старик, измученный тоской.

All four the palace leave together;
Ruslan is ashen-faced, half-dead.
Thoughts of his kidnapped bride, of whether
He'll ever find the maid, with dread
And pain his heart fill. Now the foursome
Get on their restless, chafing horses,
And leaving dust clouds in their wake,
Away along the Dnieper make...
They're lost to sight, but Prince Vladimir
Stands gazing at the road and tries
To span the distance ever-dimming
As after them in thought he flies.

Все четверо выходят вместе;
Руслан унынъем как убит;
Мысль о потерянной невесте
Его терзает и мертвит.
Садятся на коней ретивых;
Вдоль берегов Днепра счастливых
Летят в клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Уж всадников не видно боле...
Но долго все еще глядит
Великий князь в пустое поле
И думой им вослед летит.

Ruslan, his mind and memory hazy,
Is mute, lost in a kind of trance;
Behind him, o'er his shoulder gazing,
The picture of young arrogance,
Farlaf rides, hand on hip, defiant,
Says he: «At last! The taste is sweet
Of freedom, friends... When will we meet —
The prospect likes me well — a giant?

Руслан томился молчаливо,
И смысл и память потеряв.
Через плечо глядя спесиво
И важно подбочась, Фарлаф,
Надувшись, ехал за Русланом.
Он говорит: «Насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встречусь с великаном?

Then will blood pour as passions seethe
And victims offer to the sabre.
Rejoice, my blade! Rejoice, my steed,
And lightly, freely prance and caper!»

The Khazar Khan, his pulses racing,
In saddle dances, for in thought
He is the fair young maid embracing
Whose love he has for so long sought.
The light of hope is in his eye,
Now does he make his stallion fly,
Now forces him, the good steed teasing,
To rear, now gallops him uphill,
Now lets him prance about at will.

Rogdai is silent; with increasing
Unease his heart fills; dark thoughts chill
And burden him; he is tormented
By jealousy, and, all calm gone,
With hate-glazed eye, like one demented,
Stares sullenly at Prince Ruslan.

Along a single road the rivals
Rode on all through the day until

Уж то-то крови будет течь,
Уж то-то жертв любви ревнивой!
Повеселись, мой верный меч,
Повеселись, мой конь ретивый!»

Хазарский хан, в уме своем
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшет над седлом;
В нем кровь играет молодая,
Огня надежды полон взор:
То скачет он во весь опор,
То дразнит бегуна лихого,
Кружит, подъемлет на дыбы,
Иль дерзко мчит на холмы снова.

Рогдай угрюм, молчит — ни слова...
Страшась неведомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всех больше беспокоен он,
И часто взор его ужасный
На князя мрачно устремлен.

Соперники одной дорогой
Всё вместе едут целый день.

From east poured shades that night's arrival
Bespoke... The Dnieper, cold and still,
Is wrapt in folds of mist... The horses
Have need of rest... Not far away
A track lies that another crosses,
«'Tis time to part,» the riders say.
«Let us chance fate.» So 'tis decided;
Each horse is given now its head,
And, by the touch of spur unguided,
Starts off and moves where 'twill ahead.

Днепра стал темен брег отлогий;
С востока льется ночи тень;
Туманы над Днепром глубоким;
Пора коням их отдохнуть.
Вот под горой путем широким
Широкий пересекся путь.
«Разъедемся, пора! — сказали,—
Безвестной вверимся судьбе».
И каждый конь, не чуя стали,
По воле путь избрал себе.

What do you in the hush of desert
Alone, Ruslan? Sad is your plight.
Was't all a dream — the bride you treasured,
The terrors of your wedding night'?
Your helmet pushed down to your brows,
Your strong hands limp, the reins let loose,
O'er woods and fields astride your steed
You ride, while faith and hope recede
And leave you well-nigh dead of spirit...

Что делаешь, Руслан несчастный,
Один в пустынной тишине?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Всё, мнится, видел ты во сне.
На брови медный шлем надвинув,
Из мощных рук узду покинув,
Ты шагом едешь меж полей,
И медленно в душе твоей
Надежда гибнет, гаснет вера.

A cave shows 'fore the knight; he nears it
And sees a light there. His feet lead
Him straight inside. The dark and brooding
Vaults seem as old as nature. Moody,
Distraught Ruslan is.... In the cave
A bearded ancient, his mien grave
And quiet, sits. A lamp is burning
Near him, a book lies on his knee;
Engrossed in it, its pages he
With careful hand is slowly turning.
«I bid you welcome, knight! At last!»
Says he in greeting, smiling warmly.
«Here have I twenty long years passed
Of my old age, and grim and lonely
They've been.... But now has come the day
For which, foreseeing it, I waited.
To meet, we two, my son, were fated,
Now sit and hear me out, I pray....
Ludmila from you has been taken;
You flag, you droop, by hope forsaken
And faith itself.... 'Tis wrong! For brief
With evil and its partner, grief,
Will be, I promise, your encounter.
Take heart; with strong, sound spirit counter
The blows of fortune, banish woe,
And, sword aloft held, northward go!

Но вдруг пред витязем пещера;
В пещере свет. Он прямо к ней
Идет под дремлющие своды,
Ровесники самой природы.
Вошел с уныньем: что же зрит?
В пещере старец; ясный вид,
Спокойный взор, брада седая;
Лампада перед ним горит;
За древней книгой он сидит,
Ее внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сын! —
Сказал с улыбкой он Руслану.—
Уж двадцать лет я здесь один
Во мраке старой жизни вяну;
Но наконец дождался дня,
Давно предвиденного мною.
Мы вместе сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Руслан, лишился ты Людмилы;
Твой твердый дух теряет силы;
Но зла промчится быстрый миг:
На время рок тебя постиг.
С надеждой, верою веселой
Иди на всё, не унывай;
Вперед! мечом и грудью смелой
Свой путь на полночь пробивай.

«He who has wronged you, O my daring
Young stalwart, is old Chernomor,
A wizard, he is known to carry

Узнай, Руслан: твой оскорбитель
Волшебник страшный Черномор,
Красавиц давний похититель,

Young maids off to the hills. 'Tis for
Long years he's reigned there. None has ever
His castle seen, but through its door
You'll pass, I know, and end forever
The villain's rule; by your hand he
Will perish — so 'tis meant to be!...
I may not yield to indiscretion
And say aught more; your destiny
Yourself from this day on you fashion.»

Our knight falls at the elder's feet
And in delight his hand he kisses.
The world a bright place seems, and sweet
Life is again; forgot distress is....
Hut then the sudden joyful glow
His face leaves, and it pales and darkens.
«Do not despair but to me harken,»
The old man says. «I know what so
Disquiets you: you are in fear of
The warlock's love, eh, knight?... Be calm.
The truth is, O my youthful hero,
That he can do the maid no harm,
From sky the stars he'll pluck, I'll wager,
Or shift the moon that sails on high,
But change the law of time and aging
He cannot, hard as he may try.
Though he lets none her chamber enter
And jealous watch keeps at her door,
He is the impotent tormentor
Of his fair captive, nothing more,
While never far from her, he curses
His lot, and soundly — but, my knight,
'Tis time for you to rest: the earth is
Enclosed in shadow; it is night.»

Полнощных обладатель гор.
Еще ничей в его обитель
Не проникал доныне взор;
Но ты, злых козней истребитель,
В нее ты вступишь, и злодей
Погибнет от руки твоей.
Тебе сказать не должен боле:
Судьба твоих грядущих дней,
Мой сын, в твоей отныне воле».

Наш витязь старцу пал к ногам
И в радости лобзает руку.
Светлеет мир его очам,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожил он; и вдруг опять
На вспыхнувшем лице кручина...
«Ясна тоски твоей причина;
Но грусть не трудно разогнать,—
Сказал старик,— тебе ужасна
Любовь седого колдуна;
Спокойся, знай: она напрасна
И юной деве не страшна.
Он звезды сводит с небосклона,
Он свистнет — задрожит луна;
Но против времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замков безжалостных дверей,
Он только немощный мучитель
Прелестной пленницы своей.
Вокруг нее он молча бродит,
Клянет жестокий жребий свой...
Но, добрый витязь, день проходит,
А нужен для тебя покой».

On soft moss lies Ruslan, a flame
Before him flickering. He yearns
For soothing sleep, he twists and turns
And flings about — hut no, 'tis plain
That sleep won't come. He heaves a sigh
And says: «Nay, Father, sick am I
Of soul and cannot sleep for dreary
And troubled thought. Talk to me, do;
With godly speech, I beg of you,
Relieve my heart: it aches, it's weary....
I make too bold to ask you this;
You, who befriend me, I importune —
Speak! Tell me, confident of fortune;
Why came you to this wilderness?»
And with a wistful smile replying
To him, the old man says: «Alas,
I have forgot my land!» Then, sighing:
«A Finn am I by birth. It was
My lot to tend the flocks of neighbours,
And I would take them off to graze
In vales on which no stranger's gaze
E'er rested. Carefree midst my labours
Did I remain, and only knew,
Besides the woods and streams, what few
Joys poverty could offer to me....
Alas! Ahead dark days were looming.

«Near where I lived, a lovely flower,
One named Nahina, bloomed; of our
Young maids none lovelier than she
Was there. One morn, a bagpipe blowing,
My flocks I grazed where grass was growing
In lush profusion. I could see
A brook wind 'fore me; by it, weaving
A garland, sat a dear young lass...
Her beauty — ah, 'twas past believing! —
Drew and enchanted me, and as
I gazed at her I knew I'd seen her
Before... Yes, knight, it was Nahina,
'Twas fate had brought me there. The flame
Of love was my reward for eyeing
The maid thus brazenly; I came
To know a passion self-denying:
All of its bliss, all of its pain.

«Six months sped by... I thought to win her
And opened up my heart. I said:
"I love thee dearly, sweet Nahina!"
Hut my shy sadness only bred
Scorn in her who was vain and prideful;
She was indiffrent to my lot,
And said, of all my pain unmindful:
"Well, shepherd mine, I love thee not!"

Руслан на мягкий мох ложится
Пред умирающим огнем;
Он ищет позабыться сном,
Вздыхает, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконец:
«Не спится что-то, мой отец!
Что делать: болен я душою,
И сон не в сон, как тошно жить.
Позволь мне сердце освежить
Твоей беседою святою.
Прости мне дерзостный вопрос.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсник непонятный?
В пустыню кто тебя занес?»

Вздохнув с улыбкою печальной,
Старик в ответ: «Любезный сын,
Уж я забыл отчизны дальной
Угрюмый край. Природный финн,
В долинах, нам одним известных,
Гоняя стадо сел окрестных,
В беспечной юности я знал
Одни дремучие дубравы,
Ручьи, пещеры наших скал
Да дикой бедности забавы.
Но жить в отрадной тишине
Дано не долго было мне.

Тогда близ нашего селенья,
Как милый цвет уединенья,
Жила Наина. Меж подруг
Она гремела красотою.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный луг
Я гнал, волынку надувая;
Передо мной шумел поток.
Одна, красавица младая
На берегу плела венок.
Меня влекла моя судьбина,
Ах, витязь, то была Наина!
Я к ней — и пламень роковой
За дерзкий взор мне был наградой,
И я любовь узнал душой
С ее небесною отрадой,
С ее мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина с гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвечала:
„Пастух, я не люблю тебя!"

«I was estranged from all, and gloomy
Life seemed. The shady native wood,
The games of shepherds — nothing could
My hurt soothe and bring comfort to me...
I languished... But the far seas drew me;
To leave my homeland sought I then
And with a band of fighting men
To brave the ocean's winds capricious...
I hoped to win renown and fame
And for my own Nahina claim.
This planners, according to my wishes,
I called upon some boatmen who
Joined with me in a quest for danger
And gold. My land, to war a stranger,
The clash of steel now heard, and knew
The sound of boat with boat colliding...
On, on we sailed, the billows riding,
My men and I, by sweet hope led,
Both snow and water painting red
For ten long years with gore of foes.
As rumour of our prowess spread,
The foreign rulers came to dread
Our forays, and their champions chose
To flee our blades. Yes, fierce and heated
Our battles were, and merry, too,
And with the men we had defeated
Together feasted we. But through
The din of war and merrymaking
I heard Nahina's voice, and for
The sight of her in secret aching,
Before me saw my native shore.
„Come, men!" I cried. „Did we not roam
The world enough? Time to go home!
Neath native eaves we' ll hang our mail;
Is't not, in faith, for this we hanker!"
And leaving in our wake a trail
Of fear, for Finland we set sail
And in her waters soon dropped anchor.

«Fulfilled were all my dreamings past
That set my lone heart faster beating.
O longed-for moment of our meeting,
O blessed hour, you came at last!
There, at the feet of my proud beauty,
I laid my sword and, too, the booty
Of war: pearls, corals, gold. 'Fore her,
By jealous womenfolk surrounded,
Her one-time playmates, my unbounded
Love making me her prisoner,
Mute stood I, but Nahina coolly
Turned from me, saying with no sign
That she would e'er relent: „Nay, truly,
I do not love thee, hero mine!"
«I do not like to speak of things

И всё мне дико, мрачно стало:
Родная куща, тень дубров,
Веселы игры пастухов —
Ничто тоски не утешало.
В унынье сердце сохло, вяло.
И наконец задумал я
Оставить финские поля;
Морей неверные пучины
С дружиной братской переплыть
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвал смелых рыбаков
Искать опасностей и злата.
Впервые тихий край отцов
Услышал бранный звук булата
И шум немирных челноков.
Я вдаль уплыл, надежды полный,
С толпой бесстрашных земляков;
Мы десять лет снега и волны
Багрили кровию врагов.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары,
И с побежденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Под шумом битвы и пиров,
Томилось тайною кручиной,
Искало финских берегов.
Пора домой, сказал я, други!
Повесим праздные кольчуги
Под сенью хижины родной.
Сказал — и весла зашумели!
И, страх оставя за собой,
В залив отчизны дорогой
Мы с гордой радостью влетели.

Сбылись давнишние мечты,
Сбылися пылкие желанья!
Минута сладкого свиданья,
И для меня блеснула ты!
К ногам красавицы надменной
Принес я меч окровавленный,
Кораллы, злато и жемчуг;
Пред нею, страстью упоенный,
Безмолвным роем окруженный
Ее завистливых подруг,
Стоял я пленником послушным;
Но дева скрылась от меня,
Примолвя с видом равнодушным:
„Герой, я не люблю тебя!"

It is pure agony to think of.
E'en now, my son, when at the brink of
I am of death, remembrance brings
Fresh sorrow to my long-numb spirit
And gravely wounds my being whole,
And torn by pain, seared by it, wearied,
I feel the tears down my cheeks roll.

«But hark! In parts I call my home,
Amid the northern fishers lone,
The art of magic lives. The shaded,
Thick-growing forests wrapt in deep,
Eternal silence lie and keep
The secrets of the wizards aged
Who dwell there and whose minds to quest
For wisdom of the loftiest
And weirdest kind are given. Awesome
Their powers are: what was and also
What will be they have knowledge of,
Life can they snuff and foster love.

«And I, love's mad and avid seeker,
In my despair that ne'er grew weaker,
By means of magic thought to start
In proud Nahina's icy heart
Of love for me at least a flicker.
Toward the murk of woodland free
My steps in hot impatience turning,
The subtle craft of wizardry
I spent unnumbered years in learning.
Then were the fearsome secrets, sought
By me with such despair, such yearning,
Revealed to my enlightened thought;
Of charms and spells I knew the power:
Love's aim achieved — O happy hour!
"Nahina, thou art mine!" I cried.
"Now shall I have thee for my bride."
Hut once again by fate defeated
Was I and of my triumph cheated.

«Enraptured, with young dreams aglow,
Filled with love's fervour and elation,
I loudly chant an incantation
And on dark spirits call, and lo!
A flash of light, a crash of thunder,
And magic whirlwinds start awake,
I feel the earth begin to quake,
I hear it hum and rumble under
My feet, and there in front of me,
The picture of senility,
A crone stands. She is bent and shrunken,

К чему рассказывать, мой сын,
Чего пересказать нет силы?
Ах, и теперь один, один,
Душой уснув, в дверях могилы,
Я помню горесть, и порой,
Как о минувшем мысль родится,
По бороде моей седой
Слеза тяжелая катится.

Но слушай: в родине моей
Между пустынных рыбарей
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Всё слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.

И я, любви искатель жадный,
Решился в грусти безотрадной
Наину чарами привлечь
И в гордом сердце девы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спешил в объятия свободы,
В уединенный мрак лесов;
И там, в ученье колдунов,
Провел невидимые годы.
Настал давно желанный миг,
И тайну страшную природы
Я светлой мыслию постиг:
Узнал я силу заклинаньям.
Венец любви, венец желаньям!
Теперь, Наина, ты моя!
Победа наша, думал я.
Но в самом деле победитель
Был рок, упорный мой гонитель.

В мечтах надежды молодой,
В восторге пылкого желанья,
Творю поспешно заклинанья,
Зову духов — и в тьме лесной
Стрела промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднял вой,
Земля вздрогнула под ногой...
И вдруг сидит передо мной
Старушка дряхлая, седая,
Глазами впалыми сверкая,
С горбом, с трясучей головой,

Her hair is white, her eye is sunken
And glazed with age, her head is shaking....
Arid yet, and yet — had I mistaken
Her for another? — Nay, O knight,
Nahina 'twas!.. In doubt, in fright
The horrid vision now I measured
With unbelieving gaze, my sight
Mistrusting... „Thou! Art thou my treasured
Nahina? Speak!" from me the cry
Burst forth. „Where is thy beauty? Why
Have the gods changed thee so? Have I
Long, then, from life and love been parted?"
"For forty years!" I heard her say.
„Indeed, I'm seventy to-day!...
But never mind! So are lives charted
And so they pass. Thy spring has flown
And mine has too. We are, I own,
Old, both, but be thou not disheartened
By fickle youth's swift passage. True,
I'm grey, a trifle crooked too,
Less lively and perhaps less charming
Than once I was..." This in disarming
Tones she declared, her voice a squeak.
„Come, do not look, I beg, so tragic...
I am — in confidence I speak —
Like thee become well versed in magic."
A sorceress! What had she said!..
Struck dumb was I by the admission
And felt a fool, a dunderhead
For all my store of erudition.

«But worse by far was that the spell
That I had cast worked far too well.
My shrivelled idol flared with passion;
She loved me — loved me to obsession!
Her grey lips twisted in a smile,
In graveyard tories the old hag muttered
The wildest of avowals, while
I suffered silently, in utter
Disgust and loathing, and upon
The ground my eyes kept. She wheezed on,
And though, by fits of coughing shaken,
So was she with her subject taken,
She never stopped. "My poor heart is
For tender passion born and bliss,"
She croaked. „'Tis love alone I covet
And hunger for. I flame, I burn...
O come to me, for thee I yearn;
I'm dying, dying, my beloved!"

«'Twas lustfully that she, Ruslan,
Was ogling me. Her bony fingers
Caught greedily at my caftan...

Печальной ветхости картина.
Ах, витязь, то была Наина!..
Я ужаснулся и молчал,
Глазами странный призрак мерил,
В сомненье всё еще не верил
И вдруг заплакал, закричал:
„Возможно ль! ах, Наина, ты ли!
Наина, где твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя так страшно изменили?
Скажи, давно ль, оставя свет,
Расстался я с душой и с милой?
Давно ли?.." — „Ровно сорок лет,—
Был девы роковой ответ,—
Сегодня семьдесят мне било.
Что делать,— мне пищит она,—
Толпою годы пролетели.
Прошла моя, твоя весна —
Мы оба постареть успели.
Но, друг, послушай: не беда
Неверной младости утрата.
Конечно, я теперь седа,
Немножко, может быть, горбата;
Не то, что в старину была,
Не так жива, не так мила;
Зато (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!"

И было в самом деле так.
Немой, недвижный перед нею,
Я совершенный был дурак
Со всей премудростью моею.

Но вот ужасно: колдовство
Вполне свершилось, по несчастью.
Мое седое божество
Ко мне пылало новой страстью.
Скривив улыбкой страшный рот,
Могильным голосом урод
Бормочет мне любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепетал, потупя взор;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговор:
„Так, сердце я теперь узнала;
Я вижу, верный друг, оно
Для нежной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди в объятия мои...
О милый, милый! умираю..."
И между тем она, Руслан,
Мигала томными глазами;

There to remain, knight, there to linger
Beside her was sheer agony;
I squeezed my eyes shut, for, you see,
I could not bear it any longer,
And broke away... „Knave! Thus to wrong me!"
She yelped, „A pure maid's life — quite
shattered!
Such villainy! For shame! For shame!
As if my love so little mattered!
Alas! I am myself to blame;
You men, I vow, are all the same.
By thy seduction helpless rendered,
To passion wholly I surrendered...
Deceiver! Blackguard! Thou shall know
What vengeance is, just wait!.."

«'Twas so
We parted. In these forests buried
E'er since, a hermit's solitary
Life have I led, and of the balm
Of nature tasted, by its calm
And wisdom doctored. I'll not tarry
Long here on earth.... To you alone
Do I impart this; know: the crone
Has not forgot her unrequited,
Scorned passion. In her soul, her blighted
And ugly soul, love's changed to spite;
And that she'll come to hate you, knight,
As she does me, you can be sure.
But be not, I entreat you, frighted:
Grief's bound to pass, 'twill not endure.»

The old man's story hungrily
Our knight took in. Enchanted by it,
He sat there rapt and clear of eye,
Untouched by sleep. The night was quiet:
He never heard it winging by.
Now dawn's bright glow the heavens
graces....
With rueful smile Ruslan embraces
The mage, and, full of gratitude,
The cave leaves in a hopeful mood.
He leaps into the saddle deftly,
Grips with his legs the whinnying steed,
And with a whistle moves off swiftly,
«Be with me, Father, in my need!»
He cries. «Farewell!» Across the clearing
The answer carries, his heart cheering:
«Forgive your bride and love her, heed
My counsel, knight! Farewell! Godspeed!»

И между тем за мой кафтан
Держалась тощими руками;
И между тем — я обмирал,
От ужаса зажмуря очи;
И вдруг терпеть не стало мочи;
Я с криком вырвался, бежал.
Она вослед: „О, недостойный!
Ты возмутил мой век спокойный,
Невинной девы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь — вот мужчины!
Изменой дышат все они!
Увы, сама себя вини;
Он обольстил меня, несчастный!
Я отдалась любови страстной...
Изменник, изверг! о позор!
Но трепещи, девичий вор!"

Так мы расстались. С этих пор
Живу в моем уединенье
С разочарованной душой;
И в мире старцу утешенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зовет меня могила;
Но чувства прежние свои
Еще старушка не забыла
И пламя позднее любви
С досады в злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидит и тебя;
Но горе на земле не вечно».

Наш витязь с жадностью внимал
Рассказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкал
И тихого полета ночи
В глубокой думе не слыхал.
Но день блистает лучезарный...
Со вздохом витязь благодарный
Объемлет старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходит вон. Ногами стиснул
Руслан заржавшего коня,
В седле оправился, присвистнул.
«Отец мой, не оставь меня».
И скачет по пустому лугу.
Седой мудрец младому другу
Кричит вослед: «Счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Советов старца не забудь!»

CANTO THE SECOND

You whose swords clash in contest gory,
Persist in your dread rivalry;
Pay tribute full to sombre glory
And relish hate and enmity!
Let the world, gaping at your deadly
Encounters, freeze — know: none will try
To interfere; more — none will, sadly,
Of pity for you breathe a sigh.
You who compete in different fashion,
Of the remote Parnassian heights
The mettlesome and valiant knights,
Fence if you must, but with discretion,
From vulgar bickering refrain:
The herd 'twill only entertain.
And as for you, by tender passion
Made bitter rivals, pray remain
On cordial terms — for he who's fated
To win a maid's love this will do
Though all mankind should lay plans to
Keep the two lovers separated....
Why fume? — It's silly and a sin.
When bold Rogdai, his heart with dim
Hut chilling boding filled, had parted
From his companions three and started
Across a lonely tract of land,
As he rode swiftly o'er the woody
And silent plain, on his ills brooding,
The hapless youth could ill withstand,
So troubled were his thoughts, so painful,
The Evil Spirit's taunting baneful,
And whispered: «Smite I shall and kill!
Beware, Ruslan, Ludmila will
Weep over you, I swear!...» And turning
His steed about, down dale, up hill
He galloped, for sweet vengeance yearning.

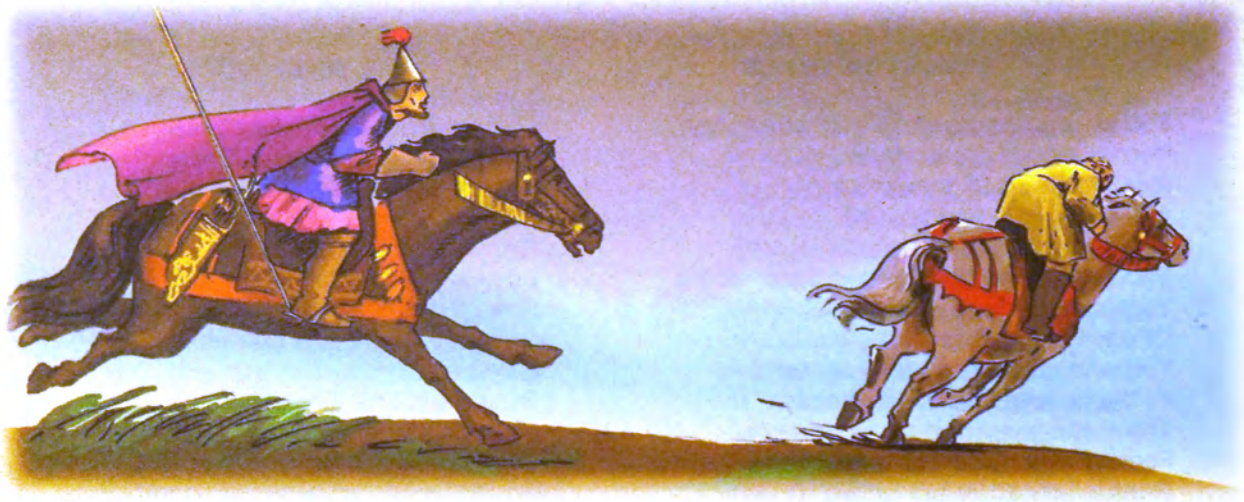
Meanwhile, Farlaf, that fearless soul,
Had spent in sleep the morning whole,
And then, from noon's hot rays well sheltered,
Beside a brook himself he settled
To dine and thus to fortify
His moral fiber. By and by
He saw a horseman in the mead
Toward him charging. Disconcerted,
The knight with quite uncommon speed
His food and all his gear deserted,
His mail, his helmet, and his spear,
And 'thout a backward glance went flying
Off on his horse. «Stop, wretch, you hear!»
The other cried, to halt him trying.
«Just let me catch you, and you're dead —

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Соперники в искусстве брани,
Не знайте мира меж собой;
Несите мрачной славе дани
И упивайтеся враждой!
Пусть мир пред вами цепенеет,
Дивяся грозным торжествам:
Никто о вас не пожалеет,
Никто не помешает вам.
Соперники другого рода,
Вы, рыцари парнасских гор,
Старайтесь не смешить народа
Нескромным шумом ваших ссор;
Бранитесь — только осторожно.
Но вы, соперники в любви,
Живите дружно, если можно!
Поверьте мне, друзья мои:
Кому судьбою непременной
Девичье сердце суждено,
Тот будет мил назло вселенной;
Сердиться глупо и грешно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухим предчувствием томимый,
Оставя спутников своих,
Пустился в край уединенный
И ехал меж пустынь лесных,
В глубоку думу погруженный,—
Злой дух тревожил и смущал
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шептал:
«Убью!.. преграды все разрушу...
Руслан!.. узнаешь ты меня...
Теперь-то девица поплачет...»
И вдруг, поворотив коня,
Во весь опор назад он скачет.

В то время доблестный Фарлаф,
Всё утро сладко продремав,
Укрывшись от лучей полдневных,
У ручейка наедине,
Для подкрепленья сил душевных,
Обедал в мирной тишине.
Как вдруг он видит: кто-то в поле,
Как буря, мчится на коне;
И, времени не тратя боле,
Фарлаф, покинув свой обед,
Копье, кольчугу, шлем, перчатки,
Вскочил в седло и без оглядки
Летит — а тот за ним вослед.
«Остановись, беглец бесчестный! —
Кричит Фарлафу неизвестный.—



I'll make you shorter by a head!»
Farlaf, who found the voice belonged
To bold Rogdai, his rival, longed
The more — quite wisely — to be gone
And his horse lashed and goaded on.
So will a rabbit, danger scenting,
Stop short, and, to escape attempting,
Ears folded, by great leaps and bounds
O'er lea, wood, mound, run from the hounds.
Where passed the chase in all its glory
Spring had the snows of winter hoary
Into great, muddy torrents thawed,
And these at earth's breast ceaseless gnawed.
Farlaf's horse, now a wide ditch facing,
His tail shook mightily, and, bracing
Himself, in his teeth took the hit
And leapt across, nor was a whit
The worse for it. Not so his timid
And far less nimble rider who
Rolled down, head over heels, on to
The mud, and lay there, floundering in it
And waiting to be slain.... Rogdai
Storms up, a wrathful vision. «Die,
Poltroon!» he roars, and his sword raises,
But then is brought up short; his gaze is
Fixed on his foe. Farlaf! Dismay,
Surprise, vexation, rage display
Themselves on his face. His teeth grinding,
He swears aloud. We see him riding
Away in haste, inclined to laugh
Both at himself and at Farlaf.

Soon on a pathway upward winding
He met a hag with snowy hair,

Презренный, дай себя догнать!
Дай голову с тебя сорвать!»
Фарлаф, узнавши глас Рогдая,
Со страха скорчась, обмирал,
И, верной смерти ожидая,
Коня еще быстрее гнал.
Так точно заяц торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкам, полем, сквозь леса
Скачками мчится ото пса.
На месте славного побега
Весной растопленного снега
Потоки мутные текли
И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды стальные закусил
И через ров перескочил;
Но робкий всадник вверх ногами
Свалился тяжко в грязный ров,
Земли не взвидел с небесами
И смерть принять уж был готов.
Рогдай к оврагу подлетает;
Жестокий меч уж занесен;
«Погибни, трус! умри!» — вещает...
Вдруг узнает Фарлафа он;
Глядит, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнев
В его чертах изобразились;
Скрыпя зубами, онемев,
Герой, с поникшею главою
Скорей отъехав ото рва,
Бесился... но едва, едва
Сам не смеялся над собою.

Тогда он встретил под горой
Старушечку чуть-чуть живую,

A feeble, bent old thing. «Go there!»
She quavered, «That's where you will find him!»
And with her staff she pointed north.
Rogdai felt cheered; nay, more — elated.
Quite unaware that death awaited
Him up ahead, he started forth.

And our Farl? Upon his bed
Of mud we see him breathless lie.
«Where has my rival gone? Am I
Alive,» he asks himself, «or dead?»
Then suddenly from overhead
A voice comes — it is hoarse, deep-sounding...
«Rise, stalwart mine, all's calm around you,»
The crone says. «Here's your charger; you»
Need fear, good youth, no dangers new.
At this the knight crawled slowly out

Горбатую, совсем седую.
Она дорожною клюкой
Ему на север указала.
«Ты там найдешь его»,— сказала.
Рогдай весельем закипел
И к верной смерти полетел.

А наш Фарлаф? Во рву остался,
Дохнуть не смея; про себя
Он, лежа, думал: жив ли я?
Куда соперник злой девался?
Вдруг слышит прямо над собой
Старухи голос гробовой:
«Встань, молодец: всё тихо в поле;
Ты никого не встретишь боле;
Я привела тебе коня;
Вставай, послушайся меня».

And looked around him in some doubt.
Relieved, he uttered sighing deeply:
«I do believe I got off cheaply...
The Lord be thanked! No broken bones!»
«Ludmila's far away,» the crone's
Next words were, «and though we be tempted
To try and find her, to attempt it
Is most unwise... No, no,» she drones,

Смущенный витязь поневоле
Ползком оставил грязный ров;
Окрестность робко озирая,
Вздохнул и молвил оживая:
«Ну, слава Богу, я здоров!»

«Поверь! — старуха продолжала,—
Людмилу мудрено сыскать;

«We'll not succeed: too many hurdles,
And, all in all, to roam the world is
A rather risky enterprise;
You'd soon regret it. I advise
You to go straightway home to Kiev;
On your estate your days you'll spend
In ease, behind you Ranger leaving —
Ludmila won't escape us, friend!»

With this she vanished, and our knight,
The flame of love well-nigh extinguished
And dreams of martial fame relinquished,
Set off for home. 'Twas not yet night,
But any noise however slight,
A rustling leaf, a bird in flight,
A brook's song put him in a sweat.

But let us now Farlaf forget
And to Ruslan turn... On he races,
Across a wood we see him ride...
In thought he lovingly embraces
His only love, his fair young bride.
«My wife,» he cries, «my own Ludmila,
Will e'er I find you, dear one, will I
Your gaze full of enchantment meet
And hear your tender voice and sweet?
Say, is it in a wizard's power
You are, and is the early bloom
Of youth to fade? Are you to sour
And wither in a dungeon's gloom?..
Or will one of' my rivals seize you
And bear you off? — Nay, love, rest easy:
My head is on my shoulders still,
And this my sword I wield with skill.»

One day at dusk Ruslan was riding
Along a steep and rocky shore,
The stream below in shadow hiding,
When with a whine an arrow o'er
His head flew, and behind him sounded
The clang of mail, the heavy pounding,
Of hooves, a horse's piercing neigh.
«Halt!» someone shouted. «Halt, I say!»
The kniqht glanced round: far out afield,
With spear raised high and ready shield,
A rider galloped whistling shrilly.
Ruslan, his heart with anger filling,
His steed turned speedily about
And charged toward his grim assailant
Who met him with a brazen shout:
«Aha, I've caught you up, my gallant!
First taste of steel, then seek your fair!»
Now, this Ruslan could little bear;

Она далеко забежала;
Не нам с тобой ее достать.
Опасно разъезжать по свету;
Ты, право, будешь сам не рад.
Последуй моему совету,
Ступай тихохонько назад.
Под Киевом, в уединенье,
В своем наследственном селенье
Останься лучше без забот:
От нас Людмила не уйдет».

Сказав, исчезла. В нетерпенье
Благоразумный наш герой
Тотчас отправился домой,
Сердечно позабыв о славе
И даже о княжне младой;
И шум малейший по дубраве,
Полет синицы, ропот вод
Его бросали в жар и в пот.

Меж тем Руслан далеко мчится;
В глуши лесов, в глуши полей
Привычной думою стремится
К Людмиле, радости своей,
И говорит: «Найду ли друга?
Где ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой светлый взор?
Услышу ль нежный разговор?
Иль суждено, чтоб чародея
Ты вечной пленницей была
И, скорбной девою старея,
В темнице мрачной отцвела?
Или соперник дерзновенный
Придет?.. Нет, нет, мой друг бесценный:
Еще при мне мой верный меч,
Еще глава не пала с плеч».

Однажды, темною порою,
По камням берегом крутым
Наш витязь ехал над рекою.
Всё утихало. Вдруг за ним
Стрелы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звон, и крик, и ржанье,
И топот по полю глухой.
«Стой!» — грянул голос громовой.
Он оглянулся: в поле чистом,
Подняв копье, летит со свистом
Свирепый всадник, и грозой
Помчался князь ему навстречу.
«Ага! догнал тебя! постой! —
Кричит наездник удалой,—
Готовься, друг, на смертну сечу;
Теперь ложись средь здешних мест;

He recognized the voice and hated
The sound of it. «How dares he! I'll — »

But where's Ludmila? For a while
Let's leave the two men; we have waited
Quite long enough, 'tis time to turn
To our dear maid now and to learn
How she, one lovely past comparing,
Has at her captor's hands been faring.
A confidant of wayward fancy,
Not always modest have I been,
And this my narrative commencing,
Dared to describe the night-cloaked scene
In which our fair Ludmila's charms
Were from her husbands's eager arms
Whisked off. Poor maid! When, quick as lightning,
The villain with one movement mighty
Removed you from the bridal bed,
And like a whirlwind, skyward soaring,
Through coils of smoke charged on, ahead,
Toward his kingdom's mountains hoary,
You swooned away, but all too soon
Recovered from that welcome swoon
To find yourself, aghast, dumfounded,
By lofty castle walls surrounded.

Thus — it was summer — at the door
Of my house lingering, I saw
The sultan of the henhouse chasing
One of his ladies, and moved by
Hot passion, with his wings embracing
The flustered, nervous hen... On high
A grey kite hovered, old marauder
Of poultry-yards; in rings o'erhead
He slowly sailed, unseen; then, boldly,
With lightning speed, dropped down, a dread
And ruthless foe, his plans death-dealing
Laid earlier... Up soars he, sealing
The fate of his poor, helpless prey.
Clutched in his talons, far away
He bears her to the safety of
A dark crevasse. In vain, with fear
And hopeless sorrow filled, his love
The rooster calls: he sees her airy
And weightless fluff come drifting near,
By swift, cool breezes downward carried.

Like some dread dream, oblivion
Ludmila chains. She cannot rise
And, in a stupor, moveless lies...
The soft, grey light of early dawn
Revives her, deep within her rouses
Unconscious fear and restlessness;

А там ищи своих невест».
Руслан вспылал, вздрогнув от гнева;
Он узнает сей буйный глас...

Друзья мои! а наша дева?
Оставим витязей на час;
О них опять я вспомню вскоре.
А то давно пора бы мне
Подумать о младой княжне
И об ужасном Черноморе.

Моей причудливой мечты
Наперсник иногда нескромный,
Я рассказал, как ночью темной
Людмилы нежной красоты
От воспаленного Руслана
Сокрылись вдруг среди тумана.
Несчастная! когда злодей,
Рукою мощною своей
Тебя сорвав с постели брачной,
Взвился, как вихорь, к облакам
Сквозь тяжкий дым и воздух мрачный
И вдруг умчал к своим горам —
Ты чувств и памяти лишилась
И в страшном замке колдуна,
Безмолвна, трепетна, бледна,
В одно мгновенье очутилась.

С порога хижины моей
Так видел я, средь летних дней,
Когда за курицей трусливой
Султан курятника спесивый,
Петух мой по двору бежал
И сладострастными крылами
Уже подругу обнимал;
Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Прияв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый
И пал как молния на двор.
Взвился, летит. В когтях ужасных
Во тьму расселин безопасных
Уносит бедную злодей.
Напрасно, горестью своей
И хладным страхом пораженный,
Зовет любовницу петух...
Он видит лишь летучий пух,
Летучим ветром занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостным забвеньем,
Как будто страшным сновиденьем,
Объята — наконец она

Sweet thoughts of joy her heart possess,
For surely her beloved spouse is
Nearby!.. «Where are you, dear one? Come!..»
She whispers, and — is stricken dumb.
Where is your chamber, my Ludmila?
Poor, luckless maiden, you lie pillowed
Upon a lofty feather-bed;
On silken cushions rests your head;
The canopy that floats above you
Is tasselled, rich, and like the cover,
Patterned most prettily. Brocade
Is everywhere, and winking, blazing
Gems likewise. From fine censers made
Of gold rise balmy vapours hazy...
But 'tis enough! This pen of mine
Must fly description — by another
Was I forestalled: Scheherezade.
And no house, be it e'er so fine,
Affords you any pleasure, mind you,
Unless your love is there beside you.
Just then, in garments clad air-thin,
Three comely maidens tiptoed in.
With bows for the occasion suited
Ludmila mutely they saluted,
Then one, of footstep light, drew near
And with ethereal fingers plaited
Her silken locks, a way, I hear,
Of dressing hair that has outdated
Long since become. Upon her head
A diadem of fine pearls setting,
She then withdrew. With softest tread
The second maid approached; 'thout letting
Herself glance up, all modesty,
In sky-blue silk Ludmila she
Gowned quickly, and her golden tresses
Crowned with a mist-like veil that fell
About her shoulders. There — how well
It shields her, with what grace caresses
Charms for a goddess fit; her feet
Encased are in a pair of neat
And dainty shoes. The third maid brings her
A pearl-incrusted sash; unseen,
A gay-voiced songstress ballads sings her...
But neither shoes, nor gown, nor e'en
The pearly sash and diadem
The princess please; no song delights her,
Indifferent she stays to them;
In vain the looking-glass invites her
To eye her new-found finery
And revel in its wealth and splendour —
The sight seems almost to offend her:
Her gaze is blank; sad, silent she.

Очнулась, пламенным волненьем
И смутным ужасом полна;
Душой летит за наслажденьем,
Кого-то ищет с упоеньем;
«Где ж милый,— шепчет,— где супруг?»
Зовет и помертвела вдруг.
Глядит с боязнию вокруг.
Людмила, где твоя светлица?
Лежит несчастная девица
Среди подушек пуховых,
Под гордой сенью балдахина;
Завесы, пышная перина
В кистях, в узорах дорогих;
Повсюду ткани парчевые;
Играют яхонты, как жар;
Кругом курильницы златые
Подъемлют ароматный пар;
Довольно... благо, мне не надо
Описывать волшебный дом:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила в том.
Но светлый терем не отрада,
Когда не видим друга в нем.

Три девы, красоты чудесной,
В одежде легкой и прелестной
Княжне явились, подошли
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжне воздушными перстами
Златую косу заплела
С искусством, в наши дни не новым,
И обвила венцом перловым
Окружность бледного чела.
За нею, скромно взор склоняя,
Потом приближилась другая;
Лазурный, пышный сарафан
Одел Людмилы стройный стан;
Покрылись кудри золотые,
И грудь, и плечи молодые
Фатой, прозрачной, как туман.
Покров завистливый лобзает
Красы, достойные небес,
И обувь легкая сжимает
Две ножки, чудо из чудес.
Княжне последняя девица
Жемчужный пояс подает.
Меж тем незримая певица
Веселы песни ей поет.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафан, ни перлов ряд,

Those who love truth and like to read
The heart's most secret book, must know
That should a lady, plunged in woe,
In spite of habit or of reason,
Oblivious of time or season,
Into a mirror through her tears
Forget to peek — well, then she is
In a most grievous state, indeed.

Ludmila, left alone again,
Uncertain what to do, beneath
A window stands and through the pane
Drear, boundless reaches, wondering, sees.
On carpets of eye-dazzling snow
Her gaze rests; filled is she with sadness....
Before her all is stark white deadness;
The peaks of brooding mountains show
Above the silent plains, and, sombre,
Seem wrapt in deep, eternal slumber:
No wayfarer plodding slowly past,
No smoke from out a chimney trailing,
No hunter's horn resounding gaily
Over the snow-bound, endless waste...

Ни песни лести и веселья
Ее души не веселят;
Напрасно зеркало рисует
Ее красы, ее наряд:
Потупя неподвижный взгляд,
Она молчит, она тоскует.

Те, кои, правду возлюбя,
На темном сердца дне читали,
Конечно, знают про себя,
Что если женщина в печали
Сквозь слез, украдкой, как-нибудь,
Назло привычке и рассудку,
Забудет в зеркало взглянуть,—
То грустно ей уж не на шутку.

Но вот Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
К окну решетчату подходит,
И взор ее печально бродит
В пространстве пасмурной дали.
Всё мертвс. Снежные равнины
Коврами яркими легли;

Only the rebel wind's wail dismal
At times disrupts the calm abysmal,
And etched against the sky's bleak grey,
The nude and orphaned forests sway.
Despairing, tearful, poor Ludmila
Her face hides in her hands, unwilling
To think of what may be in store...
She pushes at a silver door
Which opens with a sound most pleasing;
Before her, with their beauty teasing
The eye, spread gardens that surpass
King Solomon's in loveliness,
And e'en Armide's and those that to
Taurida's prince belonged. The view
Is one of trees, green arbours forming
And swaying gently; in the air
Of myrtle floats the sweet aroma;
Palms line the paths, and hays; with their
Proud crowns the mighty cedars boldly
The heavens brush; agleam with golden
Fruit are the orange groves; a pond
Mirrors it all... The hills beyond,
The vales and copses by the blaze of
Spring are revived; the wind of May
Sweeps o'er the spellbound leas in play;
In song melodious and gay
A nightingale its sweet voice raises;
Great fountains upward, to the sky,
Send sprays of gems, then down, enwreathing
The statues that, alive and breathing,
Around them stand. If Phidias'eye
On these could rest, he, though by Pallas
And by Apollo taught, would, jealous,
His magic point and chisel drop...
In swift and fiery arcs that shatter
'Gainst marble barriers which stop
Their headlong downward plunge and scatter
The tiny motes of pearly dust,
The waterfalls cascade, while just
A few steps farther out, in nooks
By thick trees shadowed, rippling brooks
Plash sleepily... The vivid greenness
Is by the whiteness here and there
Flecked of the lightly-built pavilions
That offer shelter from the glare...
And roses, roses everywhere!..
But comfortless is our Ludmila,
What round her lies she does not see;
The magic garden does not thrill her
With all its sensuous luxury...

Стоят угрюмых гор вершины
В однообразной белизне
И дремлют в вечной тишине;
Кругом не видно дымной кровли,
Не видно путника в снегах,
И звонкий рог веселой ловли
В пустынных не трубит горах;
Лишь изредка с унылым свистом
Бунтует вихорь в поле чистом
И на краю седых небес
Качает обнаженный лес.

В слезах отчаянья, Людмила
От ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждет ее теперь!
Бежит в серебряную дверь;
Она с музыкой отворилась,
И наша дева очутилась
В саду. Пленительный предел:
Прекраснее садов Армиды
И тех, которыми владел
Царь Соломон иль князь Тавриды.
Пред нею зыблются, шумят
Великолепные дубровы;
Аллеи пальм и лес лавровый,
И благовонных миртов ряд,
И кедров гордые вершины,
И золотые апельсины
Зерцалом вод отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнем оживлены;
С прохладой вьется ветер майский
Средь очарованных полей,
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей;
Летят алмазные фонтаны
С веселым шумом к облакам:
Под ними блещут истуканы
И, мнится, живы; Фидий сам,
Питомец Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконец,
Свой очарованный резец
Из рук бы выронил с досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещут водопады,
И ручейки в тени лесной
Чуть вьются сонною волной.
Приют покоя и прохлады,
Сквозь вечну зелень здесь и там
Мелькают светлые беседки;
Повсюду роз живые ветки
Цветут и дышат по тропам.

She walks all over, where she's going
Not caring; more — not even knowing,
But weeping copious tears, her eye
Fixed sadly on the merciless sky...
Then suddenly her gaze grows brighter,
And to her lip her hand flies lightly:
Despite the sparkle of the morn
A frightening thought in her is born...
The dread way's open: death waits for her —
Above a torrent, there before her,
A bridge hangs 'twixt two cliffs. Forlorn
The hapless maid is and despondent,
She looks upon the foaming stream,
Her tears grow ever more abundant,
She strikes her heaving breast — 'twould seem
She is about to jump — but no,
We see her pause... and onward go.

Но безутешная Людмила
Идет, идет и не глядит;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустен неги светлый вид;
Куда, сама не зная, бродит,
Волшебный сад кругом обходит,
Свободу горьким дав слезам,
И взоры мрачные возводит
К неумолимым небесам.
Вдруг осветился взор прекрасный:
К устам она прижала перст;
Казалось, умысел ужасный
Рождался... Страшный путь отверст:
Высокий мостик над потоком
Пред ней висит на двух скалах;
В унынье тяжком и глубоком
Она подходит — и в слезах
На воды шумные взглянула,
Ударила, рыдая, в грудь,
В волнах решилась утонуть —
Однако в воды не прыгнула
И дале продолжала путь.

Time passes, and Ludmila, weary,
(Too long has she been on her feet)
Feels her tears drying as the cheering
Thought comes that yes, it's time to eat.
She drops down on the grass, looks round her,
And lo! — a tent's cool walls surround her...
The gleam of crystal! A repast
Is set before her, unsurpassed
In choice of food. The gentle sound of
A harp steals near. But though at this
She marvels, our young princess is
Still not at peace, still sorrow-hounded.
«A captive, from my love torn, why
Should I not end it all and die?»
Thinks she. «Oh, villain, you torment me
Yet humour me: such is your whim,
But I... I scorn you and contempt
Your wily ways. This feast you sent me,
This gauzy tent wherein I sit,
These songs, a lovelorn heart's outpouring,
Which, for all that, are rather boring,—
In faith, I need them not a whit!
'Tis death I choose, death!» And repeating
The word again, the maid starts... eating.
Ludmila rises; in a twinkling
Gone are the tent and rich repast;
The harp is silenced, not a tinkling
Disturbs the calm... On walks she, past
The greening groves and round them wanders,
While high above the wizard's gardens

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бегая с утра,
Устала, слезы осушила,
В душе подумала: пора!
На травку села, оглянулась —
И вдруг над нею сень шатра,
Шумя, с прохладой развернулась;
Обед роскошный перед ней;
Прибор из яркого кристалла;
И в тишине из-за ветвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится пленная княжна,
Но втайне думает она:
«Вдали от милого, в неволе,
Зачем мне жить на свете боле?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзает и лелеет,
Мне не страшна злодея власть:
Людмила умереть умеет!
Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров —
Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов!»
Подумала — и стала кушать.

Княжна встает, и вмиг шатер,
И пышной роскоши прибор,
И звуки арфы... всё пропало;
По-прежнему всё тихо стало;
Людмила вновь одна в садах

The moon appears, of night the queen,
And in the heavens reigns supreme.
From every side soft mists come drifting
And on the hilltops seek repose.
Our princess feels inclined to doze,
And is by some strange powers lifted
As gently as by spring's own breeze
And carried through the air with ease
Back to the chamber richly scented
With rose oil, and put down again
Upon the couch where, grief-tormented,
She lay before. And now the same
Three youthful maidens reappear
And, round her bustling, they unfasten
Hooks and the like of them and hasten
To take her raiments off. They wear
An anxious look; of mute compassion
Their aspect leaves a faint impression
And of a dull reproach to fate.
But let's not tarry more: 'tis late,
And fair Ludmila is by tender
And skillful hands by now undressed.
Robed in a snowy shift that renders
Her charms more charming still, to rest
She lays her down. The three maids, sighing,
Back out with bows, the door is shut.
What does our captive? — Lies there, but
Shakes leaf-like, and, sleep from her flying,
Feels chilled and dares not breathe. Her gaze
Bedimmed by fear, she moveless stays
And tense, with all her being trying
To penetrate the voiceless gloom,
The numbing stillness of the room;
Her heart throbs wildly, fitfully,
An agitated, endless thrumming...
The silence seems to whisper; she
Hears someone to her bedside coming
And in her pillows hides, and oh! —
The horror of it — footsteps... No!
It cannot be, she must be dreaming.
The door swings open; there's a Hare
Of light, and silent, pair by pair,
A file of Moors, their sabres gleaming,
Steps in with even, measured stride.
A look most grave and solemn wearing,
On downy pillows they are bearing
A silver beard. Puffed up with pride,
A pose assuming grand and stately,
Behind it marches in sedately
A hunchbacked dwarf, chin high, It is
To him the beard belongs. On his
Clean-shaven pate a tall, close-fitting
Tarbush, wound round with cloth, is sitting.

Скитается из рощи в рощи;
Меж тем в лазурных небесах
Плывет луна, царица нощи;
Находит мгла со всех сторон
И тихо на холмах почила;
Княжну невольно клонит сон.
И вдруг неведомая сила
Нежней, чем вешний ветерок,
Ее на воздух поднимает,
Несет по воздуху в чертог
И осторожно опускает
Сквозь фимиам вечерних роз
На ложе грусти, ложе слез.
Три девы вмиг опять явились
И вкруг нее засуетились,
Чтоб на ночь пышный снять убор,
Но их унылый, смутный взор
И принужденное молчанье
Являли втайне состраданье
И немощный судьбам укор.
Но поспешим: рукой их нежной
Раздета сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
В одной сорочке белоснежной
Ложится почивать она.
Со вздохом девы поклонились,
Скорей как можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что ж наша пленница теперь!
Дрожит как лист, дохнуть не смеет;
Хладеют перси, взор темнеет;
Мгновенный сон от глаз бежит;
Не спит, удвоила вниманье,
Недвижно в темноту глядит...
Всё мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышит трепетанье...
И мнится... шепчет тишина;
Идут — идут к ее постеле;
В подушки прячется княжна —
И вдруг... о страх!.. и в самом деле
Раздался шум; озарена
Мгновенным блеском тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Арапов длинный ряд идет
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушках осторожно
Седую бороду несет;
И входит с важностью за нею,
Подъяв величественно шею,
Горбатый карлик из дверей:
Его-то голове обритой,

He nears her, and Ludmila, led
By shock and fright, flies off her bed
And at him, and his cap she clutches,
And lifts a shaking fist, no doubt
To try to shield herself. And such is
The shriek the poor maid now lets out
The Moors are deafened by't, while paler
Than his fair captive turns her jailer.
He makes to flee, half' turns about,
Claps hands to ears in desperation,
And trips, a victim of frustration
And umbrage, on his beard, falls to
The floor, gets up, falls down anew,
Is quite entangled... In a dither
His dusky menials all are. Hither
And thither rush they, shout and push,
Then, flushed, confused, a wee bit angered,
They bear him off to be untangled
And quite forget the dwarfs tarbush.

But what of our young hero? Pray
Remember the unlooked-for fracas.
Your pencil, quick, Orlovsky! Make us
A sketch of that night-shrouded fray.

The moon shines down upon a cruel
And savage match. Incensed, the young
Combatants fight their bloody duel
'Thout respite. Their great lances flung
Are far from them, their swords lie shattered,
Likewise their shields, their mail is spattered
With blood... And yet the gory joust
Goes on. Beneath them, waging battle,
Their steeds whip up dark clouds of dust.
In an embrace of steel the two

Высоким колпаком покрытой,
Принадлежала борода.
Уж он приближился: тогда
Княжна с постели соскочила,
Седого карла за колпак
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащий занесла кулак
И в страхе завизжала так,
Что всех арапов оглушила.
Трепеща, скорчился бедняк,
Княжны испуганной бледнее;
Зажавши уши поскорее,
Хотел бежать, но в бороде
Запутался, упал и бьется;
Встает, упал; в такой беде
Арапов черный рой мятется;
Шумят, толкаются, бегут,
Хватают колдуна в охапку
И вот распутывать несут,
Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь наш?
Вы помните ль нежданну встречу?
Бери свой быстрый карандаш,
Рисуй, Орловский, ночь и сечу!
При свете трепетном луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца их гневом стеснены,
Уж копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровию покрыты,
Щиты трещат, в куски разбиты...
Они схватились на конях;
Взрывая к небу черный прах,
Под ними борзы кони бьются;

Bold knights are locked (they're on their mettle),
But seem quite moveless, as if to
Their saddles welded. Rage and ire
Their limbs turn stiff. A liquid fire
Sweeps like a torrent through their veins;
They're intertwined; chest 'gainst chest strains —
But now they weaker grow, they tire;
'Tis clear that soon one of them must
Go under, by the other bested.
Ruslan with iron hand a thrust
To his fierce rival gives, and, wresting
Him from the saddle, lifts him high
Above himself and never falters
But hurls him down into the waters
That seethe below them, shouting «Die!»

I'm sure, my friends, you've guessed aright
With whom my brave and gallant knight
His duel fought. Of battles deadly
The seeker rash it was, Rogdai.
The hope of Kiev, darkly, madly
Ludmila loved he and was by
This led to seek his rival. On
A Dnieper bank it was he found him:
Persistence and resolve had won!
Alas! The hero's strength unbounded
Deserted him, and in the wild
He met his end, was then beguiled
By a young mermaid who caressed him,
And to her icy bosom pressed him,
And, laughing, drew him down at last...
For many years thereafter, when
Night came and o'er the heavens cast
Its sable shroud, his ghost, appearing
There on the bank or in a clearing,
Would frighten lonely fishermen.

Борцы, недвижно сплетены,
Друг друга стиснув, остаются,
Как бы к седлу пригвождены;
Их члены злобой сведены;
Переплелись и костенеют;
По жилам быстрый огнь бежит;
На вражьей груди грудь дрожит —
И вот колеблются, слабеют —
Кому-то пасть... вдруг витязь мой,
Вскипев, железною рукой
С седла наездника срывает,
Подъемлет, держит над собой
И в волны с берега бросает.
«Погибни! — грозно восклицает; —
Умри, завистник злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
С кем бился доблестный Руслан:
То был кровавых битв искатель,
Рогдай, надежда киевлян,
Людмилы мрачный обожатель.
Он вдоль днепровских берегов
Искал соперника следов;
Нашел, настиг, но прежня сила
Питомцу битвы изменила,
И Руси древний удалец
В пустыне свой нашел конец.
И слышно было, что Рогдая
Тех вод русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смехом увлекла,
И долго после, ночью темной
Бродя близ тихих берегов,
Богатыря призрак огромный
Пугал пустынных рыбаков.

CANTO THE THIRD

You tried to stay from all eyes hidden
Save friendship's own, my verse — in vain!
To envy's scrutiny unbidden
Are you subjected all the same.
A mindless critic has already
The ticklish question asked me, why,
As if to mock Ruslan, his lady
I have been calling «maid».
Now, I
Appeal to you, my good, kind reader,
Does not with his lips malice speak?
Come, Zoilus, come, sly-tongued schemer —
What fitting answer can I make?
Blush, wretch, and God be with you, argue
With you I'll not, my heart is free
Of tainted thought, and silent, mark you,
I stay, kept so by modesty.
Dull Hymen's victim, you, Climene,
Will understand; yes, I can see you
Gaze downward languidly, for me you
Feel deeply, sweet... A tear falls, then
Another on the lines my pen
Has scribbled; clear are they, I know,
To hearts like yours; you flush, the glow
Fades from your eye, your muted sigh is
Most eloquent — a time of trials
Is nearing... Quake, O jealous one!
For wilful love with Anger mated
A plot lays — yes, well may you frown:
Your brow inglorious is fated
To boast revenge's twin-horned crown.

A cold dawn gilds the finely chiselled
Tops of the hills... There reigns throughout
Grim silence. Sulkily the wizard
In dressing gown and still without
His cap, sits on the bed, and, yawning,
Seems angered by the glow of morning.
His dusky slaves, close to him pressing,
Are busy with his beard, a comb,
A fine one, made of walrus bone,
Through all its curvings gently passing.
To give them strength and beauty, they
Pour balm upon his termless whiskers,
And, using curling irons, briskly
Make waves in them... The calm of day
Is broken — through the window sailing,
A dragon comes; it clangs its scaly,
Well furbished armour, folds its wings,
Coils swiftly into shiny rings,
And suddenly, to the surprise

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Напрасно вы в тени таились
Для мирных, счастливых друзей,
Стихи мои! Вы не сокрылись
От гневных зависти очей.
Уж бледный критик, ей в услугу,
Вопрос мне сделал роковой:
Зачем Русланову подругу,
Как бы на смех ее супругу,
Зову и девой и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тут злобы черную печать!
Скажи, Зоил, скажи, предатель,
Ну как и что мне отвечать?
Красней, несчастный, Бог с тобою!
Красней, я спорить не хочу;
Довольный тем, что прав душою,
В смиренной кротости молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь томные глаза,
Ты, жертва скучного Гимена...
Я вижу: тайная слеза
Падет на стих мой, сердцу внятный;
Ты покраснела, взор погас;
Вздохнула молча... вздох понятный!
Ревнивец: бойся, близок час;
Амур с Досадой своенравной
Вступили в смелый заговор,
И для главы твоей бесславной
Готов уж мстительный убор.

Уж утро хладное сияло
На темени полнощных гор;
Но в дивном замке всё молчало.
В досаде скрытой Черномор,
Без шапки, в утреннем халате,
Зевал сердито на кровати.
Вокруг брады его седой
Рабы толпились молчаливы,
И нежно гребень костяной
Расчесывал ее извивы;
Меж тем, для пользы и красы,
На бесконечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились;
Как вдруг, откуда ни возьмись,
В окно влетает змий крылатый:
Гремя железной чешуей,
Он в кольца быстрые согнулся
И вдруг Наиной обернулся
Пред изумленною толпой.
«Приветствую тебя,— сказала,—

Of all, takes old Nahina's guise.
«Hail, brother mine!» says she. «I knew you
Till now by loud report alone,
But never grudged you, be it known,
The high esteem and honour due you.
Now secret fate has joined us two
In enmity. The threat of danger
Hangs like a dark cloud over you,
While I'm to be the sole avenger
Of slighted honour, mine, my own;
Its voice I heed.»

The dwarf, a wily
Look on his face, in unctuous tones
Makes his reply: «I value highly,» —
To her he now extends his hand —
«Divine Nahina, our alliance.
We'll easily the Finn withstand;
I fear him not at all, for mine is
The greater strength; he ill compares
With me, I vow. This beard I wear,
Grey though it is, has special powers,
And no bold knight, no foe of ours,
However brave, no mortal can,
Unless by hostile force 'tis severed,
Upset my least design or plan;
Ludmila will be mine forever.
As for Ruslan, to die he's doomed!»
«To die! To die!» the witch repeated
With catty spite. «To die!» she boomed.
And then, her mission thus completed,
She hissed three times, thrice stamped
the ground,
And flew, a dragon's shape regaining,
Off and away, with vengeance flaming.

Собрат, издавна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рок соединяет
Теперь нас общею враждой;
Тебе опасность угрожает,
Нависла туча над тобой;
И голос оскорбленной чести
Меня к отмщению зовет».

Со взором, полным хитрой лести,
Ей карла руку подает,
Вещая: «Дивная Наина!
Мне драгоценен твой союз.
Мы посрамим коварство Финна;
Но мрачных козней не боюсь:
Противник слабый мне не страшен;
Узнай чудесный жребий мой:
Сей благодатной бородой
Недаром Черномор украшен.
Доколь власов ее седых
Враждебный меч не перерубит,
Никто из витязей лихих,
Никто из смертных не погубит
Малейших замыслов моих;
Моею будет век Людмила,
Руслан же гробу обречен!»
И мрачно ведьма повторила:
«Погибнет он! погибнет он!»
Потом три раза прошипела,
Три раза топнула ногой
И черным змием улетела.

In fine brocade most richly gowned
And by the old witch cheered and heartened,
The wizard to the maid's apartment
Anew decided to repair
And take his silken whiskers there
And lovelorn heart. We see him going
From room to room, he passes through
A row of them, vexation growing.
Where is his fair young captive? To
The park he hastes at first, then makes for
The grove, the waterfall, the lake shore,
The arbours, but, dear reader mine,
Finds of the princess not a sign,
By this he's driven nearly frantic,
We hear him moaning, raving, ranting;
He pants, he shakes in every limb,
The light of day's obscured for him.
«Here, slaves!» he splutters, in a flurry.
«The maid is lost! She's disappeared!
Be off with you, you idlers, hurry!
If she's not found, with this my beard,
I jest not, I will have you strangled.
Beware!»

But let us leave the angered
Dwarf, reader, and I'll tell you where
Our maid has gone... All night she pondered
Her fate, of danger well aware,
But as she wept she... smiled. You'll wonder
Why so... She'd met the dwarf; and he,
Despite the beard that she so hated,
Seemed a mere clown, and, you'll agree,
That fear and laughter are ill-mated.
Ludmila rises as the dawn
Is born, and morning's rays creep nearer,
Her sleepy gaze unconscious drawn
Toward a lofty, shining mirror.
Instinctively she lifts her tresses
From lily shoulders, o'er them passes,
As habit tells her to, her hands
And plaits the silky, golden strands.
The garments that she has been given
Lie in a corner. With a sigh
She starts to dress, is newly driven
To quiet tears, but keeps an eye
Upon the faithful glass wherein
She sees herself. A sudden whim
To put the dwarfs hat on now seizes
The princess. It is always fun,
Now, is it not, to try things on,
The very thought is one that pleases!
Besides, by none can she be seen,
And, what is of no smaller matter,

Блистая в ризе парчевой,
Колдун, колдуньей ободренный,
Развеселясь, решился вновь
Нести к ногам девицы пленной
Усы, покорность и любовь.
Разряжен карлик бородатый,
Опять идет в ее палаты;
Проходит длинный комнат ряд:
Княжны в них нет. Он дале, в сад,
В лавровый лес, к решетке сада,
Вдоль озера, вкруг водопада,
Под мостики, в беседки... нет!
Княжна ушла, пропал и след!
Кто выразит его смущенье,
И рев, и трепет исступленья!
С досады дня не взвидел он.
Раздался карлы дикий стон:
«Сюда, невольники, бегите!
Сюда, надеюсь я на вас!
Сейчас Людмилу мне сыщите!
Скорее, слышите ль? сейчас!
Не то — шутите вы со мною —
Всех удавлю вас бородою!»

Читатель, расскажу ль тебе,
Куда красавица девалась?
Всю ночь она своей судьбе
В слезах дивилась и — смеялась.
Ее пугала борода,
Но Черномор уж был известен
И был смешон, а никогда
Со смехом ужас несовместен.
Навстречу утренним лучам
Постель оставила Людмила
И взор невольный обратила
К высоким, чистым зеркалам;
Невольно кудри золотые
С лилейных плеч приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашние наряды
Нечаянно в углу нашла;
Вздохнув, оделась и с досады
Тихонько плакать начала;
Однако с верного стекла,
Вздыхая, не сводила взора,
И девице пришло на ум,
В волненье своенравных дум,
Примерить шапку Черномора.
Всё тихо, никого здесь нет;
Никто на девушку не взглянет...
А девушке в семнадцать лет

There is no hat that will not flatter
A girl who's only seventeen!
And so the wicked midget's hat
Ludmila turns this way and that;
Straight, then askew she makes it sit,
Down on her eyebrows pushes it,
Claps it on front-to-back... Behold!
A miracle! — In times of old
They happened often, it appears —
Ludmila's image disappears,
Gone is she from the glass completely;
But in a moment, as she neatly
Turns the hat round, she's there again!
Once, twice she tries it, and the same
Thing happens. Cries the princess: «Splendid!
My troubles now are all but ended.
So much for you, vile dwarf, your hunt
For me is over!» And, cheeks glowing,
Herself to be in safety knowing,
She puts the hat on back-to-front.

For shame! Too long has our attention
Been claimed by beard and hat of late;
Our hero giving up to fate,
Of him — alack! — we made no mention.
His duel with Rogdai behind him,
He passes through a lonely wood,
And in a sunlit dale we find him
His stallion reining in. A mood
Of sudden, awful dread comes o'er him:
An ancient battlefield's before him,
And grim it looks, for everywhere
Gleam yellow bones, and here and there
Old, broken armour lies, corroding;
A quiver and a rusty shield
Rest near at hand; far out afield
Stiff, bony fingers hold a moulding
Green sword, a skull is seen to rot
Within a weed-grown helm. And what
Is that ahead? A skeleton,
That of a knight, still armed and on
His fallen, fleshless charger seated,
As if alive and undefeated.
Entwined with ivy, arrows, lances,
Spears from the earth stick. Not a sound
Disrupts of these forlom expanses
The haunting silence and profound;
The sun alone the vale invades
Of death and of its lingering shades.

Sad-eyed the knight around him gazes.
«O field, wide field, you bear the traces
Of slaughter,» says he with a sigh.

Какая шапка не пристанет!
Рядиться никогда не лень!
Людмила шапкой завертела;
На брови, прямо, набекрень,
И задом наперед надела.
И что ж? о чудо старых дней!
Людмила в зеркале пропала;
Перевернула — перед ней
Людмила прежняя предстала;
Назад надела — снова нет;
Сняла — и в зеркале! «Прекрасно!
Добро, колдун, добро, мой свет!
Теперь мне здесь уж безопасно;
Теперь избавлюсь от хлопот!»
И шапку старого злодея
Княжна, от радости краснея,
Надела задом наперед.

Но возвратимся же к герою.
Не стыдно ль заниматься нам
Так долго шапкой, бородою,
Руслана поруча судьбам?
Свершив с Рогдаем бой жестокий,
Проехал он дремучий лес;
Пред ним открылся дол широкий
При блеске утренних небес.
Трепещет витязь поневоле:
Он видит старой битвы поле.
Вдали все пусто; здесь и там
Желтеют кости; по холмам
Разбросаны колчаны, латы;
Где сбруя, где заржавый щит;
В костях руки здесь меч лежит;
Травой оброс там шлем косматый,
И старый череп тлеет в нем;
Богатыря там остов целый
С его поверженным конем
Лежит недвижный; копья, стрелы
В сырую землю вонзены,
И мирный плющ их обвивает...
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущает,
И солнце с ясной вышины
Долину смерти озаряет.

Со вздохом витязь вкруг себя
Взирает грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топтал

«Who planted you to bones and why?
By whose fleet stallion were you trampled?
What bloody battle here was fought
With perseverance unexampled?
Who prayed here and salvation sought?
Why are you mute, why with the grasses
O'ergrown of cold oblivion?
Is there escape from it for none?
Is it that time all, all erases?
What if upon some nameless hill
I am to lie? Mayhap Bayan
Will never chant of me or on
My deeds dwell...»

Thus thought he until
It came to him, and this most clearly,
That what he needed — needed dearly —
Was armour and a sword, the night
Of combat having left him quite
Unarmed, alack, or... very nearly.
On this intent, he walks around
The battlefield where bones lie scattered
And armour, time- and weather-battered,
To see if something can be found.
A sudden clank! A rousing clatter!
The plain from numbing sleep awakes,
A helmet and a shield, the latter
At random picking up, he takes,
And then a ringing horn, but no
Sword to his liking finds, although
Scores of them strew the field of battle:
Being no puny modern knight,
Young Prince Ruslan declines to settle
For one he thinks too short or light.
The boredom fearing of inaction,
A steel lance chooses he for play,
Puts on a hauberk for protection,
And, thus arrayed, goes on his way.

The flames of sunset, slowly paling,
Fade o'er an earth embraced by sleep.
From out the mists the heavens veiling,
A golden moon is seen to creep.
The steppe grows dimmer, nighttime's hazes
Float over it; the path looms dark.
As our young knight rides on, his gaze is
Drawn by a huge black mound, and — hark! —
A fearsome snore comes from't. Our hero,
Undaunted by it, rides up nearer:
The strange mound seems to breathe. Ruslan,
Quite unperturbed, looks calmly on.
Not so his steed, who balks at making
Another step and stands there quaking

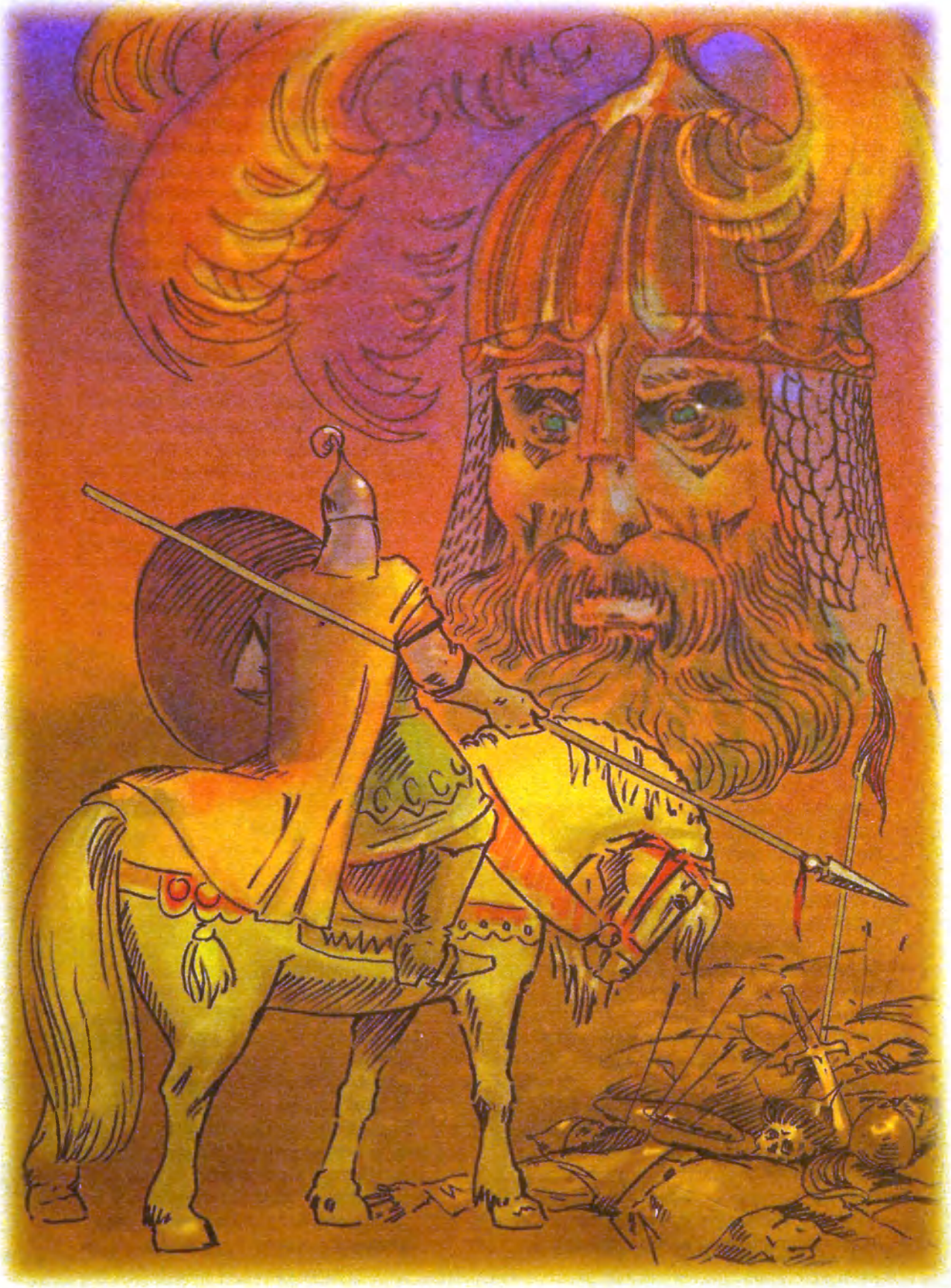
В последний час кровавой битвы?
Кто на тебе со славой пал?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачем же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?..
Времен от вечной темноты,
Быть может, нет и мне спасенья!
Быть может, на холме немом
Поставят тихий гроб Русланов,
И струны громкие Баянов
Не будут говорить о нем!»

Но вскоре вспомнил витязь мой,
Что добрый меч герою нужен
И даже панцирь; а герой
С последней битвы безоружен.
Обходит поле он вокруг;
В кустах, среди костей забвенных,
В громаде тлеющих кольчуг,
Мечей и шлемов раздробленных
Себе доспехов ищет он.
Проснулись гул и степь немая,
Поднялся в поле треск и звон;
Он поднял щит, не выбирая,
Нашел и шлем, и звонкий рог;
Но лишь меча сыскать не мог.
Долину брани объезжая,
Он видит множество мечей,
Но все легки да слишком малы,
А князь красавец был не вялый,
Не то, что витязь наших дней.
Чтоб чем-нибудь играть от скуки,
Копье стальное взял он в руки,
Кольчугу он надел на грудь
И далее пустился в путь.

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленною землей;
Дымятся синие туманы,
И всходит месяц золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчив едет наш Руслан
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный
И что-то страшное храпит.
Он ближе к холму, ближе — слышит:
Чудесный холм как будто дышит.
Руслан внимает и глядит
Бестрепетно, с покойным духом;
Но, шевеля пугливым ухом,
Конь упирается, дрожит,

With bristling mane and twitching ear
In quite ungovernable fear.
Hut now the pale orb born to range
The sleepy skies, lights up the nightly,
Mist-covered plain and mound more brightly,
A sight revealing wondrous strange.
Can pen describe the like?.. A Head,
A living Head is there! In slumber
Its eyes are shut, it snores, is dead
To all the world, but every rumble,
Each breath and wheeze that from it comes
The helmet stirs and sends the plumes
That reach the shadowed heights a'swaying.
Above the gloomy plain and greying,
The wasteland's guard, in all its chill
And frightful splendrousness it towers,
An awesome hulk, part of the still
And fearful night, possessed of powers
Weird, menacing... Ruslan decides
To rouse it, and, his eyes half doubting,
Around the Head he slowly rides.
Here is the nose! Without dismounting,
The nostrils with the tip of his
Sharp lance he delicately teases.
The great face puckers up at this;
The great Head, eyes now open, sneezes!..
A whirlwind starts, dust swirls, the plain
Rocks mightily arid rocks again,
As if by a convulsion shaken.
The whiskers, lashes, eyebrows rain
Whole flocks of owls, the groves awaken.
The echo sneezes. Shocked, the steed
Lets out a neigh and rears... Indeed,
He all but throws the knight, a bellow
The air rends: «Back, you foolish fellow!
I jest not. Come and get your due;
I gobble malaperts like you!»
Ruslan, provoked, looks round, and, reining
His horse in sharply, laughs in scorn,
To make a tart retort disdaining.
«Was ever such a nuisance born!»
The Head declares (its tones are surly).
«Sent here by fate to try me, were you?
What do you want? Make off! Adieu!
I'm going back to sleep.» «Not you!»
The prince exclaims, these rude words hearing,
And, filled with anger and disgust,
Says: «Silence, empty pate! A just
Truth is it, one not said in vain:
A massive dome, a pygmy brain!»
And then he adds in accents searing:
«I ride along and no grudge bear you,
But cross my path, and I won't spare you!»

Трясет упрямой головою,
И грива дыбом поднялась.
Вдруг холм, безоблачной луною
В тумане бледно озарясь,
Яснеет; смотрит храбрый князь —
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объяты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в темной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь.
В своей ужасной красоте
Над мрачной степью возвышаясь,
Безмолвием окружена,
Пустыни сторож безымянной,
Руслану предстоит она
Громадой грозной и туманной.
В недоуменье хочет он
Таинственный разрушить сон.
Вблизи осматривая диво,
Объехал голову кругом
И стал пред носом молчаливо;
Щекотит ноздри копием,
И, сморщась, голова зевнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль; с ресниц, с усов,
С бровей слетела стая сов;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржал, запрыгал, отлетел,
Едва сам витязь усидел,
И вслед раздался голос шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назад, я не шучу!
Как раз нахала проглочу!»
Руслан с презреньем оглянулся,
Браздами удержал коня
И с гордым видом усмехнулся.
«Чего ты хочешь от меня? —
Нахмурясь, голова вскричала.—
Вот гостя мне судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь уж ночь,
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубые слова,
Воскликнул с важностью сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слыхал я истину бывало:
Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!»



At this, the Head, by such cheek numbed,
To a most awful rage succumbed.
It swelled, it flamed, its pale lips trembled,
Turned paler still, were flecked with froth,
Its eyes two balls of fire resembled,
Great clouds of steam now poured from both
Its ears and mouth. And then it started,
Cheeks puffing up, with all its might
To blow at our hapless knight.
To no avail the horse, much startled,
Head downward held and eyes squeezed tight,
To push through rain and whirlwind strained;
Half-blinded, terrified, and drained
Of half his strength, he spun around
And ran, for safer places bound.
Ruslan made fresh attempts to guide him
And to attack the Head a new —
He was repulsed, at him it blew
And cackled crazily. Behind him
He heard it boom: «Ho, knight, where to?
To flee is most unwise of you,
You'll break your neck! Come, my assailant,
Attack me, show me just how valiant
You are! But no, you'd better stop;
Your poor old nag is fit to drop!»
And sticking out its tongue, it taunted
And teased the knight. The monster's leer
Left our young hero quite undaunted
Though sorely vexed. He raised his spear
And at the Head the weapon flung,
And, quivering, the brazen tongue
It pierced and there was to remain
Stuck fast in it. Of blood a torrent
Poured from the maw. The great Head's pain
And its amazement were apparent;
Gone was its cheek, its beet-red hue;
Upon the prince its great eyes fastened,
It chewed on steel, and greyer grew,
And though still seething, was much chastened.
So on the stage one of the Muse's
Less worthy pupils sometimes loses
His head, a sense of where he is
When deafened by a sudden hiss.
He pales, he quakes, what he is there for
Well-nigh forgetting, with an effort
Declaims his lines and... stops, unheard
By the derisive, jeering herd.
Our gallant knight, the huge Head finding
To be thus discomposed and dazed,
Flew hawk-like toward it, hand upraised
And in a heavy gauntlet cased,
And dealt the giant cheek a blinding
And crushing blow. There starts an echo

Тогда, от ярости немея,
Стесненной злобой пламенея,
Надулась голова; как жар,
кровавы очи засверкали;
Напенясь, губы задрожали,
Из уст, ушей поднялся пар —
И вдруг она, что было мочи,
Навстречу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонив главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи
Неверный продолжает путь;
Объятый страхом, ослепленный,
Он мчится вновь, изнеможенный,
Далече в поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочет —
Вновь отражен, надежды нет!
А голова ему вослед,
Как сумасшедшая, хохочет,
Гремит: «Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даром;
Не трусь, наездник, и меня
Порадуй хоть одним ударом,
Пока не заморил коня».
И между тем она героя
Дразнила страшным языком.
Руслан, досаду в сердце кроя,
Грозит ей молча копием,
Трясет его рукой свободной,
И, задрожав, булат холодный
Вонзился в дерзостный язык.
И кровь из бешеного зева
Рекою побежала вмиг.
От удивленья, боли, гнева,
В минуту дерзости лишась,
На князя голова глядела,
Железо грызла и бледнела.
В спокойном духе горячась,
Так иногда средь нашей сцены
Плохой питомец Мельпомены,
Внезапным свистом оглушен,
Уж ничего не видит он,
Бледнеет, ролю забывает,
Дрожит, поникнув головой,
И заикаясь умолкает
Перед насмешливой толпой.
Счастливым пользуясь мгновеньем,
К объятой голове смущеньем,
Как ястреб, богатырь летит
С подъятой, грозною десницей
И в щеку тяжкой рукавицей

That carries o'er the gloomy plain.
The dewy grass is richly stained
With bloody foam. For nigh a second
The great Head sways and rocks, then, lo! —
It topples, hits the ground below
And starts to roll, the steel helm making
A mighty clatter. But behold! —
A huge sword, glittering like gold,
A champion's sword, there's no mistaking
The look of it, lies where the Head
Lay 'fore its fall. The prince, elated,
Now seizes it, and the ill-fated
Head follows, by the fierce wish led
To lop its ears and nose off. Routed
It lies before him, he's about to
Bring down the sword when a low plea,
A faint moan stops him. Startled, he
Lets his arm sink, his ire subsiding,
And ruth, not wath his actions guiding.
As in a vale snow quickly thaws
When touched by midday's sunshine flaming,
So supplication trims the claws
Of vengeance, its brute powers taming.

«You brought me to my senses,» sighing,
The Head now said in accents lame.
«Your right hand proved beyond denying
That I have but myself to blame.
I promise you, I will obey you,
But mercy, mercy, knight, I pray you!
For grim has my plight been; I too
Was once a valiant knight like you,
By none on battlefield excelled
Or to lay down my arms compelled.
And happy I — were't not for my
Young malformed brother's rivalry!
For Chernomor, that fount of hatred,
Alone my downfall perpetrated!
A bearded midget and a stain
Upon our family's good name,
For me who was both tall and straight
He felt a bitter jealousy,
But hid his all-consuming hate
Behind an outward courtesy.
Alas! I have been simple ever,
While he, this wretch of comic height,
Is diabolically clever
And full of viciousness and spite.
Besides — I quake as I confess this —
That fancy beard of his possessed is
Of magic powers: while whole it stays,
That true embodiment of evil,
The dwarf, is safe from harm. With base

С размаха голову разит;
И степь ударом огласилась;
Кругом росистая трава
Кровавой пеной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлем чугунный застучал.
Тогда на месте опустелом
Меч богатырский засверкал.
Наш витязь в трепете веселом
Его схватил и к голове
По окровавленной траве
Бежит с намереньем жестоким
Ей нос и уши обрубить;
Уже Руслан готов разить,
Уже взмахнул мечом широким —
Вдруг, изумленный, внемлет он
Главы молящей жалкий стон...
И тихо меч он опускает,
В нем гнев свирепый умирает,
И мщенье бурное падет
В душе, моленьем усмиренной:
Так на долине тает лед,
Лучом полудня пораженный.

«Ты вразумил меня, герой,—
Со вздохом голова сказала,—
Твоя десница доказала,
Что я виновен пред тобой;
Отныне я тебе послушен;
Но, витязь, будь великодушен!
Достоин плача жребий мой.
И я был витязь удалой!
В кровавых битвах супостата
Себе я равного не зрел;
Счастлив, когда бы не имел
Соперником меньшого брата!
Коварный, злобный Черномор,
Ты, ты всех бед моих виною!
Семейства нашего позор,
Рожденный карлой, с бородою,
Мой дивный рост от юных дней
Не мог он без досады видеть
И стал за то в душе своей
Меня, жестокий, ненавидеть.
Я был всегда немного прост,
Хотя высок; а сей несчастный,
Имея самый глупый рост,
Умен как бес — и зол ужасно.
Притом же, знай, к моей беде,
В его чудесной бороде
Таится сила роковая,
И, все на свете презирая,—

Intentions but in accents civil
To me one fateful day he said:
"I need your help." (There's no refusing
Such an appeal.) "You see, perusing
A book of magic once, I read
That where rise mighty hills, and breakers
Against them smash, in a forsaken
Stone vault, known to no human, lies
A magic sword that was created
By baneful spirits. Fascinated,
I studied hard and learnt the meaning
Of secret words, in this wise gleaning
A truth to great fears giving rise:
That this sword, so the skies portend
And fate wills, both our lives will end
By parting us, my friend and brother,
Me from my beard, you from your head.
We must procure the sword, none other,
And 'thout delay". „Well, well," I said,
„What's stopping us? We need not tarry!
You'll point the way out. Come, now, hurry,
Get on my shoulder, brother mine;
On to the other one a pine
I'll hoist. If need be we will go
To the earth's very end." And so
Upon our way at once we started,
And, God be thanked, as if to spite
The soothsay, all at first went right,
And those far mountains, happy-hearted,
I reached at last and went beyond,
And there the secret dungeon found,
And with my bare hands broke it open
And drew the sword out, always hoping
That fate would merciful remain.
But no! We quarrelled once again.
The cause? — O'er which was to possess it,
No mean reward, I must confess it.
He raved, I reasoned, so it went
Until the wily one, while seeming
To yield his ground and to relent,
Devised, to work my ruin scheming,
A knavish ruse. „Enough! This sparring,
This shameful tiff, life's pleasures marring,"
Said he with solemn mien, „must cease.
Is it not better to make peace?
Whose sword this is to be, I'm thinking,
Fate ran decide. We'll each an ear
Put to the ground, and if a ringing
Should yours reach first, why, brother dear,
You will have won it. „And, so saying,
He dropped on to the ground, and I,
I followed suit and lay down by
His side... Ah, knight, there's no gainsaying

Доколе борода цела —
Изменник не страшится зла.
Вот он однажды с видом дружбы
«Послушай,— хитро мне сказал,—
Не откажись от важной службы:
Я в черных книгах отыскал,
Что за восточными горами
На тихих моря берегах,
В глухом подвале, под замками
Хранится меч — и что же? страх!
Я разобрал во тьме волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей меч известен будет нам;
Что нас он обои́х погубит:
Мне бороду мою отрубит,
Тебе главу; суди же сам,
Сколь важно нам приобретенье
Сего созданья злых духов!»
— «Ну, что же? где тут затрудненье? —
Сказал я карле,— я готов;
Иду, хоть за пределы света».
И сосну на плечо взвалил,
А на другое для совета
Злодея брата посадил;
Пустился в дальную дорогу,
Шагал, шагал и, слава Богу,
Как бы пророчеству назло,
Всё счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвал;
Я разметал его руками
И потаенный меч достал.
Но нет! судьба того хотела:
Меж нами ссора закипела —
И было, признаюсь, о чем!
Вопрос: кому владеть мечом?
Я спорил, карла горячился;
Бранились долго; наконец
Уловку выдумал хитрец,
Притих и будто бы смягчился.
«Оставим бесполезный спор,—
Сказал мне важно Черномор,—
Мы тем союз наш обесславим;
Рассудок в мире жить велит;
Судьбе решить мы предоставим,
Кому сей меч принадлежит.
К земле приникнем ухом оба
(Чего не выдумает злоба!),
И кто услышит первый звон,
Тот и владей мечом до гроба».—
Сказал и лег на землю он.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,

I was a dolt, a knucklehead,
A perfect ass to have believed him —
I told myself I would deceive him
And was myself deceived instead!
The ugly wretch stood up, and, stealing
On tiptoe to me from the back,
The sword raised. Dastardly attack! —
It sang, a death-blow to me dealing.
Fre I could turn, my poor head was
No longer in its place, alas.
Preserved by some dark, occult force,
It lives (which is no boon, of course),
But all the rest of me, unburied,
Rots in a place to man unknown;
With blackthorn thickly overgrown
My frame is; by the midget carried
I (just the head) was to this spot
And left to guard — ignoble lot! —
The magic sword. For ever after
It shall be yours, 'tis only right.
Fate's kind to you; should you, O knight,
The dwarf meet, be he e'er so crafty,
Avenge me — with this great sword smite
The ruthless knave, my heart relieving
Of all its suffering and grieving.
The juicy smack you gave me I
Will then forget, without a sigh
Or a reproach this sad world leaving.»

Смекая: обману его!
Но сам жестоко обманулся.
Злодей в глубокой тишине,
Привстав, на цыпочках ко мне
Подкрался сзади, размахнулся;
Как вихорь, свистнул острый меч,
И прежде чем я оглянулся,
Уж голова слетела с плеч —
И сверхъестественная сила
В ней жизни дух остановила.
Мой остов тернием оброс;
Вдали, в стране, людьми забвенной,
Истлел мой прах непогребенный;
Но злобный карла перенес
Меня в сей край уединенный,
Где вечно должен был стеречь
Тобой сегодня взятый меч.
О витязь! Ты храним судьбою,
Возьми его, и Бог с тобою!
Быть может, на своем пути
Ты карлу-чародея встретишь —
Ах, если ты его заметишь,
Коварству, злобе отомсти!
И наконец я счастлив буду,
Спокойно мир оставлю сей —
И в благодарности моей
Твою пощечину забуду».

CANTO THE FOURTH

Each morning as I wake from slumber
To God I tender heartfelt praise
That of magicians nowadays
There is a marked decrease in number,
And that they render now far less
Precarious our marriages.
In fact, their spells need not be dreaded
By those of us but newly wedded.
But there is witchery and guile,
Blue eyes, a tender voice, a smile,
A dimpled cheek, and all the rest,
Which to avoid, I find, is best.
The honeyed poison they exude
Intoxicates; I dread, I fear them.
Like me beware of staying near them,
Embrace repose and quietude.

O wondrous genius of rhyme,
O bard of love and love's sweet dreaming,
You who portray the sly and scheming
Dwellers of hell and realms divine,

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я каждый день, восстав от сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что в наши времена
Волшебников не так уж много.
К тому же — честь и слава им! —
Женитьбы наши безопасны...
Их замыслы не так ужасны
Мужьям, девицам молодым.
Но есть волшебники другие,
Которых ненавижу я:
Улыбка, очи голубые
И голос милый — о друзья!
Не верьте им: они лукавы!
Страшитесь, подражая мне,
Их упоительной отравы,
И почивайте в тишине.

Поэзии чудесный гений,
Певец таинственных видений,
Любви, мечтаний и чертей,
Могил и рая верный житель

Of this inconstant Muse of mine
The confidant and keeper faithful!
Forgive me, Northern Orpheus, do,
For recklessly presuming to
Fly after you in my tale playful
And catching in a most quaint lie
Your wayward lyre...

My good friends, I
Know that you heard about the evil
Old wretch, the hapless sinner who
In days of yore sold to the devil
His own soul and his daughters' too;
Of how through charity and fasting
And faith and prayer sincere, long-lasting
And penitence without complaint
He found a patron in a saint;
How, when the hour struck, he died,
How his twelve daughters slept, enchanted.
Stirred were we, yes, and terrified
By visions strangely darkness-mantled,
By Heaven's wrath, the Arch-fiend's fury,
The sinner's torments. With enduring
Delight and joy, let us confess,
We eyed the chaste maids' loveliness,
Walked with them, sad of heart and weeping,
Around the castle's toothy wall,
Or stayed beside them, vigil keeping
O'er their calm sleep, their peaceful thrall.
We called upon Vadim, exhorted
Him to come soon, and when the blest,
The holy ones awoke, escorted
Them to their father's place of rest.
Yet had we been deceived and dare I
The truth speak and misgiving bury?..

Ratmir goads his steed on, his way
Toward southern plains impatient making,
Filled with the hope of overtaking
Ludmila 'fore the end of day...
The crimson skies turn slowly darker
And vainly with his gaze he strains
To pierce the haze that cloaks the plains
And sleepy stream. A last ray sparkles
Above the wood and paints it gold.
By nighttime's dark, thick veil enfolded,
Our knight rides past black, jutting boulders...
Oh, for a place to sleep!.. Behold! —
A vale before him lies, an old
Walled castle perching high above it
Upon a cliff top; shadow-covered,
At every corner turrets show.
With all a swan's glide, smooth and slow,

И музы ветреной моей
Наперсник, пестун и хранитель!
Прости мне, северный Орфей,
Что в повести моей забавной
Теперь вослед тебе лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы все слыхали,
Как бесу в древни дни злодей
Предал сперва себя с печали
А там и души дочерей;
Как после щедрым подаяньем,
Молитвой, верой, и постом,
И непритворным покаяньем
Снискал заступника в святом;
Как умер он и как заснули
Его двенадцать дочерей:
И нас пленили, ужаснули
Картины тайных сих ночей,
Сии чудесные виденья,
Сей мрачный бес, сей Божий гнев,
Живые грешника мученья
И прелесть непорочных дев.
Мы с ними плакали, бродили
Вокруг зубчатых замка стен,
И сердцем тронутым любили
Их тихий сон, их тихий плен;
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрели их,
И часто инокинь святых
На гроб отцовский провожали.
И что ж, возможно ль?.. нам солгали!
Но правду возвещу ли я?..

Младой Ратмир, направя к югу
Нетерпеливый бег коня,
Уж думал пред закатом дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерел;
Напрасно витязь пред собою
В туманы дальние смотрел:
Всё было пусто над рекою.
Зари последний луч горел
Над ярко позлащенным бором.
Наш витязь мимо черных скал
Тихонько проезжал и взором
Ночлега меж дерев искал.
Он на долину выезжает
И видит: замок на скалах
Зубчаты стены возвышает;
Чернеют башни на углах;
И дева по стене высокой,

Along the wall there walks a maiden;
By twilight's faint ray lit is she,
And on the soft air dreamily
Her song floats, in the distance fading:

«Night cloaks the lea; from far away
The chilling winds of ocean carry.
Come, youthful roamer, do not tarry;
Take shelter in our castle, pray!

«The nights in languid calm we spend,
The days in feasts and merrymaking.
Come, youthful wanderer, attend
This fete of ours, to joy awaking.

«We many are and beauties all;
Our lips are soft, our speeches tender.
Come, youthful wanderer, surrender
And heed our joyous, secret call!

«For thee, O knight, at birth of morning
A farewell cup of wine we'll fill.
Heed thou our summons with a will,
Our gentle plea refrain from scorning.

«Night cloaks the lea, from far away
The chilling winds of ocean carry.
Come, youthful roamer, do not tarry,
Take shelter in our castle, pray!»

He hears her in this manner greet him
And hastens, tempted, to the gate
Where other fair maids, smiling, wait,
A throng of them come out to meet him.
Their eyes to his face glued, they seek
To make him welcome. How entrancing
Their speeches are, the words they speak!..
Two of them lead away his prancer.
The castle enters he; en masse
The fair young hermits follow. As
One of his winged helm relieves him,
Another 'thout his armour leaves him,
A third removes his sword and shield.
The garb of warfare's bound to yield
To flimsier dress. But first the splendours
Of a true Russian bath wait for
The wayworn youth. In torrents endless
We see the steaming water pour
Into the silver tubs; it eddies
And swirls; swift fountains upward send
Sprays that the warm air coolness lend,
A breezy freshness; all's made ready
To please and gratify the khan.

Как в море лебедь одинокий,
Идет, зарей освещена;
И девы песнь едва слышна
Долины в тишине глубокой.

«Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный.

Здесь ночью нега и покой,
А днем и шум, и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о путник молодой!

У нас найдешь красавиц рой;
Их нежны речи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о путник молодой!

Тебе мы с утренней зарей
Наполним кубок на прощанье.
Приди на мирное призванье,
Приди, о путник молодой!

Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный».

Она манит, она поет:
И юный хан уж под стеною;
Его встречают у ворот
Девицы красные толпою;
При шуме ласковых речей
Он окружен; с него не сводят
Они пленительных очей;
Две девицы коня уводят;
В чертоги входит хан младой,
За ним отшельниц милых рой;
Одна снимает шлем крылатый,
Другая кованые латы,
Та меч берет, та пыльный щит;
Одежда неги заменит
Железные доспехи брани.
Но прежде юношу ведут
К великолепной русской бане.
Уж волны дымные текут
В ее серебряные чаны,
И брызжут хладные фонтаны;
Разостлан роскошью ковер;
На нем усталый хан ложится;
Прозрачный пар над ним клубится;

Rich are the rugs that he lies on!
Transparent wisps of steam curl o'er him;
The maids, all half-nude loveliness,
Around him crowd, a mute caress
Hid in their downcast eyes, and for him
Care with a wordless tenderness.
Above him one waves birch twigs that
Send off sweet scents, another, at
His side stays put and waxes busy,
The juice of spring's fresh roses using
To cool his weary legs and arms
And drown in aromatic balms
His curly locks. Ratmir, enraptured,
Forgets Ludmila, long since captured,
And her once dreamt-of, longed-for charms.
With languor filled and with desire,
His roving eye agleam, he burns,
All passion, and, his heart afire,
For love and its fulfilment yearns.

But now the baths he leaves, and, wearing
Rich velvets, to a feast sits down,

Потупя неги полный взор,
Прелестные, полунагие,
В заботе нежной и немой,
Вкруг хана девы молодые
Теснятся резвою толпой.
Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берез,
И жар от них душистый пашет;
Другая соком вешних роз
Усталы члены прохлаждает
И в ароматах потопляет
Темнокудрявые власы.
Восторгом витязь упоенный
Уже забыл Людмилы пленной
Недавно милые красы;
Томится сладостным желаньем;
Бродящий взор его блестит,
И, полный страстным ожиданьем,
Он тает сердцем, он горит.

Но вот выходит он из бани.
Одетый в бархатные ткани,

With the young sirens gladly sharing
The wonders of the board. I own
I am no Homer to be singing
In lofty verse (not mine his pen)
The feasts of Grecian fighting men
And their great goblets' merry ringing.
No, like Parny I would that my
Imprudent lyre might tender sigh
O'er love's sweet kiss and sing the praises
Of nude forms dimmed by night's soft hazes!..
Lit by the moon the castle is;
I see a chamber where, reclining
Upon a couch, Ratmir sleeps, pining
For love in dreamy languor. His
Once pallid brow and cheeks are flaming,
His lips, half-open, are aglow
And seem to be in secret claiming
Another's lips; he heaves a low,
A moan-like, lingering sigh, and, seizing
The quilt, with quickened, fevered breathing,
To his breast presses it... The door
Squeaks open, moon beams streak the floor,
A maid steals in... Awake, Ratmir!
Of sleep asunder tear the meshes!
Night's every moment is too precious,
Pray waste them not!.. The maid draws near
The sleeping knight with softest tread...
His face, on hot down pillowed, blazes,
The silk quilt's slipped from off the bed.
She holds her breath and at him gazes,
Entranced by what she sees, by this
Limp, sensuous form now left 'thout cover:
She's sanctimonious Artemis
Beside her youthful shepherd lover.
Then, gracefully and lightly she
Puts on the couch a rounded knee,
And o'er the lucky sleeper leaning,
Sighs deeply, to his breathing listens,
And rouses him from sensuous dreaming
With passionate and fiery kisses...

But stay! Beneath my slowing fingers
The virgin lyre now turns still,
My shy voice weaker grows — we will
Leave young Ratmir, I dare not sing of
Him more or in this vein go on:
'Tis time, friends, to recall Ruslan,
That stalwart staunch as he is fearless,
That lover true, that gallant peerless.
Exhausted by the mighty fray,
Beneath the Head he now lies sleeping,
Hut early morning's shining ray

В кругу прелестных дев, Ратмир
Садится за богатый пир.
Я не Омер: в стихах высоких
Он может воспевать один
Обеды греческих дружин
И звон, и пену чаш глубоких.
Милее, по следам Парни,
Мне славить лирою небрежной
И наготу в ночной тени,
И поцелуй любови нежной!
Луною замок озарен;
Я вижу терем отдаленный,
Где витязь томный, воспаленный
Вкушает одинокий сон;
Его чело, его ланиты
Мгновенным пламенем горят;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манят;
Он страстно, медленно вздыхает,
Он видит их — и в пылком сне
Покровы к сердцу прижимает.
Но вот в глубокой тишине
Дверь отворилась; пол ревнивый
Скрыпит под ножкой торопливой,
И при серебряной луне
Мелькнула дева. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись — твоя настала ночь!
Проснися — дорог миг утраты!..
Она подходит, он лежит
И в сладострастной неге дремлет;
Покров его с одра скользит,
И жаркий пух чело объемлет.
В молчанье дева перед ним
Стоит недвижно, бездыханна,
Как лицемерная Диана
Пред милым пастырем своим;
И вот она, на ложе хана
Коленом опершись одним,
Вздохнув, лицо к нему склоняет
С томленьем, с трепетом живым
И сон счастливца прерывает
Лобзаньем страстным и немым...

Но, други, девственная лира
Умолкла под моей рукой;
Слабеет робкий голос мой —
Оставим юного Ратмира;
Не смею песней продолжать:
Руслан нас должен занимать,
Руслан, сей витязь беспримерный,
В душе герой, любовник верный.
Упорным боем утомлен,

Already o'er the sky comes creeping,
And turns the Head's thick locks in play
To molten gold. Our young knight, blinking,
So sharp's the light, from earthen bed
Springs quickly up, and in a twinkling
By his swift steed is onward sped.

The days run on, the fields turn yellow,
The leaves drop from the trees' bared crowns;
The autumn wind's fierce whistling drowns
The winged songsters' music mellow.
The nude brown hills are daily haunted
By heavy fogs, for winter's near.
But our young gallant knows no fear
And, by its icy breath undaunted,
Heads northward. Daily now he meets
Fresh barriers: now bravely fights he
Another knight, now beats a mighty
And awesome giant, now defeats
A crafty witch. One night he even
As in a dream saw mermaids sit
On swaying, mist-clothed branches lit
By silver moonbeams. Closer driven,
He watched them, full of wonder. They
Said ne'er a word, but smiling slyly,
Tried to enchant and to beguile him.
By kind fate shielded, fast away

Под богатырской головою
Он сладостный вкушает сон.
Но вот уж раннею зарею
Сияет тихий небосклон;
Всё ясно; утра луч игривый
Главы косматый лоб златит.
Руслан встает, и конь ретивый
Уж витязя стрелою мчит.

И дни бегут; желтеют нивы;
С дерев спадает дряхлый лист;
В лесах осенний ветра свист
Певиц пернатых заглушает;
Тяжелый, пасмурный туман
Нагие холмы обвивает;
Зима приближилась — Руслан
Свой путь отважно продолжает
На дальный север; с каждым днем
Преграды новые встречает:
То бьется он с богатырем,
То с ведьмою, то с великаном,
То лунной ночью видит он,
Как будто сквозь волшебный сон,
Окружены седым туманом,
Русалки, тихо на ветвях
Качаясь, витязя младого
С улыбкой хитрой на устах
Манят, не говоря ни слова...

The stalwart rode: they could not win him,
Desire soundly slept within him;
To find Ludmila was his goal:
For he was hers — hers, heart and soul.

Meanwhile, kept from the dwarf's advances
Safe by the hat that she has on,
Annoyed by no unwanted glances,

Но, тайным промыслом храним,
Бесстрашный витязь невредим;
В его душе желанье дремлет,
Он их не видит, им не внемлет,
Одна Людмила всюду с ним.

Но между тем, никем не зрима,
От нападений колдуна

For thus arrayed, she's seen by none,
What does Ludmila?.. Silent, teary,
She walks the garden paths alone
And pines for Prince Ruslan, her dearly
Beloved spouse; then, to her home
In far-off Kiev her thoughts flying,
She brightens and, no longer sighing,
Embraces father, brothers, sees
Her youthful playmates in her dreams
And her old nannies; separation
And thralldom suddenly forgot,
She's back among them all; but not
For long does her imagination
Bear her away with it, and soon
Anew is she immersed in gloom...
As for the lovesick villain's minions,
His orders wordless they obey
And search the castle, the pavilions.
The grounds 'thout respite night and day.
They shout, they rush about insanely,
Hut all, let us admit it, vainly,
For being an accomplished tease,
The maid provoked them without cease.
Before them suddenly appearing,
She'd call out happily, «Yoo-hoo!»
And spotting her as well as hearing
Her voice, the slaves, a motley crew,
Would run to catch her only to
Seize upon empty air; her tinkling
Laugh sounded as the cap she drew
Down on her head, and in a twinkling
Was gone... Where she had passed, they knew,
For signs of it, however fleeting,
Were to be seen: from off a tree
Ripe fruit might vanish, grass might be
Left crushed and limp; that she'd been eating
Or drinking or else resting there
They could not help but be aware.
A cedar or a birch provided
The maid with shelter; on a bough
She'd perch and try to doze, but how
Could sleep come to a maiden blinded
By endless tears, her heart grief-torn!..
Against a tree trunk weakly leaning,
She might sigh wearily and yawn
And fall a prey to fitful dreaming...
But when the new-born light of day
Night's shadows drove away, and pearly
The skies turned, 'neath the fall's cool spray
She'd wash. The dwarf, one morning early,
Saw, upward forced by hands unseen,
The water play, then join the stream...
Till darkness had anew descended

Волшебной шапкою хранима,
Что делает моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляет по садам,
О друге мыслит и вздыхает
Иль, волю дав своим мечтам,
К родимым киевским полям
В забвенье сердца улетает;
Отца и братьев обнимает,
Подружек видит молодых
И старых мамушек своих —
Забыты плен и разлученье!
Но вскоре бедная княжна
Свое теряет заблужденье
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленного злодея,
И день и ночь, сидеть не смея,
Меж тем по замку, по садам
Прелестной пленницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все по пустякам.
Людмила ими забавлялась:
В волшебных рощах иногда
Без шапки вдруг она являлась
И кликала: «Сюда, сюда!»
И все бросались к ней толпою;
Но в сторону — незрима вдруг —
Она неслышною стопою
От хищных убегала рук.
Везде всечасно замечали
Ее минутные следы:
То позлащенные плоды
На шумных ветвях исчезали,
То капли ключевой воды
На луг измятый упадали:
Тогда наверно в замке знали,
Что пьет иль кушает княжна.
На ветвях кедра иль березы
Скрываясь по ночам, она
Минутного искала сна —
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зевотой,
И редко, редко пред зарей,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой;
Едва редела ночи мгла,
Людмила к водопаду шла
Умыться хладною струею:
Сам карла утренней порою
Однажды видел из палат,
Как под невидимой рукою

And moonbeams the lone gardens combed,
Of spirit sore, by none attended,
Ludmila its far reaches roamed.
At times the echoes would be bringing
Her sweet voice closer, softly singing.
Threads from a Persian shawl, a leaf
Chewed through, a tear-stained handkerchief;
A garland by her quick hands made
Might be found lying in a glade.

His passion and frustration mounting,
All else save his piqued pride discounting,
The dwarf has but a single thought:
That the young princess must be caught.
Thus did famed Lemnos' hobbling smith,
Accepting the connubial wreath
From the unrivaled Aphrodite,
Decide to snare her charms, delighting
The laughing gods by showing them
Of love the cunning stratagem.

One day the maid sat bored and weary
Inside a marble summer-house
And gazed abstracted through the boughs
Of trees by wind swayed at the cheery,
Bloom-covered meadow just beyond.
«My love!» she hears. Ruslan! The sound
Of his dear voice. He's there, in person:
His face, his form; but dull of eye
And pale is he, he bleeds, his thigh
Is gashed: a wound, a bad one. «Mercy!
Ruslan, 'tis you!» And with a cry
She flies to him, and, heartsore, shaking,
In tears, says to him, her voice breaking:
«Ruslan, my husband, you are here
And wounded, bleeding... Oh, my dear!»
Her arms go round him... God in Heaven!
What horror's this! She cannot stir,
She's trapped, a net enmeshes her!..
The cap falls off. Who is her craven
And foul pursuer? Cold of limb,
She hears: «She's mine!» Her gaze grows dim...
The dwarf, none other! Quite defenseless
Is she again; she sees his face
And moans, but by the good Lord's grace
Dreams now enfold her, she falls senseless.

Poor child! What sight is there more chilling,
More certain to provoke our rage!
His brazen hand the puny mage
Lays on the charms of young Ludmila.
Is he — foul thought! — to taste of bliss?
But hark! A horn sounds. What means this?

Плескал и брызгал водопад.
С своей обычною тоскою
До новой ночи, здесь и там,
Она бродила по садам;
Нередко под вечер слыхали
Ее приятный голосок;
Нередко в рощах поднимали
Иль ею брошенный венок,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платок.

Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдун решился наконец
Поймать Людмилу непременно.
Так Лемноса хромой кузнец,
Прияв супружеский венец
Из рук прелестной Цитереи,
Раскинул сеть ее красам,
Открыв насмешливым богам
Киприды нежные затеи...

Скучая, бедная княжна
В прохладе мраморной беседки
Сидела тихо близ окна
И сквозь колеблемые ветки
Смотрела на цветущий луг.
Вдруг слышит — кличут: «Милый друг!» —
И видит верного Руслана.
Его черты, походка, стан;
Но бледен он, в очах туман
И на бедре живая рана —
В ней сердце дрогнуло. «Руслан!
Руслан!.. он точно!» И стрелою
К супругу пленница летит,
В слезах, трепеща, говорит:
«Ты здесь... ты ранен... что с тобою?»
Уже достигла, обняла:
О ужас... призрак исчезает!
Княжна в сетях; с ее чела
На землю шапка упадает.
Хладея, слышит грозный крик:
«Она моя!» — и в тот же миг
Зрит колдуна перед очами.
Раздался девы жалкий стон,
Падет без чувств — и дивный сон
Объял несчастную крылами.

Что будет с бедною княжной!
О страшный вид: волшебник хилый
Ласкает дерзостной рукой
Младые прелести Людмилы!
Ужели счастлив будет он?

A challenge to him? Yes! The midget's
Face shows cold fear. He quails, he fidgets...
A louder blare! Back on her head
The magic cap he puts, and, paling,
Is off, his beard behind him trailing,
To meet the fate that lies ahead.

Чу... вдруг раздался рога звон,
И кто-то карлу вызывает.
В смятенье, бледный чародей
На деву шапку надевает;
Трубят опять: звучней, звучней!
И он летит к безвестной встрече,
Закинув бороду за плечи.

CANTO THE FIFTH

How dear my princess is, one bows
'Fore her, to sing her praises anxious:
She is so tender, unpretentious,
So faithful to her marriage vows;
Capricious, yes, but not unduly,
Which makes her only sweeter, truly.
Her ways delight us, they endear
Her to us, leaving us enchanted,
How to compare her with Delphire
Who's so unfeeling, so flint-hearted!
By fate endowed has been the first
With mien and manner most beguiling;
To hear her speak, to see her smiling
Makes one's heart throb, with love athirst.
Delphire now, spurs and whiskers added,
Would make a true Hussar. But stay!
Blest is he who at end of day
Has a Ludmila waiting for him
In some lone nook, and from her hears
That he's her love, that she adores him.
And likewise blest is a Delphire's
Admirer who is too clear-headed
To court her long and runs away.
But let's not stray too far. Come, say,
Who was it that the dwarf invited
So daringly to fight him? Who
Defiantly the trumpet blew
And by its sound the villain frightened? —
Ruslan. Afire with vengeance, he
Has reached the midget's castle. See?
Beneath the palisades he's halted;
The trumpet's sound comes storm-like, loud,
The steed paws at the snowy ground;
The prince awaits the dwarf. A bolt of
What seems like thunder deafens him.
A crushing blow! It has descended
Upon his helmet. Though defended
By this his head is, yet with dim,
Dull sight it is he upward gazes
And sees the dwarf above him fly,
A mammoth bludgeon lifted high.
Ruslan bends down, his great shield raises
And waves his sword, but Chernomor

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Ах, как мила моя княжна!
Мне нрав ее всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской верна,
Немножко ветрена... так что же?
Еще милее тем она.
Всечасно прелестию новой
Умеет нас она пленить;
Скажите: можно ли сравнить
Ее с Дельфирою суровой?
Одной — судьба послала дар
Обворожать сердца и взоры;
Ее улыбка, разговоры
Во мне любви рождают жар.
А та — под юбкою гусар,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блажен, кого под вечерок
В уединенный уголок
Моя Людмила поджидает
И другом сердца назовет;
Но, верьте мне, блажен и тот,
Кто от Дельфиры убегает
И даже с нею незнаком.
Да, впрочем, дело не о том!
Но кто трубил? Кто чародея
На сечу грозну вызывал?
Кто колдуна перепугал?
Руслан. Он, местью пламенея,
Достиг обители злодея.
Уж витязь под горой стоит,
Призывный рог, как буря, воет,
Нетерпеливый конь кипит
И снег копытом мочным роет.
Князь карлу ждет. Внезапно он
По шлему крепкому стальному
Рукой незримой поражен;
Удар упал подобно грому;
Руслан подъемлет смутный взор
И видит — прямо над главою —
С подъятой, страшной булавою
Летает карла Черномор.
Щитом покрывшись, он нагнулся,
Мечом потряс и замахнулся;

Sweeps upward; then, appearing o'er
The prince again and downward swooping,
He flies straight at him, whereupon
The latter feints, his rival duping,
And down the midget falls, straight on
The well-packed snow, with fear nigh frozen.
Ruslan dismounts, and, never pausing,
The space between them neatly cleared,
Grabs the magician by the beard!
The captive grunts and strains, and, heaving
Himself from off the bank of snow,
Sails skyward with our hero, leaving
The knight's astonished steed below.
They're 'neath the clouds, Ruslan still gripping
The beard and swinging in the air.
O'er seas and forests, o'er the bare
And rugged hills, their summits tipping,
The dwarf wings, and the stalwart knight,
Though numb and stiff his hand is growing,
Holds dogged on. The dwarf is quite
Used up by now and winded. Slowing
His progress through the air at length,
Amazed and awed by Russian strength,
He turns to our young knight and slyly
Says to him: «Prince, I'll do you ill
No more; in faith, I value highly
Young valour such as yours and will
Descend at once — on one condition...»
«Be silent, dastardly magician!»
Ruslan exclaims. «I will not treat
With my beloved bride's tormentor,
Nor into any dealings enter
With you! This sword — 'tis only meet —
Will punish you, and this most surely,
All of your wiles will serve you poorly!
Fly to the stars, if you so choose,
And still your whiskers you will lose!»
A horrid fear the wizard seizes,
In vain to free himself he tries,
The prince's grip is like a vise,
He tweaks the beard, and, gleeful, teases
The-dwarf by plucking out the hairs.
For two whole days the midget bears
Ruslan, but on the third, a'quiver
With fright, he cries: «Have mercy, pray!
I've no breath left at all. Deliver
Me from this plight without delay.
I'm in your hands. Where'er you say
We will alight.» «Aha, you shiver!
Well, then, admit you're overcome
By Russian strength! And, villain, come,
To my Ludmila quickly take me!»
What is old Chernomor to do?

Но тот взвился под облака;
На миг исчез — и свысока
Шумя летит на князя снова.
Проворный витязь отлетел,
И в снег с размаха рокового
Колдун упал — да там и сел;
Руслан, не говоря ни слова,
С коня долой, к нему спешит,
Поймал, за бороду хватает,
Волшебник силится, кряхтит
И вдруг с Русланом улетает...
Ретивый конь вослед глядит;
Уже колдун под облаками;
На бороде герой висит;
Летят над мрачными лесами,
Летят над дикими горами,
Летят над бездною морской;
От напряженья костенея,
Руслан за бороду злодея
Упорной держится рукой.
Меж тем, на воздухе слабея
И силе русской изумясь,
Волшебник гордому Руслану
Коварно молвит: «Слушай, князь!
Тебе вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу тебя,
Спущусь — но только с уговором...»
— «Молчи, коварный чародей! —
Прервал наш витязь,— с Черномором,
С мучителем жены своей,
Руслан не знает договора!
Сей грозный меч накажет вора.
Лети хоть до ночной звезды,
А быть тебе без бороды!»
Боязнь объемлет Черномора;
В досаде, в горести немой
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясает:
Руслан ее не выпускает
И щиплет волосы порой.
Два дни колдун героя носит,
На третий он пощады просит:
«О рыцарь, сжалься надо мной;
Едва дышу; нет мочи боле;
Оставь мне жизнь, в твоей я воле;
Скажи — спущусь, куда велишь...»
— «Теперь ты наш: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силе!
Неси меня к моей Людмиле».

Смиренно внемлет Черномор;
Домой он с витязем пустился;

Obedience is his rival's due!
And so he's off, quite ill and shaken,
And flying home. Midst hills of ice
He sets the prince down. In a trice
Ruslan the Head's sword raises briskly
With one strong hand; then, 'thout delay,
The other using, grasps the whiskers
And cuts them off like so much hay.
«There now,» he tells him, «that will teach you.
Where is that handsome tuft you prize,
Your strength and pride, you thieving creature?»
And to his helm the dwarf's beard ties.
He calls his bay who joins him, neighing,
Into a bag the pasty-faced
And half-dead wizard stuffs in haste,
The dancing steed no longer staying,
And starts uphill. The top. They ride
Up to the massive palace portal.
Ruslan — there is no happier mortal —
In hot impatience steps inside.
The throng of Moors and slave girls, seeing
His helm with beard graced, know the knight
To be the victor and are fleeing
Before him, fading out of sight
Like ghosts. Ruslan from hall to hall
Strides all alone; we hear him call
To his young spouse — the echo answers...
Is she not in the necromancer's
Great castle, then? The garden door
He opens wide, all expectation,
And on walks fast. His eye sweeps o'er
The empty grounds in agitation.
All's dead, naught stirs, still are the groves,
The leafy arbours and the coves;
The river banks, the slopes — deserted,
The valleys too... He's disconcerted,
For nowhere e'en a trace is there
Of her he seeks, nor can he hear
The slightest sound. There passes through him
A sudden chill, the world grows dark
About him, and bleak thoughts come to him:
«Captivity... of grief the mark...
A moment, and the waves — » These fancies,
How dismal they! His head hung, he
Stands like a rock there movelessly...
His very reason clouds, his senses
Fail him. He's all ablaze, he flames;
Despairing love's dark poison surges,
A mighty torrent, in his veins.
Is't not his lady who emerges
From darkness, is't not she who clings
To him?.. He roars her name, he flings
Himself about, and, frenzied, raving,

Летит — и мигом очутился
Среди своих ужасных гор.
Тогда Руслан одной рукою
Взял меч сраженной головы
И, бороду схватив другою,
Отсек ее, как горсть травы.
«Знай наших! — молвил он жестоко,—
Что, хищник, где твоя краса?
Где сила?» — и на шлем высокий
Седые вяжет волоса;
Свистя зовет коня лихого;
Веселый конь летит и ржет;
Наш витязь карлу чуть живого
В котомку за седло кладет,
А сам, боясь мгновенья траты,
Спешит на верх горы крутой,
Достиг, и с радостной душой
Летит в волшебные палаты.
Вдали завидя шлем брадатый,
Залог победы роковой,
Пред ним арапов чудный рой,
Толпы невольниц боязливых,
Как призраки, со всех сторон
Бегут — и скрылись. Ходит он
Один средь храмин горделивых,
Супругу милую зовет —
Лишь эхо сводов молчаливых
Руслану голос подает;
В волненье чувств нетерпеливых
Он отворяет двери в сад —
Идет, идет — и не находит;
Кругом смущенный взор обводит —
Всё мертво: рощицы молчат,
Беседки пусты; на стремнинах,
Вдоль берегов ручья, в долинах
Нигде Людмилы следу нет,
И ухо ничего не внемлет.
Внезапный князя хлад объемлет,
В очах его темнеет свет,
В уме возникли мрачны думы...
«Быть может, горесть... плен угрюмый
Минута... волны...» В сих мечтах
Он погружен. С немой тоскою
Поникнул витязь головою;
Его томит невольный страх;
Недвижим он, как мертвый камень;
Мрачится разум; дикий пламень
И яд отчаянной любви
Уже текут в его крови.
Казалось — тень княжны прекрасной
Коснулась трепетным устам...
И вдруг, неистовый, ужасный,
Стремится витязь по садам;

His sword in mad abandon waving,
At boulders strikes and makes them roll
Downhill, and hacking, mowing, slashing,
Pavilions to the' ground sends crashing,
Reduces grove and lea and knoll
To barren wastes, and tumbles bridges
Into the streams. The distant ridges
Send back the clang, the boom, the din;
Ruslan's sword sings and whistles. Grim
The scene is: all is devastation;
Insensed and maddened, our young knight
A victim seeks; on left and right
His sword the air cuts 'thout cessation...
Then all at once a chance thrust sends
The midget's magic headdress fling
From off his captive's brow; so ends
The spell cast on her. 'Fore him lying,
Enmeshed, Ruslan Ludmila sees.
He does not trust his eyes, he is
O'ercome by happiness, and, falling
At his bride's feet, tears up the nets,
And with his tears her limp hands wets,
And kisses them, her dear name calling.
But closed her lips are and her eyes,
And sensuous are the dreams she's seeing
That make her bosom sink and rise.
Fresh sorrow fills our knight's whole being;
What means this sleep? Is she perchance
To be forever in a trance?..
But hark! — a friend's voice... 'Tis the Finn,
His councillor, who speaks to him:

«Take heart, O Prince! Upon your way
For home set off with fair Ludmila
And, strength of purpose your heart filling,
To love and honour faithful stay.
God's bolt will strike, defeating malice;
You shall know peace, all will be well.
In Kiev, in Vladimir's palace,
Your bride will wake, free of her spell.»
Ruslan, much cheered, no longer weary,
Lifts up his calmly sleeping bride,
And down a slope we see him guide
His horse and leave the mountain eyrie.

The midget to his saddle tied,
Across a vale, across a forest
He hurries, by no rival harassed.
In his arms his love rests, a precious
And welcome burden. Oh, how fresh is
He face! The vernal dawn can be
No more so. 'Gainst her husband's shoulder
It rests, all sweet serenity...

Людмилу с воплем призывает,
С холмов утесы отрывает,
Всё рушит, всё крушит мечом —
Беседки, рощи упадают,
Древа, мосты в волнах ныряют,
Степь обнажается кругом!
Далеко гулы повторяют
И рев, и треск, и шум, и гром;
Повсюду меч звенит и свищет,
Прелестный край опустошен —
Безумный витязь жертвы ищет,
С размаха вправо, влево он
Пустынный воздух рассекает...
И вдруг — нечаянный удар
С княжны невидимой сбивает
Прощальный Черномора дар...
Волшебства вмиг исчезла сила:
В сетях открылася Людмила!
Не веря сам своим очам,
Нежданным счастьем упоенный,
Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, незабвенной,
Целует руки, сети рвет,
Любви, восторга слезы льет,
Зовет ее — но дева дремлет,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ее подъемлет.
Руслан с нее не сводит глаз,
Его терзает вновь кручина...
Но вдруг знакомый слышит глас,
Глас добродетельного Финна:

«Мужайся, князь! В обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести верен будь.
Небесный гром на злобу грянет,
И воцарится тишина —
И в светлом Киеве княжна
Перед Владимиром восстанет
От очарованного сна».

Руслан, сим гласом оживленный,
Берет в объятия жену,
И тихо с ношей драгоценной
Он оставляет вышину
И сходит в дол уединенный.

В молчанье с карлой за седлом,
Поехал он своим путем;
В его руках лежит Людмила,
Свежа, как вешняя заря,

The wind born in the barrens boldly
Plucks at her silky golden hair.
She sighs, the roses on her fair
Y'oung cheeks play. Her beloved's name
She whispers; 'tis her dreams that bring her —
His image and her heart inflame;
On her lips love's avowals linger.
And he — he's all fond contemplation
(The sight of her his spirit cheers) —
Oh, that sweet smile, those glistening tears,
That lovely bosom's agitation!..

Meanwhile, by day, by night they journey
Up hill, down dale, hut still unspanned
The distance is, still far the land
Which lo behold Ruslan is yearning.
The maid sleeps on... Did our young knight,
By fruitless, unasuaged desire
Wom — for it seems like years — not tire
Of guarding her? Did he delight
In virtuous dreams, immodest longing
Subduing and in no way wronging
His drowsy charge? So told are we
By one, a monk, who put in writing
The story of the prince, inviting
Inquisitive posterity
To profit by't. And I — I fully
Believe the annalist, for, truly,
What's love unshared? — An irksome thing
That can but little pleasure bring.
Ludmila's sleep did not resemble
Yours in the least, nymphs of the mead,
When languid springtime's call you heed
And in the cooling shade assemble
Of leafy trees... I well recall
That happy day in early summer,
A tiny glade at evenfall,
And lovely Lida feigning slumber...
That kiss of mine, so light, so shy,
So hurried, young love's fresh, sweet token,
Could not awake the maid; unbroken
It left her sleep... But, reader, why
Do I talk nonsense? Why this needless
Remembrance of a love long dead?
Forgot its joys, its pain, its heedless
And trying ways. To speak I'm led
Of those not long from my thoughts gone:
Ludmila, Chernomor, Ruslan.

A vale before them spreads; upon it
Rise clumps of spruces, and a mound
Looms farther out, its strangely round
And very dark and gloomy summit

И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми в кольцо,
Пустынный ветерок играет;
Как часто грудь ее вздыхает!
Как часто тихое лицо
Мгновенной розою пылает!
Любовь и тайная мечта
Русланов образ ей приносят,
И с томным шепотом уста
Супруга имя произносят...
В забвенье сладком ловит он
Ее волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нежный стон
И сонных персей волнованье...

Меж тем по долам, по горам
И в белый день, и по ночам
Наш витязь едет непрестанно.
Еще далек предел желанный,
А дева спит. Но юный князь,
Бесплодным пламенем томясь,
Ужель, страдалец постоянный,
Супругу только сторожил
И в целомудренном мечтанье,
Смирив нескромное желанье,
Свое блаженство находил?
Монах, который сохранил
Потомству верное преданье
О славном витязе моем,
Нас уверяет смело в том:
И верю я! Без разделенья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоем.
Пастушки, сон княжны прелестной
Не походил на ваши сны,
Порой томительной весны,
На мураве, в тени древесной.
Я помню маленький лужок
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерок,
Я помню Лиды сон лукавый...
Ах, первый поцелуй любви,
Дрожащий, легкий, торопливый,
Не разогнал, друзья мои,
Ее дремоты терпеливой...
Но полно, а болтаю вздор!
К чему любви воспоминанье?
Ее утеха и страданье
Забыты мною с давних пор;
Теперь влекут мое вниманье
Княжна, Руслан и Черномор.

Against the bright blue sky outlined.
Our youthful knight at once divined
That 'twas the Head before them showing;
The steed speeds on, more restive growing;
Across the plain its great hooves thunder....
And lo! — they're close, they're nearly there;
Before them is the nine days' wonder,
It fixes them with glassy stare.
It is a thing repulsive, horrid:
Its inky hair falls on its forehead;
Drenched of all life, the hue of lead
Its face is, while the huge lips, parted,
And, like the cheeks, of colour bled,
Disclose clenched teeth; over the Head
Its hour of doom hangs. Our brave-hearted
And doughty knight rides up and faces
Its sightless gaze; the midget graces
The horse's rump. «Hail, Head!» Ruslan
Cries loudly, for the Head to hear him.
«He who betrayed you is undone!
Look! Here he is, none now need fear him!»
These words the Head revivified
And in it roused new, fresh-born feeling.
It looked down at them, and, revealing
All of its anguish, moaned and sighed.
Our hero it had recognized,
And at the midget, nostrils swelling,
'Stared, full of venom undisguised.
A fiery red its pale cheeks turned,
And in its death-glazed eyes there burned
A fury fierce and all-compelling.
In towering rage, incensed, confused,
It gnashed its giant teeth, and stuttered,
And smothered imprecations muttered,
And with its slowing tongue abused
Its hated brother... Hut the pain,
Prolonged as it had been, was ceasing;
The dark, flushed face turned pale again,
And weaker grew the heavy breathing.
Its eyes rolled back, and soon Ruslan
And magus knew that all was over:
A spasm, and the Head was gone.
The knight rode off at once, much sobered;
As for the dwarf, he did not dare
To breathe, and, all his past strength losing,
To fiends in hell addressed a prayer,
The language of black magic using.

Where a small nameless streamlet wound,
Upon the sloping bank above it,
By dark and shaded forest covered,
There stood, nigh sunk into the ground,

Пред ними стелется равнина,
Где ели изредка взошли;
И грозного холма вдали
Чернеет круглая вершина
Небес на яркой синеве.
Руслан глядит — и догадался,
Что подъезжает к голове;
Быстрее борзый конь помчался;
Уж видно чудо из чудес;
Она глядит недвижным оком;
Власы ее как черный лес,
Поросший на челе высоком;
Ланиты жизни лишены;
Свинцовой бледностью покрыты,
Уста огромные открыты,
Огромны зубы стеснены...
Над полумертвой головою
Последний день уж тяготел.
К ней храбрый витязь прилетел
С Людмилой, с карлой за спиною.
Он крикнул: «Здравствуй, голова!
Я здесь! наказан твой изменник!
Гляди: вот он, злодей наш пленник!»
И князя гордые слова
Ее внезапно оживили,
На миг в ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...
Узнала витязя она
И брата с ужасом узнала.
Надулись ноздри; на щеках
Багровый огнь еще родился,
И в умирающих глазах
Последний гнев изобразился.
В смятенье, в бешенстве немом
Она зубами скрежетала
И брату хладным языком
Укор невнятный лепетала...
Уже ее в тот самый час
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гас,
Слабело тяжкое дыханье,
Огромный закатился взор,
И вскоре князь и Черномор
Узрели смерти содроганье...
Она почила вечным сном.
В молчанье витязь удалился;
Дрожащий карлик за седлом
Не смел дышать, не шевелился
И чернокнижным языком
Усердно демонам молился.

На склоне темных берегов
Какой-то речки безымянной,

A run-down hut. Thick pine-trees shaded
Its roof. The waters, somnolent,
Licked lazily at a much faded
And worn-down fence of reeds and went
With gentle murmur round it snaking;
The breeze blew softly, only making
A faint sound... There it was that spread
A vale, and such was its seelusion,
It gave one the distinct illusion
That an unbroken silence had
Here from the birth of Time been reigning.
Ruslan now stopped his horse. The waning
And peaceful night to morn gave way;
The grove and valley sparkling lay
«Neath veils of haze. His sleeping bride
The prince laid on the grass, and, seating
Himself beside her, close, he sighed
And looked at her, his young heart beating
With dulcet hope. Just then a boat's
White sail he glimpses, and there floats
A fisher's song above the water
That drowns its gentler voice and softer.
The man has cast his nets, and, bending
With zeal and promptness to the oar,
His humble vessel now is sending

В прохладном сумраке лесов,
Стоял поникшей хаты кров,
Густыми соснами венчанный.
В теченье медленном река
Вблизи плетень из тростника
Волною сонной омывала
И вкруг него едва журчала
При легком шуме ветерка.
Долина в сих местах таилась,
Уединенна и темна;
И там, казалось, тишина
С начала мира воцарилась.
Руслан остановил коня.
Всё было тихо, безмятежно;
От рассветающего дня
Долина с рощею прибрежной
Сквозь утренний сияла дым.
Руслан на луг жену слагает,
Садится близ нее, вздыхает
С унынъем сладким и немым;
И вдруг он видит пред собою
Смиренный парус челнока
И слышит песню рыбака
Над тихоструйною рекою.
Раскинув невод по волнам,

Straight for the hut perched on the shore.
The good prince shades his eyes and watches:
There now — the boat the green bank touches,
And from the hut there hurries out .
A sweet young maid; her hair about
Her shoulders loosely falls, she's slender
And bare of breast, her smile is tender,
She's charm itself. The two embrace
And on the bank sit, taking pleasure
In one another, in this place,
And in a quiet hour of leisure.
But whom to his intense surprise
Does Prince Ruslan now recognize
In this young fisherman? Dear Heaven!
It is Ratmir! Yes, it is he,
A man for exploit born, and even
For fame itself, one of his three
Sworn rivals, On this halcyon shore
He turned to fair Ludmila faithless,
And for his new love's warm embraces
Relinquished fame for ever more.

Ruslan came up to him, astounded;
The recluse khan his rival knew.
A cry, and to the prince he flew
And joyous threw his arms around him.
«You here, Ratmir? Lay you no claim
To greater things?» our hero asked him.
«Have you found life like ours too tasking
Thus to reject your knightly fame?»
«In truth, Ruslan,» replied the khan,
«War and its phantom glory bore me,
Behind me have I left my stormy,
Tumultuous years. This peace, this calm,
And love, and pastimes innocent
Bring me a hundred-fold morc gladness.
My lust for combat being spent,
No tribute do I pay to madness;
Rich am I, friend, in happiness,
And have all else forgot, yes, even
Ludmila's charms.» «I'm glad, God bless
You for't, Ratmir, for fate has given
Her back to me...» «You have your bride
With you!» amazed, the young khan cried.
«What luck! I too once longed to free her...
Where is she, then? I'd like to see her —
But no! I'll not betray my mate;
Made mine by a forgiving fate,
She wrought this change in me, the fervour
Of eager youth in me revived;
Because I'm hers, because I serve her
I know true love and am alive.
Twelve sirens who professed a longing

Рыбак, на весла наклоненный,
Плывет к лесистым берегам,
К порогу хижины смиренной.
И видит добрый князь Руслан:
Челнок ко брегу приплывает;
Из темной хаты выбегает
Младая дева; стройный стан,
Власы, небрежно распущенны,
Улыбка, тихий взор очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Всё мило, всё пленяет в ней.
И вот они, обняв друг друга,
Садятся у прохладных вод,
И час беспечного досуга
Для них с любовью настает.
Но в изумленье молчаливом
Кого же в рыбаке счастливом
Наш юный витязь узнает?
Хазарский хан, избранный славой,
Ратмир, в любви, в войне кровавой
Его соперник молодой,
Ратмир в пустыне безмятежной
Людмилу, славу позабыл
И им навеки изменил
В объятиях подруги нежной.

Герой приближился, и вмиг
Отшельник узнает Руслана,
Встает, летит. Раздался крик...
И обнял князь младого хана.
«Что вижу я? — спросил герой,—
Зачем ты здесь, зачем оставил
Тревоги жизни боевой
И меч, который ты прославил?»
— «Мой друг,— ответствовал рыбак,—
Душе наскучил бранной славы
Пустой и гибельный призрак.
Поверь: невинные забавы,
Любовь и мирные дубравы
Милее сердцу во сто крат —
Теперь, утратив жажду брани,
Престал платить безумству дани,
И, верным счастием богат,
Я всё забыл, товарищ милый,
Всё, даже прелести Людмилы».
— «Любезный хан, я очень рад! —
Сказал Руслан,— она со мною».
— «Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна...
Она с тобою, где ж она?
Позволь... но нет, боюсь измены;
Моя подруга мне мила;
Моей счастливой перемены

For me without regret I spurned;
lily heart to none of them belonging,
I left them never to return;.
I left their merry home, a castle
That in a shaded forest nestled,
My sword and helm laid down, and foe
And fame forgot. 'Twas, my friend, so
That, peace and solitude embracing,
A kithless hermit I became,
And dwell, to no one known by name,
With her I love...»

Upon him gazing,
The shepherdess ne'er left his side;
Now smiled she sweetly, now she sighed...
On, on, unseen, the hours went racing.

Their hearts by friendship warmed, till night
Set in, o'er all its patterns tracing,
The fisher sat beside the knight...
It's still and dark. The half-moon's light,
Pale just at first, is brighter growing.
Time to he off! A cover throwing
With gentle hand o'er his young bride,
Ruslan goes off to mount his steed.
The khan, bemused, preoccupied,
In spirit follows him; indeed,
Good luck in all his daring ventures
He wishes him and happiness
And his proud dreams and past adventures
Recalls with fleeting wistfulness...

Why is it Fortune has not granted
My fickle Lyre the right to praise
Heroic deeds alone? Why can't I
Of love and friendship, that these days
Are out of fashion, chant? A bard
Of Truth, why must I (God, it's hard!)
Denounce spite, venom, vice, am fated
In my sincere and artless songs
To bare for those to come the wrongs
By crafty demons perpetrated?

Farlaf, Ludmila's worthless wooer,
A wretch, still eager to pursue her,
But all his dreams of glory gone,
Out in the wilds lived, isolated
From all mankind and known to none,
And for Nahina's coming waited.
Nor did he, reader, wait in vain:
For here she is, the ancient dame!

Она виновницей была;
Она мне жизнь, она мне радость!
Она мне возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И мир, и чистую любовь.
Напрасно счастье мне сулили
Уста волшебниц молодых;
Двенадцать дев меня любили:
Я для нее покинул их;
Оставил терем их веселый
В тени хранительных дубров;
Сложил и меч, и шлем тяжелый,
Забыл и славу, и врагов.
Отшельник мирный и безвестный,
Остался в счастливой глуши,
С тобой, друг милый, друг прелестный,
С тобою, свет моей души!»

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговор
И, устремив на хана взор,
И улыбалась, и вздыхала.

Рыбак и витязь на брегах
До темной ночи просидели
С душой и сердцем на устах —
Часы невидимо летели.
Чернеет лес, темна гора;
Встает луна — всё тихо стало;
Герою в путь давно пора.
Накинув тихо покрывало
На деву спящую, Руслан
Идет и на коня садится;
Задумчиво безмолвный хан
Душой вослед ему стремится,
Руслану счастия, побед,
И славы, и любви желает...
И думы гордых, юных лет
Невольной грустью оживляет...

Зачем судьбой не суждено
Моей непостоянной лире
Геройство воспевать одно
И с ним (незнаемые в мире)
Любовь и дружбу старых лет?
Печальной истины поэт,
Зачем я должен для потомства
Порок и злобу обнажать
И тайны козни вероломства
В правдивых песнях обличать?

Княжны искатель недостойный,
Охоту к славе потеряв,
Никем не знаемый Фарлаф

A solemn hour. «You know me, stalwart,»
She says to him. «Now mount,
and forward!
Come after me.» And lo! — with that
She turns herself into a cat,
And then, the charger saddled, races
Off and away. She's followed by
Farlaf on horseback. Through the mazes
Of gloomy forests their paths lie.

В пустыне дальной и спокойной
Скрывался и Наины ждал.
И час торжественный настал.
К нему волшебница явилась,
Вещая: «Знаешь ли меня?
Ступай за мной; седлай коня!»
И ведьма кошкой обратилась;
Оседлан конь, она пустилась;
Тропами мрачными дубрав
За нею следует Фарлаф.

Clad in night's haze that never lifted,
The vale lay tranquil, slumber-bound,
And, veiled in mist, the pale moon
drifted
From cloud to cloud and lit the mound
With fitful rays. Beneath it seated,
Our hero, staying at her side,
Kept vigil o'er his sleeping bride.
By tristful thought all but defeated
The poor prince was; within him
crowded
Dreams, fancies and imaginings;
Beginning gently to enshroud him,
Above him hovered sleep's cool wings.
His closing eyes upon the sweet
Young maid he tried to fix, but, feeling

Долина тихая дремала,
В ночной одетая туман,
Луна во мгле перебегала
Из тучи в тучу и курган
Мгновенным блеском озаряла.
Под ним в безмолвии Руслан
Сидел с обычною тоскою
Пред усыпленною княжною.
Глубоку думу думал он,
Мечты летели за мечтами,
И неприметно веял сон
Над ним холодными крылами.
На деву смутными очами
В дремоте томной он взглянул
И, утомленною главою
Склонясь к ногам ее, заснул.

Unable this to do, sank, reeling,
By slumber captured, at her feet.

A dream comes to him, bodeful, gloomy:
He seems to see Ludmila, his
Sweet princess, pale-faced and unmoving,
Pause on the brink of an abyss.
She vanishes, and he is standing
Above the dreaded chasm alone,
And from it comes, the spirit rending,
A call for help, a piteous moan....
'Tis she! He jumps, and flies apace,
To pierce the darkness vainly straining.
Through fathomless, night-mantled space,
And then, at long last, bottom gaining,
Steps on hard ground... Vladimir's palace
Before him towers... He enters. There is
The old Prince with his grey-haired knights,
His twelve young sons, his guests, all seated
At festive tables. No smile lights
Vladimir's face. He does not greet him
And seems as wroth as on the dread
And well-remembered day of parting.
All silent stay, no banter starting,
No talk. But there — is not the dead
Rogdai among them, his past rival,
The one that he in battle slew?
Quite unaware of his arrival,
A froth-topped goblet of some brew
He gaily drains. Surprised, Ruslan
Espies Ratmir, the youthful khan,
And others, friends and foes, ringed near
him,
The gusli tinkle, old Bayan
Of deeds heroic chants — to hear him
Is strange. Farlaf now enters, leading
Ludmila in. The Prince, receding
Into himself, his grey head bowed,
Says not a word. The silent crowd
Of boyars, princes, knights, concealing
What so disquiets, so dismays
And frightens them, quite moveless stays.
Then, in an instant, all is gone...
A deathly chill o'er his heart stealing,
Ruslan now finds himself alone.
From his eyes tortured tears are flowing,
Sleep fetters him, he tries to break
Its leaden chains, but fails, and, knowing
'Tis but a dream, cannot awake.
Above the hill the moon looms pale;
Dark are the forests; in the vale
Dead silence reigns, and there, astride
His steed, we see the traitor ride.

И снится вещий сон герою:
Он видит, будто бы княжна
Над страшной бездны глубиною
Стоит недвижна и бледна...
И вдруг Людмила исчезает,
Стоит один над бездной он...
Знакомый глас, призывный стон
Из тихой бездны вылетает...
Руслан стремится за женой;
Стремглав летит во тьме глубокой...
И видит вдруг перед собой:
Владимир, в гриднице высокой,
В кругу седых богатырей,
Между двенадцатью сынами,
С толпою названных гостей
Сидит за браными столами.
И так же гневен старый князь,
Как в день ужасный расставанья,
И все сидят, не шевелясь,
Не смея перервать молчанья.
Утих веселый шум гостей,
Не ходит чаша круговая...
И видит он, среди гостей,
В бою сраженного Рогдая:
Убитый, как живой, сидит;
Из опененного стакана
Он, весел, пьет и не глядит
На изумленного Руслана.
Князь видит и младого хана,
Друзей и недругов... и вдруг
Раздался гуслей беглый звук
И голос вещего Баяна,
Певца героев и забав.
Вступает в гридницу Фарлаф,
Ведет он за руку Людмилу;
Но старец, с места не привстав,
Молчит, склонив главу унылу,
Князья, бояре — все молчат,
Душевные движенья кроя.
И всё исчезло — смертный хлад
Объемлет спящего героя.
В дремоту тяжко погружен,
Он льет мучительные слезы,
В волненье мыслит: это сон!
Томится, но зловещей грезы,
Увы, прервать не в силах он.

Луна чуть светит над горою;
Объяты рощи темнотою,
Долина в мертвой тишине,
Изменник едет на коне.

Пред ним открылася поляна;
Он видит сумрачный курган;

A glade and barrow he has sighted;
Stretched at his love's feet, on the ground
Ruslan sleeps; and around the mound
His stallion walks. Farlaf, much frightened,
Looks on a'tremble. In the mist
The witch is lost. No signal sounding,
The bridle dropping from his fist,
He rides up closer, his heart pounding,
And leans across, his broadsword bared,
To cleave the knight in two prepared
Without a fight. His presence scenting,
The stallion whinnies angrily
And paws the ground. But what's to be,
There is, I fear me, no preventing!
Ruslan hears nothing, for sleep on him
Weighs heavily, a cruel vise.
Spurred by the witch, Farlaf's upon him,
And plunging deep his sharp steel thrice
Into his breast, his priceless prey
Lifts up and, weak-kneed, rides away.

У ног Людмилы спит Руслан,
И ходит конь кругом кургана.
Фарлаф с боязнию глядит;
В тумане ведьма исчезает,
В нем сердце замерло, дрожит.
Из хладных рук узду роняет.
Тихонько обнажает меч.
Готовясь витязя без боя
С размаха надвое рассечь...
К нему подъехал. Конь героя,
Врага почуя, закипел.
Заржал и топнул. Знак напрасный!
Руслан не внемлет; сон ужасный,
Как груз, над ним отяготел!..
Изменник, ведьмой ободренный,
Герою в грудь рукой презренной
Вонзает трижды хладну сталь...
И мчится боязливо вдаль
С своей добычей драгоценной.

The hours flew. Beneath the barrow
The whole night long our hero lay;
The blood from his wounds oozed in narrow,
Unending streamlets... Dawn arrived,
And with its coming he revived,
Let out a heavy, muffled groan,

Всю ночь бесчувственный Руслан
Лежал во мраке под горою.
Часы летели. Кровь рекою
Текла из воспаленных ран.
Поутру, взор открыв туманный,
Пуская тяжкий, слабый стон,

About him peered, and, vainly trying
To lift himself and stand, fell prone,
Like one already dead — or dying.

С усильем приподнялся он,
Взглянул, поник главою бранной —
И пал недвижный, бездыханный.

CANTO THE SIXTH

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

You bid me, O my heart's desire,
Take up my light and carefree lyre

Ты мне велишь, о друг мой нежный,
На лире легкой и небрежной

And chant the lays of old, my leisure
Devoting to a faithful Muse.
Do you not know, then, that I treasure
Love's raptures more and frankly choose
To spend but little of my time
With that long cherished lyre of mine,
That being now at odds with rumour
And drunk with bliss, I'm in no humour
To welcome toil or harmony's
Sweet, winsome strains... By you I breathe,
And though loud are fame's prideful speeches,
Their sound my ear but faintly reaches,
Of genius the secret fires
Are dead; its thoughts are left behind.
Love, love alone my heart inspires,
Its wild desires invade my mind.
But you — you'd have me sing; my stories
Of loves long past and erstwhile glories
Appeal to you; you wish to hear
Of Prince Ruslan and of Ludmila,
The dwarf, Nahina, Vladimir,
And to the old Finn's woes a willing
And patient ear are glad to lend.
The tales I spun would sometimes tend
To make you feel a trifle sleepy
Though with a smile you listened e'er.
At other times I was aware
How tenderly — this felt I deeply —
Your loving gaze the singer's met.
Enamored babbler, I will let
My fingers pass over the lazy
And stubborn strings, and at your feet,
The minstrel's customary seat,
Strum loudly, my young champion praising.

But where's Ruslan? Out in the field,
His blood long cold and long congealed,
He sprawls, a raven o'er him swooping,
Upon the grass lie limp and drooping
The whiskers serving to adorn
His helm of steel; mute is his horn.

His golden mane no longer waving,
Around the prince his mount walks gravely,
Head lowered; in his once bright eye
The light has died. Not knowing why
The prince lies so, he is unwilling
To play and waits for him to wake.
In vain! The prince won't move or take
The sword up: deep his sleep and chilling.

And Chernomor? There, in the bag,
He lies, forgotten by the hag,

Старинны были напевать
И музе верной посвящать
Часы бесценного досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь с ветреной молвой,
Твой друг, блаженством упоенный,
Забыл и труд уединенный,
И звуки лиры дорогой.
От гармонической забавы
Я, негой упоен, отвык...
Дышу тобой — и гордой славы
Невнятен мне призывный клик!
Меня покинул тайный гений
И вымыслов, и сладких дум;
Любовь и жажда наслаждений
Одни преследуют мой ум.
Но ты велишь, но ты любила
Рассказы прежние мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владимир, ведьма, Черномор,
И Финна верные печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкий вздор,
С улыбкой иногда дремала;
Но иногда свой нежный взор
Нежнее на певца бросала...
Решусь; влюбленный говорун,
Касаюсь вновь ленивых струн;
Сажусь у ног твоих и снова
Бренчу про витязя младого.

Но что сказал я? Где Руслан?
Лежит он мертвый в чистом поле;
Уж кровь его не льется боле,
Над ним летает жадный вран,
Безгласен рог, недвижны латы,
Не шевелится шлем косматый!

Вокруг Руслана ходит конь,
Поникнув гордой головою,
В его глазах исчез огонь!
Не машет гривой золотою,
Не тешится, не скачет он,
И ждет, когда Руслан воспрянет...
Но князя крепок хладный сон,
И долго щит его не грянет.

А Черномор? Он за седлом,
В котомке, ведьмою забытый,
Еще не знает ни о чем;

And knowing naught, his grudges nurses;
Worn, sleepy, bored to tears, he curses
My youthful hero and his bride...
Then, not a sound his ears assailing
For hours on end, he peeps outside —
A miracle, no less! Words fail him.
For in a pool of blood the knight
Lies dead, and no one is in sight;
Ludmila's gone, the field's deserted.
The wizard crows in joy. «I'm free!»
He cries. «All danger is averted.»
But he is wrong, as we shall see.
Farlaf, by old Nahina aided,
On horseback makes for Kiev; he
Is full of hope and fear. The maiden
Across the saddle lies asleep.
Ahead, the Dnieper, cold and deep,
Already shows, its waters flowing
Mid native leas; the city's glowing
Gold domes and wooden walls draw near.
Here is the gate! The townsfolk cheer,
And mill about, excitement mounting.
Word to the Prince is sent. Before
The eyes of all, at palace door
We see the knavish youth dismounting.
Meanwhile, Vladimir, called Bright Sun,
Was in his lofty terem sitting,
And, filled with sorrow unremitting,
On his loss brooding. Round him, glum,
His knights and boyars sat, a pompous,
Stone-visaged lot. A sudden rumpus
Is heard without: yells, shouts, a din;
The portal opes. A knight comes in.
Who can he be? Why the intrusion?
All rise. A murmur fills the room,
Grows louder. General confusion.
Iudmila rescued! And by whom! —
Farlaf, of all men! Strange! The Prince,
Changed wholly now of countenance,
Starts from his chair and, heavy-footed,
Hastes to his long-lost daughter's side.
He touches her; she stirs not; muted
Her breathing is. Ruslan's young bride
Rests in the killer's arms unfeeling,
The hands of magic her lips sealing,
Its powers holding her spellbound.
His men the aged Prince watch dully
As, anxious-eyed and melancholy,
Farlaf he queries, though no sound
Escapes him. «Aye, the maiden sleeps,»
A finger holding to his lips,
Without a qualm, Farlaf says slyly.
«I found her, Prince, held by a wily

Усталый, сонный и сердитый
Княжну, героя моего
Бранил от скуки молчаливо;
Не слыша долго ничего,
Волшебник выглянул — о диво!
Он видит: богатырь убит;
В крови потопленный лежит;
Людмилы нет, всё пусто в поле;
Злодей от радости дрожит
И мнит: свершилось, я на воле!
Но старый карла был не прав.

Меж тем, Наиной осененный,
С Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится к Киеву Фарлаф:
Летит, надежды, страха полный;
Пред ним уже днепровски волны
В знакомых пажитях шумят;
Уж видит златоверхий град;
Уже Фарлаф по граду мчится,
И шум на стогнах восстает;
В волненье радостном народ
Валит за всадником, теснится;
Бегут обрадовать отца:
И вот изменник у крыльца.
Влача в душе печали бремя,
Владимир-солнышко в то время
В высоком тереме своем
Сидел, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругом
Сидели с важностью угрюмой.
Вдруг внемлет он: перед крыльцом
Волненье, крики, шум чудесный;
Дверь отворилась; перед ним
Явился воин неизвестный;
Все встали с шепотом глухим
И вдруг смутились, зашумели:
«Людмила здесь! Фарлаф... ужели?»
В лице печальном изменясь,
Встает со стула старый князь,
Спешит тяжелыми шагами
К несчастной дочери своей,
Подходит; отчими руками
Он хочет прикоснуться к ней;
Но дева милая не внемлет
И очарованная дремлет
В руках убийцы — все глядят
На князя в смутном ожиданье;
И старец беспокойный взгляд
Вперил на витязя в молчанье.
Но, хитро перст к устам прижав,
«Людмила спит,— сказал Фарлаф,—
Я так нашел ее недавно

And wicked goblin captive in
A Murom forest. Bound to win
Was valour, and it did. We battled
For three long days. Above us two
The moon rose thrice; then all was settled:
He fell. The sleeping maid to you
I rushed to bring from that forsaken
And lonely spot. When she's to waken
And with whose help is only known
To fate, whose ways are dark. Alone
Hope, yes, and patient meditation
Can offer us some consolation.»
Throughout the town there flew ere long
The fateful news, all hearts distressing.
The square filled with a seething throng
Of townsfolk, toward the palace pressing.
A house of grief, it opes its doors
To all, and there the crowd now pours
To see the youthful princess sleeping
On a raised couch clothed in brocade,
The knights and princes o'er the maid
With sombre faces vigil keeping.
Horns, tympans, gusli, tambourines
And trumpets sound. The Prince, grief-worn,
His grey head 'gainst his child's feet leans
With silent tears. Beside him, torn
By mute remorse, dismay, self-pity,
Farlaf stands trembling, white of face,
His brashness gone without a trace.

Soon darkness fell, but in the city
None closed an eye, and all throughout
The night discussed, grouped near their houses,
How it could all have come about,
Some husbands lingering without
And quite forgetting their young spouses.
But when the twin-horned moon on high

В пустынных муромских лесах
У злого лешего в руках;
Там совершилось дело славно;
Три дня мы бились; луна
Над боем трижды подымалась;
Он пал, а юная княжна
Мне в руки сонною досталась;
И кто прервет сей дивный сон?
Когда настанет пробужденье?
Не знаю — скрыт судьбы закон!
А нам надежда и терпенье
Одни остались в утешенье».

И вскоре с вестью роковой
Молва по граду полетела;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипела;
Печальный терем всем открыт;
Толпа волнуется, валит
Туда, где на одре высоком,
На одеяле парчевом
Княжна лежит во сне глубоком;
Князья и витязи кругом
Стоят унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремят над нею; старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
К ногам Людмилы сединами
Приник с безмолвными слезами;
И бледный близ него Фарлаф
В немом раскаянье, в досаде
Трепещет, дерзость потеряв.

Настала ночь. Никто во граде
Очей бессонных не смыкал;
Шумя, теснились все друг к другу;
О чуде всякий толковал;

Met dawn, its bright rays slowly paling,
There rose throughout a hue and cry,
A din, a clang of arms, a wailing.
A new alarm! And, shaken, all
Come scrambling up the city wall.
A mist the river cloaks. Beyond it
They see white tents, the glint of shields,
Dust raised by horsemen in the fields,
And moving carts: they are surrounded;
Up on the hilltops campfires flame....
To such scenes Kiev is no stranger;
It's clear the city is in danger,
The Pechenegs attack again!

While this went on, the Finn, a seer
And ruler of the spirits, waited,
Withdrawn from all the world, to hear
Of happenings anticipated,
Foreseen by him... Calm, tranquil he:
What is ordained is bound to be.

Deep in the steppe, sun-parched and soundless,
Beyond a chain of hills, the boundless
Realm of wild gales and windstorms, where
The aweiess witch will scarcely dare
To walk with the approach of evening,
A vale lies hid that boasts two springs:
One leaps o'er stones and plays and sings,
For it is rich in water living;
The other o'er the valley bed
Flows sluggishly, its waters dead.
All's silence here, no breezes blowing
That coolness bring; no busy bird
To chatter or to sing is heard;
No age-old pines on sand dunes growing
Are seen to stir; no fawn, no deer
Drinks of these waters. It is here
On guard two spirits have been standing
Since Time began, the fear commanding
Of all. Before them now the Finn
Appears, two jugs, both empty, bearing;
Their trance is broken, and from him
They flee, to other parts repairing.
He fills the vessels with the pure,
Sweet water 'fore him softly streaming,
And then is off, to vanish seeming
Into thin air. A second or
Two seconds pass, and in the vale
Where, motionless and deathly pale,
Ruslan lies, he now stands. First he
Dead water o'er the knight sprays, causing
The gaping wounds to heal and rosy
The grey lips turning suddenly;

Младой супруг свою супругу
В светлице скромной забывал.
Но только свет луны двурогой
Исчез пред утренней зарей,
Весь Киев новою тревогой
Смутился. Клики, шум и вой
Возникли всюду. Киевляне
Толпятся на стене градской...
И видят: в утреннем тумане
Шатры белеют за рекой;
Щиты, как зарево, блистают,
В полях наездники мелькают,
Вдали подъемля черный прах;
Идут походные телеги,
Костры пылают на холмах.
Беда: восстали печенеги!

Но в это время вещий Финн,
Духов могучий властелин,
В своей пустыне безмятежной
С спокойным сердцем ожидал,
Чтоб день судьбины неизбежной,
Давно предвиденный, восстал.

В немой глуши степей горючих,
За дальной цепью диких гор,
Жилища ветров, бурь гремучих,
Куда и ведьмы смелый взор
Проникнуть в поздний час боится,
Долина чудная таится,
И в той долине два ключа:
Один течет волной *живою*,
По камням весело журча,
Тот льется *мертвою* водою;
Кругом всё тихо, ветры спят,
Прохлада вешняя не веет,
Столетни сосны не шумят,
Не вьются птицы, лань не смеет
В жар летний пить из тайных вод;
Чета духов с начала мира,
Безмолвная на лоне мира,
Дремучий берег стережет...
С двумя кувшинами пустыми
Предстал отшельник перед ними;
Прервали духи давний сон
И удалились, страха полны.
Склонившись, погружает он
Сосуды в девственные волны;
Наполнил, в воздухе пропал
И очутился в два мгновенья
В долине, где Руслан лежал
В крови, безгласный, без движенья;
И стал над рыцарем старик,
И вспрыснул мертвою водою,

With living water then he sprays
The comely but still lifeless face —
And death is vanquished, gone its rigor;
Ruslan, full of fresh strength and vigour,
Stands up; life courses in his veins,
The past a ghastly dream remains
Behind him, dim... O'erjoyed, he faces
The rising day that 'fore him blazes.
But he's alone... Where's his young bride?..
Of fear a tremor passes through him;
Then his heart leaps, for at his side
He sees the Finn who now says to him:
«It's as Fate wills. Bliss is in store
For you, my son, but not before
A bloody feast you'll have attended
And with your sword put down the foe.
You'll see your bride and gladness know,
Once peace on Kiev has descended.
Here is a ring for you. Her brow
Touch with it, and from sleep she'll waken.
The very sight of you, I vow,
Will leave your foes confused and shaken
And put the lot of them to flight.
Then will maliciousness and spite,
My friend, and all things evil perish.
Be worthy of your love and cherish
Your bride, Ruslan... And goodbye...
Beyond the grave will you and I
Meet, not before.» With this he vanished,
And Prince Ruslan, all his fears banished,
O'erjoyed to be to life restored,
Stands with his arms stretched out toward
His friend... Alas! The grassy lea is
Deserted quite save for the bay
(The dwarf's still in the bag) who whinnies
And rears and shakes his mane. Away

И раны засияли вмиг,
И труп чудесной красотою
Процвел; тогда водой живою
Героя старец окропил,
И бодрый, полный новых сил,
Трепеща жизнью молодою,
Встает Руслан, на ясный день
Очами жадными взирает,
Как безобразный сон, как тень,
Пред ним минувшее мелькает.
Но где Людмила? Он один!
В нем сердце, вспыхнув, замирает.
Вдруг витязь вспрянул; вещий Финн
Его зовет и обнимает:
«Судьба свершилась, о мой сын!
Тебя блаженство ожидает;
Тебя зовет кровавый пир;
Твой грозный меч бедою грянет;
На Киев снидет кроткий мир,
И там она тебе предстанет.
Возьми заветное кольцо,
Коснися им чела Людмилы,
И тайных чар исчезнут силы,
Врагов смутит твое лицо,
Настанет мир, погибнет злоба.
Достойны счастья будьте оба!
Прости надолго, витязь мой!
Дай руку... там, за дверью гроба —
Не прежде — свидимся с тобой!»
Сказал, исчезнул. Упоенный
Восторгом пылким и немым,
Руслан, для жизни пробужденный,
Подъемлет руки вслед за ним...
Но ничего не слышно боле!
Руслан один в пустынном поле;
Запрыгав, с карлой за седлом,

The prince now makes to go, and, springing
Into the saddle, grips the reins.
He's hale and sound. Across the plains
And woods we see him boldly winging.

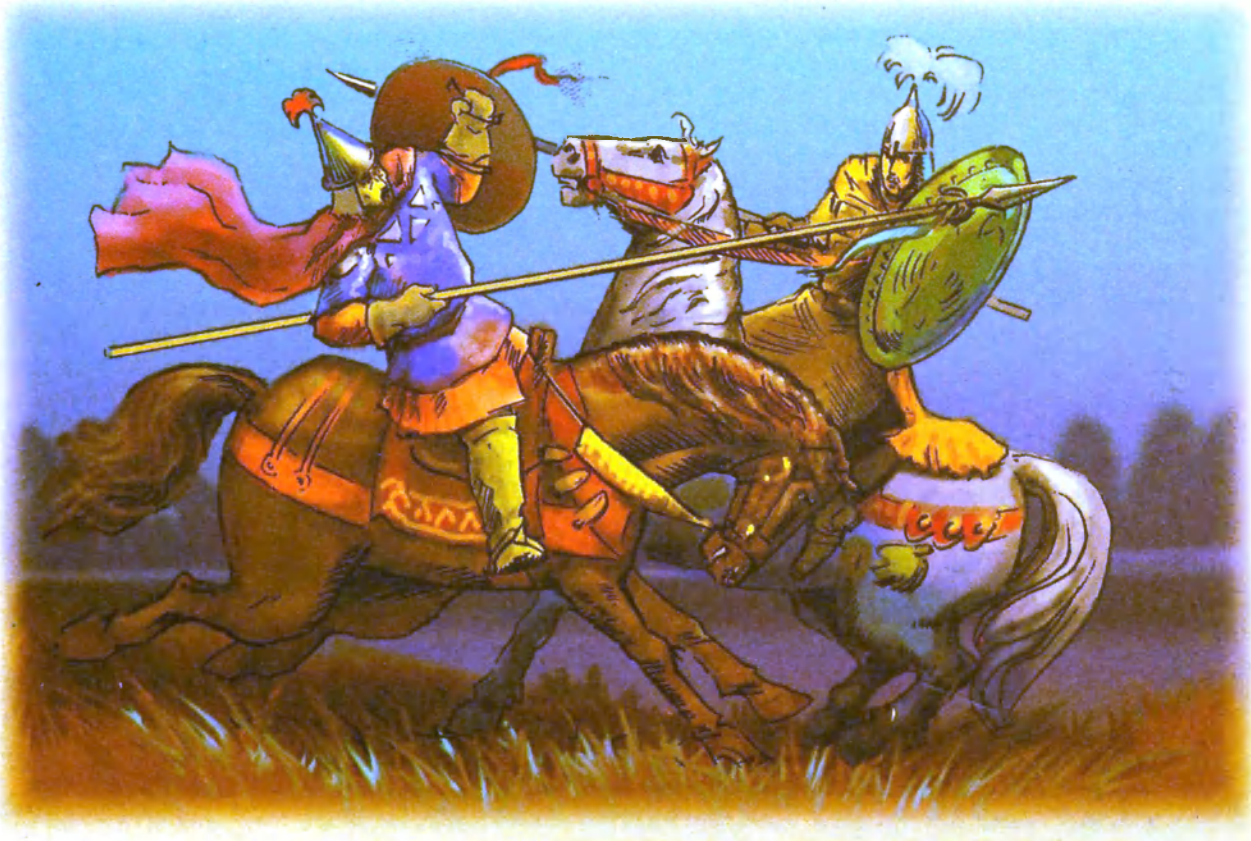
And what of Kiev, by the foe
Beleaguered?.. There, filled with suspense,
High on its walls and battlements,
The townsfolk crowd. The fields below
Surveying fearfully, they wait
God's smiting hand, the hand of fate.
Subdued laments come from the houses;
No sound the fear-hushed byways rouses.
Beside his child in earnest prayer
Vladimir kneels, plunged deep in sorrow.
His knights and noblemen and their
Great warrior-host for war prepare:
The bloody fray's set for the morrow!

Dawn broke, and down the hills the foes
Poured, armed with swords and spears and bows;
They surged relentless, never slowing,
Wave upon wave across the plains
And toward the city walls came flowing.
The Kiev trumpets started blowing,
And out its men rushed, with the chains

Русланов конь нетерпеливый
Бежит и ржет, махая гривой;
Уж князь готов, уж он верхом,
Уж он летит живой и здравый
Через поля, через дубравы.

Но между тем какой позор
Являет Киев осажденный?
Там, устремив за нивы взор,
Народ, уныньем пораженный,
Стоит на башнях и стенах
И в страхе ждет небесной казни;
Стенанья робкие в домах,
На стогнах тишина боязни;
Один, близ дочери своей,
Владимир в горестной молитве;
И храбрый сонм богатырей
С дружиной верною князей
Готовится к кровавой битве.

И день настал. Толпы врагов
С зарею двинулись с холмов;
Неукротимые дружины,
Волнуясь, хлынули с равнины
И потекли к стене градской;
Во граде трубы загремели,



Of the attackers boldly clashing.
The fray begins! In sudden fear,
As death they scent, steeds neigh and rear;
The riders, forward headlong dashing,
In battle meet, their steel swords flashing.
Sent forth in clouds, the arrows hum;
The fields turn red; with blood they run.
A man who's lost his war-horse faces
A horseman: which of them will smite
The other first? In wild-eyed fright
Across the field a charger races.
Death. Cries for help and battle-calls.
A Pecheneg, a Russian falls.
One's by an arrow pierced swift-flying;
Another's maced, his groan unheard;
A foeman's shield has crushed a third,
And, trampled on, he lies there, dying.
The fray went on till dark set in,
But neither warring side could win...
The slain in mounds lay; blood flowed freely;
Sleep claimed the living, all concealing
From their sight. Through the fearful night's
Long hours the wounded moaned in pain,
And one could hear the Russian knights
To their God pray and speak His name.

But paler turned the shade of morn,
And in the swiftly-flowing river
The rippling waves seemed made of silver:
Day, thickly cloaked in mist, was born.
The hills and forests slowly brightened;
The skies, by sun their blueness heightened,
Broke free of sleep... Yet moveless still
The battlefield remained until
The hostile camp awoke abruptly,
A challenge followed the alarm,
And warfare once again erupting,
Old Kiev lost its short-lived calm.
All rush to watch the scene below
And see a knight in flaming mail
Through ranks of foemen blaze a trail,
See him descend on them and mow
Them boldly down — see his sword flash
And thrust and stab and cut and slash...
It was Ruslan. The dwarf behind him,
His horn triumphantly he blows
And like a thunderbolt the foes
Strikes down; where'er it is we find him
Borne by his steed, the infidels
Row upon row he vengeful fells,
And awing the enthralled beholders,
With whistling sword parts heads from
shoulders...

Бойцы сомкнулись, полетели
Навстречу рати удалой,
Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони;
Со свистом туча стрел взвилась,
Равнина кровью залилась;
Стремглав наездники помчались,
Дружины конные смешались;
Сомкнутой, дружною стеной
Там рубится со строем строй;
Со всадником там пеший бьется;
Там конь испуганный несется;
Там клики битвы, там побег;
Там русский пал, там печенег;
Тот опрокинут булавою;
Тот легкой поражен стрелою;
Другой, придавленный щитом,
Растоптан бешеным конем...
И длился бой до темной ночи;
Ни враг, ни наш не одолел!
За грудами кровавых тел
Бойцы сомкнули томны очи,
И крепок был их бранный сон;
Лишь изредка на поле битвы
Был слышен падших скорбный стон
И русских витязей молитвы.

Бледнела утренняя тень,
Волна сребрилася в потоке,
Сомнительный рождался день
На отуманенном востоке.
Яснели холмы и леса,
И просыпались небеса.
Еще в бездейственном покое
Дремало поле боевое;
Вдруг сон прервался: вражий стан
С тревогой шумною воспрянул,
Внезапный крик сражений грянул;
Смутилось сердце киевлян;
Бегут нестройными толпами
И видят: в поле меж врагами,
Блистая в латах, как в огне,
Чудесный воин на коне
Грозой несется, колет, рубит,
В ревущий рог, летая, трубит...
То был Руслан. Как божий гром,
Наш витязь пал на басурмана;
Он рыщет с карлой за седлом
Среди испуганного стана.
Где ни просвищет грозный меч,
Где конь сердитый ни промчится,
Везде главы слетают с плеч

Where'er he passes, bodies strew
The battleground, crushed, headless, dying,
With spears and arrows near them lying
And heaps of armour. Then, anew
The trumpet's battle call remorseless
Sounds, and behold! — the Slavic forces
To join Ruslan on horseback fly.
A fierce fray follows... Pagan, die!
The Pechenegs, those savage raiders,
Round up their scattered horses and
In panic flee. The feared invaders
Of Russ, they can no more withstand
The Slavs' attack; their wild yells carry
Over the dusty field; their hordes,
Cut down by Kiev's smiting swords,
The fires of the inferno face...
Kiev exults... And now our daring
Young prince — his horse he sits with grace —
On through its gate rides, proudly bearing
His sword of victory; his lance
Shines star-like, drawing every glance;
The blood is seen to trickle down
His heavy mail of bronze, he's wearing
A helm whose top the whiskers crown
Of Chernomor. And all about him
There's noise and gaiety and shouting.
The very air with his name rings...
Toward the Prince's house on wings
Of hope he flies, and goes inside.
Here now's the silent chamber where
Sleeps fair Ludmila; at her side
Her father stands, deep lines of care
Etched on his face. There's no one near him,
No friend to comfort or to cheer him,
For they have all gone off to war...
Farlaf, alone the call of duty
Denying, at the chamber door
Inept vigil; in him deeply rooted
Was an aversion for things martial,
To calm and comfort he was partial,
And very much so. Seeing who
Was there before him, he surrendered
To fear; his blood froze; speechless rendered,
On to his knees he fell... He knew
That retribution was his due,
That he was doomed. Ruslan, however,
The magic ring just then recalled
And, faithful to his love as ever,
Her pale brow touched with it. Behold! —
She oped her eyes and sighed in wonder:
Night had been long, too long... It seemed
That she was still entranced, still under

И с воплем строй на строй валится;
В одно мгновенье бранный луг
Покрыт холмами тел кровавых,
Живых, раздавленных, безглавых,
Громадой копий, стрел, кольчуг.
На трубный звук, на голос боя
Дружины конные славян
Помчались по следам героя,
Сразились... гибни, басурман!
Объемлет ужас печенегов;
Питомцы бурные набегов
Зовут рассеянных коней,
Противиться не смеют боле
И с диким воплем в пыльном поле
Бегут от киевских мечей,
Обречены на жертву аду;
Их сонмы русский меч казнит;
Ликует Киев... Но по граду
Могучий богатырь летит;
В деснице держит меч победный;
Копье сияет, как звезда;
Струится кровь с кольчуги медной;
На шлеме вьется борода;
Летит, надеждой окриленный,
По стогнам шумным в княжий дом.
Народ, восторгом упоенный,
Толпится с кликами кругом,
И князя радость оживила.
В безмолвный терем входит он,
Где дремлет чудным сном Людмила;
Владимир, в думу погружен,
У ног ее стоял унылый.
Он был один. Его друзей
Война влекла в поля кровавы.
Но с ним Фарлаф, чуждаясь славы,
Вдали от вражеских мечей,
В душе презрев тревоги стана,
Стоял на страже у дверей.
Едва злодей узнал Руслана,
В нем кровь остыла, взор погас,
В устах открытых замер глас,
И пал без чувств он на колена...
Достойной казни ждет измена!
Но, помня тайный дар кольца,
Руслан летит к Людмиле спящей,
Ее спокойного лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо: юная княжна,
Вздохнув, открыла светлы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сон
Ее томил мечтой неясной,

The spell of something she had dreamed.
And then her vision cleared — she knew him!
And fell into his arms, and to him
Clung lovingly. By joy made numb,
He saw naught, heard naught, his heart raced...
And Prince Vladimir, overcome,
Wept as his dear ones he embraced.

И вдруг узнала — это он!
И князь в объятиях прекрасной...
Воскреснув пламенной душой,
Руслан не видит, не внимает,
И старец в радости немой,
Рыдая, милых обнимает.

You will have guessed, and without fail,
How ends my all too drawn-out tale.
Flown was Vladimir's wrath ungrounded;
Farlaf confessed his guilt; Ruslan,
So happy was he, in him found it
All to forgive; the dwarf, undone,
His powers lost, was added to
Vladimir-Bright Sun's retinue;
To mark an end to tribulation
A sumptuous feast of celebration
The Prince held in his chamber high,
By friends and family surrounded.

The ways and deeds of days gone by,
A narrative on legend founded.

Чем кончу длинный мой рассказ?
Ты угадаешь, друг мой милый!
Неправый старца гнев погас;
Фарлаф пред ним и пред Людмилой
У ног Руслана объявил
Свой стыд и мрачное злодейство;
Счастливый князь ему простил;
Лишенный силы чародейства,
Был принят карла во дворец;
И, бедствий празднуя конец,
Владимир в гриднице высокой
Запировал в семье своей.

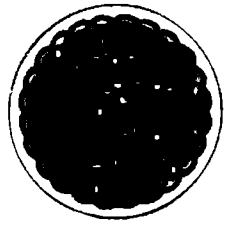
Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

EPILOGUE

Thus, the world's mindless dweller, spending
Life's precious hours in idle peace,
Its strings my lyre to me lending,
I sang the lore of bygone days.
I sang, the painful blows forgetting
Of fate that blindly o'er us rules,
The wiles of frivolous maids, the petty
And thoughtless jibes of prating fools.
My mind, on wings of fancy soaring,
To parts ethereal was borne,
While all unknown there gathered o'er me
The dark clouds of a mighty storm...
And I was lost... But you who always
Watched o'er me in my earlier years,
You, blessed friendship, giving solace
To one whose heart deep sorrow sears! —
You calmed the raging storm, and, heeding
My spirit's call, brought peace to me;
You saved me — saved my treasured freedom,
Of fiery youth the deity!
Far from the social whirl, the Neva
Behind me left, forgotten even
By rumour, here am I where loom
Caucasian peaks in prideful gloom.
Atop high steeps, mid downward tumbling
Cascades and cataracts of stone,
I stand and drink it all in dumbly,
And revel, to reflection prone,
In nature's dark and savage beauty;
To wounding thought my soul's still wed,
Within it sadness lives, deep-rooted,
But the poetic fires are dead,
In vain I seek for inspiration:
Gone is the blithe and happy time
Of love, of merry dreams, of rhyme,
Of all that filled me with elation.
Sweet rapture's span has not been long,
Flown from me has the Muse of song,
Of softly spoken incantation...

ЭПИЛОГ

Так, мира житель равнодушный,
На лоне праздной тишины
Я славил лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пел — и забывал обиды
Слепого счастья и врагов,
Измены ветреной Дориды
И сплетни шумные глупцов.
На крыльях вымысла носимый,
Ум улетал за край земной;
И между тем грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!..
Я погибал... Святой хранитель
Первоначальных, бурных дней,
О дружба, нежный утешитель
Болезненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила мир;
Ты сохранила мне свободу,
Кипящей младости кумир!
Забытый светом и молвою,
Далече от брегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немыми
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой;
Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой —
Но огнь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений:
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений!
Восторгов краткий день протек —
И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений...



THE TALE OF TSAR SALTAN

hree fair maidens, late one night,
Sat and spun by candlelight.
«Were our tsar to marry me,»
Said the eldest of the three,
«I would cook and I would bake —
Oh, what royal feasts I'd make.»
Said the second of the three:
«Were our tsar to marry me,
I would weave a cloth of gold
Fair and wondrous to behold.»
But the youngest of the three
Murmured: «If he married me —
I would give our tsar an heir
Handsome, brave, beyond compare.»
At these words their chamber door
Gently creaked — and lo, before
These three maidens' very eyes
Stood their tsar, to their surprise.
He had listened by their gate
Whither he'd been led by fate,
And the words that he heard last
Made his heart with love beat fast.
«Greetings, maiden fair,» said he —
«My tsaritsa you shall be,
And, ere next September's done,
See that you bear me a son.
As for you, fair sisters two,
Leave your home without ado;
Leave your home and follow me

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ, О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ

ри девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица,—
Говорит одна девица,—
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
— «Кабы я была царица,—
Говорит ее сестрица,—
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
— «Кабы я была царица,—
Третья молвила сестрица,—
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица,—
Говорит он,— будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы.

And my bride that is to be.
Royal weaver, you I'll make,
You as royal cook I'll take.»

Then the tsar strode forth, and they
Palacewards all made their way.
There, he lost no time nor tarried
That same evening he was married;
Tsar Saltan and his young bride
At the feast sat side by side.
Then the guests, with solemn air,
Led the newly wedded pair
To their iv'ry couch, snow-white,
Where they left them for the night.
Bitterly, the weaver sighed,
And the cook in passion cried,
Full of jealousy and hate
Of their sister's happy fate.
But, by love and duty fired,
She conceived, ere night expired,
In her royal husband's arms.
These were days of war's alarms.

Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха —
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

Ere he rode forth for the strife,
Tsar Saltan embraced his wife,
Bidding her to take good care
Of herself and coming heir;
While he battled on the field,
Forcing countless foes to yield,
God gave unto her an heir —
Lusty, large of limb, and fair.
Like a mother eagle, she
Guarded him most jealously;
Sent the news of God's glad gift
To the tsar, by rider swift.
But the royal cook, and weaver,
And their mother, sly deceiver,
Sought to ruin her, so they
Had him kidnapped on the way,
Sent another in his stead.
Word for word, his message read:
«Your tsaritsa, sire, last night
Was delivered of a fright —
Neither son nor daughter, nor
Have we seen its like before.»
At these words, the royal sire
Raved and raged in furious ire,
«Hang that messenger!» roared he,
«Hang him on the nearest tree!»
But, relenting, spared him, and
Sent him back with this command:
«From all hasty steps refrain
Till the tsar comes home again.»
Back the messenger rode fast,
Reached the city gates at last.
But the royal cook, and weaver,
With their mother, sly deceiver,
Made him drunk; and in his sleep
Stole the message from his keep
And, before he could recover,
They replaced it by another.
So, with feet unsteady, he
Reached the court with this decree:
«Have the queen and have her spawn
Drowned in secret ere the dawn.»
Grieving for their monarch's heir,
For the mother young and fair,
Solemnly the tsar's boyards
Told the queen of this ukaz,
Of the cruel doom which fate
So unkindly had in wait.
This unpleasant duty done,
Put the queen and put her son
In a cask, and sealed it fast;
Tarred it well, and then they cast

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простяся,
На добра коня садяся,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем, как он далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына Бог им дал в аршин,
И царица над ребенком,
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой
Обобрать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —

Cask and burden in the sea —
Such, forsooth, the tsar's decree.

Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатили
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

Stars gleam in the dark blue sky,
Dark blue billows heave and sigh.
Storm clouds o'er the blue sky creep,
While the cask rides o'er the deep.
Like a widowed bride distressed,
Sobbed the queen and beat her breast,
While the babe to manhood grew
As the hours swiftly flew.
Morning dawned, the queen still waited
But her son the billows hailed:
«O, you wanton waves so blue —
Free to come and go are you,
Dashing when and where you please,
Wearing rocks away with ease,—
You, who flood the mountains high,
You, who ships raise to the sky —
Hear my prayer, o waves, and spare us —
Safely onto dry land bear us.»
So the waves, without ado,
Bore the cask and prisoners two
Gently to a sandy shore
Then, receding, splashed no more.
Son and mother, safe and sound,
Feel that they're on solid ground.
From their cask, though, who will take them?
Surely God will not forsake them?
Murmuring: «I wonder how

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел — царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,

We could break our prison now?»
Up the son stood on his toes,
Stretched himself, and said: «Here goes!» —
Thrust his head against the lid,
Burst it out — and forth he slid,
Son and mother, free again,
Saw a hillock on a plain;
On its crest, an oak tree grew;
Round them flowed the ocean blue.
Quoth the son: «Some food and drink
Wouldn't come amiss, I think.»
From the oak, a branch he rent
And a sturdy bow he bent.
With the silken cord* that hung
Round his neck, the bow he strung.
From a slender reed and light,
Shaped an arrow, true in flight.
Then explored the isle for game,
Till he to the sea-shore came.
Just as he approached the beach,
Our young hunter heard a screech;
Of distress at sea it told.
He looked round him, and, behold,
Saw a swan in evil plight;
Circling over it — a kite,
Talons spread, and bloodstained beak
Poised, prepared her death to wreak,
While the helpless bird was splashing,
With her wings the waters lashing.
But his shaft, with baneful note,
Struck the kite full in the throat.
Bleeding, in the sea it fell,
Screeching like a soul in hell.
He, with lowered bow, looked on
As, with beak and wings, the swan,
Dealing ruthless blow on blow
On the cruel kite, her foe,
Sped its death, till finally
Lifeless it sank in the sea.
Then, in Russian accents, she
Murmured plain as plain could be:
«O, tsarevich, champion peerless,
My deliverer so fearless —
Grieve not that because of me
Your good shaft is in the sea;
That you'll have to fast three morrows —
This is but the least of sorrows.
Your kind deed I will repay —
I will serve you too, one day;
'Tis no swan that you set free,

---

* All Russian Orthodox Christians wear a cross suspended from the neck.— Tr.

В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле;
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой завострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно, на море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вкруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый навострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил.
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;

But a maiden charmed, you see;
'Twas a wizard, not a kite,
That you slew, O noble knight;
I shall ne'er forget your deed —
I'll be with you in your need.
Now go back and take your rest —
All will turn out for the best.»

Then the swan-bird flew from view
While, perforce, the luckless two,
Famished, laid them down to sleep,
Praying God their souls to keep.
Driving slumber from his eyes
As the sun rose in the skies,
Our tsarevich, much amazed,
At a spacious city gazed,
Girdled by a wide and tall,
Strong-embattled snow-white wall.
Churches golden-domed stood there,
Holy cloisters, mansions fair.
«Mother mine, awaken!» cried he —
«Oh!» she gasped; he said: «I see
Things have only just begun —
My white swan is having fun,»
Citywards their steps they bent,
Through the city gates they went.
Belfries thundered overhead
Loud enough to wake the dead.
Round them poured a mighty throng,
Choir boys praised the Lord in song;
Nobles, splendidly arrayed,
Came in coaches, gold inlaid.
All the people cheered them madly,
As their prince acclaimed him gladly,
With his mother's blessing, he,
Acquiescing graciously,
That same day began to reign
In his newly-found domain,
Sat in state upon the throne
And was crowned as Prince Guidon.

Breezes o'er the ocean play,
Speed a barque upon its way;
Sails all spread, it skims the seas,
Running swiftly 'fore the breeze.
Sailors, merchants, crowd the deck,
Marvel loud and crane their necks.
Wondrous changes meet their view
On an island which they knew!
There, a golden city grand,
Newly built, and fortress stand,
Cannons with a mighty roar
Bid the merchants put to shore.

Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так
Лечь решились натощак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? —
Говорит он,— вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный Бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают,
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острову
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой —
Пушки с пристани палит,
Кораблю пристать велят.

When the merchants land, Guidon
Bids them be his guests anon;
Feasts them first with meats and wit
Then he says: «Now, masters mine —
Tell me what you have for sale,
Whither bound, and whence you hail?»
Said the merchants: «If you please.
We have sailed the seven seas;
Costly furs, prince, were our ware.
Silver fox and sables rare.
Now our time is overstayed,
East — due East — our course is laid,
Past the Island of Buyan,
Back to gracious Tsar Saltan.»
«Gentles,» murmured Prince Guidon,
«May fair breezes speed you on,
And, when Tsar Saltan you see
Bow down low to him for me.»
Here the merchants made their bows,
And the prince, with pensive brows,
Watched their ship put out from shore
Till it could be seen no more.
Suddenly, before Guidon
Swam the graceful snow-white swan.
«Greetings, my fair prince,» said she —
«Why are you so sad, tell me?
Why are you so dismal, say,
Like a gloomy, cloudy day?»
«Grief is gnawing at my breast,»
Answered Prince Guidon, distressed.
«I have only one desire —
I should like to see my sire.»
«Is that all?» was her reply —
«Listen — would you like to fly,
Overtake that ship at sea?
Why, then — a mosquito be!»
Then she flapped her pinions two,
Loudly thrashed the waters blue,
Drenching him from head to toe
Ere he could say yes or no.
And he hovered, then and there,
A mosquito, in the air.
Buzzed, and flying rapidly,
Overtook the ship at sea,
Settled noiselessly, and stole
Out of sight, into a hole.

Merrily the breeze is singing,
O'er the waves a ship is winging
Past the Island of Buyan
To the realm of Tsar Saltan.
Now his longed-for land so dear
Stands out in the distance, clear,

Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чорнобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.

Now the ship at anchor rests
And the merchants, honoured guests,
Palacewards their footsteps make
With our gallant in their wake.
There, in regal raiments, sate
Tsar Saltan in royal state.
On his head — his jewelled crown;
On his face — a pensive frown,
While the royal cook, and weaver,
And their mother, sly deceiver,
Sitting on his left and right,
Stared at him with all their might.
Tsar Saltan, with royal grace,
Gave the merchants each his place,
Then he said: «Now, masters mine,
Sailed you far across the brine?
Are things well where you have been?
What strange wonders have you seen?»
Quoth the merchants: «If you please,
We have sailed the seven seas;
Peace reigns overseas, serene.
There, we saw this wondrous scene:
There's an island in the sea,
Shores as steep as steep can be;
Cheerless once, deserted, bare —
Nothing but an oak grew there.
Now it has a new-built city,
Stately mansions, gardens pretty,
Churches tall with domes of go
Fair and wondrous to behold.
Prince Guidon reigns there, and he
Sends his compliments to thee.»
Here the tsar said, in amaze:
«If but God prolong my days,
I shall visit this strange isle,
Guest with this Guidon a while.»
But the royal cook, and weaver,
With their mother, sly deceiver,
Did not wish to let their tsar
See this wondrous isle so far.
«What a wonder,» quoth the cook,
Winking at the others «Look:
There's a city by the shore!
Have you heard the like before?
Here's a wonder, though, worth telling —
There's a little squirrel dwelling
In a fir tree; all day long,
Cracking nuts, it sings a song.
Nuts — most wondrous to behold!
Every shell is solid gold;
Kernels — each an emerald pure!
That's a wonder, to be sure.»
Tsar Saltan thought this most curious,

Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право,—
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит,—
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,

Our mosquito waxed most furious
And, with his mosquito might,
Stung his aunt's right eye, in spite.
Turning pale, she swooned from pain —
But her eye ne'er saw again.
Sister, serving maids and mother,
Chased him, tripping one another,
Screamed: «You cursed insect, you!
Only wait!» But he just flew
Through a casement, o'er the main,
Swiftly to his own domain.
Pensively Guidon once more
Gazes seaward from the shore.
Suddenly, before his sight
Swam the graceful swan, snow-white.
«Greetings, my fair prince,» said she —
«Why are you so sad, tell me?
Why are you so dismal, say
Like a gloomy, cloudy day?»
«Grief is gnawing at my breast,»
Answered Prince Guidon, distressed —
«There's a wonder, I confess,
That I'm burning to possess.
'Tis a wonder well worth telling —
Somewhere, there's a squirrel dwelling
In a fir tree; all day long,
Cracking nuts, it sings a song.
Nuts, most wondrous, I am told;
Every shell is solid gold,
Kernels — each an emerald pure.
But can I of this be sure?»
Here the swan said in reply:
«Yes — this rumour does not lie;
Marvel not — though this may be
Strange for you, 'tis not for me.
Grieve not — I will gladly do
This slight service, prince, for you.»
Home he sped with cheerful stride,
Gained his palace courtyard wide.
There, beneath a fir — behold! —
Cracking nuts all made of gold,
Emeralds left and right a-flinging,
Sat that wonder-squirrel, singing:
«Through the garden there she goes,
Tripping on her dainty toes.»
With its tail the squirrel sweeps
Shells and stones in tidy heaps,
While a charmed and happy throng
Listened to the squirrel's song.
Struck with wonder, Prince Guidon
Whispered softly: «Thank you, swan!
God grant you felicity
And such joy as you gave me.»

А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завесть
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —
Белка песенки поет
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут».
Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу».
С ободренною душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкий
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо,— молвил он,—
Ай да лебедь — дай ей Боже,
Что и мне, веселье то же».

Then a squirrel's house he built.
Crystal, glass, and silver gilt;
Set a guard, a scribe as well,
Who recorded every shell.
Thus the prince's treasures grew,
And the squirrel's glory too.

Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом.
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

Breezes o'er the ocean play
Speed a barque upon its way;
Sails all spread, it skims the seas,
Running swiftly 'fore the breeze
Past a craggy island, where
Stands a city, proud and fair.
Cannons with a mighty roar
Bid the merchants put to shore;
When the merchants land, Guidon
Bids them be his guests anon;
Feasts them first with meats and wine,
Then he says: «Now, masters mine —
Tell me what you have for sale,
Whither bound, and whence you hail?»
Said the merchants: «If you please,
We have sailed the seven seas,
Selling horses, Prince Guidon —
Stallions from the steppes of Don.
We are overdue, you know,
And we still have far to go —
Past the Island of Buyan,
Back to gracious Tsar Saltan.»
«Gentles,» murmured Prince Guidon —
«May fair breezes speed you on
O'er the ocean, o'er the main,
Back to Tsar Saltan again,
When your gracious tsar you see,
Give him compliments from me.»

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».

Bowing low before him, they
Left Guidon and sailed away.
He, though, hastened to the shore,
Where he met the swan once more,
Told her that his heart was burning,
For his sire, his soul was yearning...
In the twinkling of an eye
He became a tiny fly,
And he flew across the sea
Where, 'twixt sky and ocean, he
Settled on the deck and stole
Out of sight into a hole.

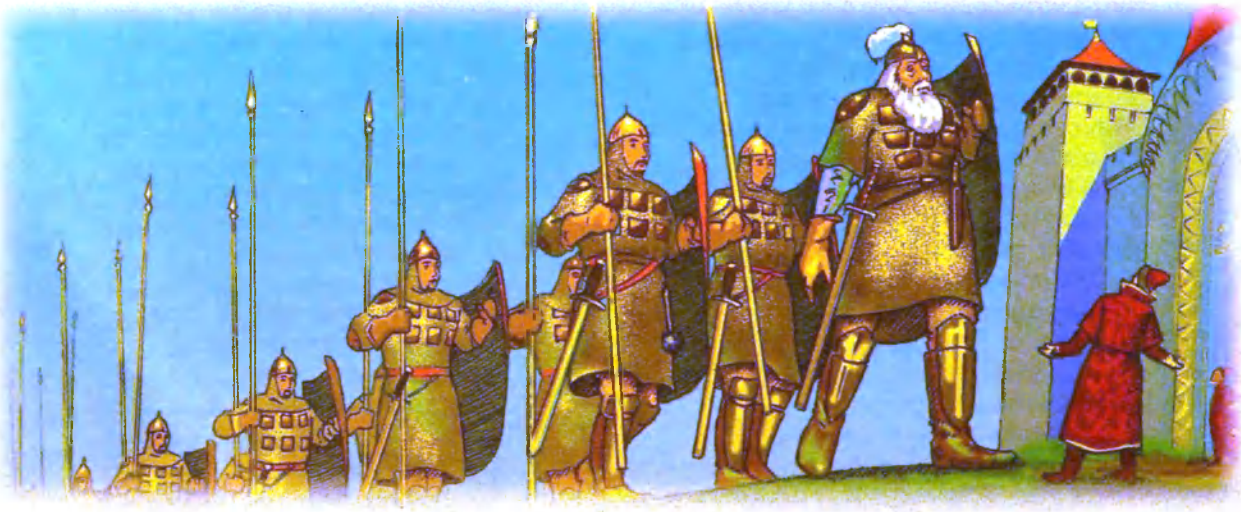
Merrily the breeze is singing,
O'er the waves a ship is winging,
Past the Island of Buyan,
To the realm of Tsar Saltan,
Now his longed-for land so dear,
Stands out in the distance, clear,
Now the ship at anchor rests,
And the merchants, honoured guests,
Palacewards their footsteps make
With our gallant in their wake.
There, in regal raiments, sate
Tsar Saltan in royal state.
On his head — his jewelled crown,
On his face — a pensive frown,
While the one-eyed cook, and weaver,
And their mother, sly deceiver,
Sit around the tsar and stare
At him with a toad-like glare.
Tsar Saltan, with royal grace,
Gave the merchants each his place,
Then he said: «Now, masters mine —
Sailed you far across the brine?
Are things well where you have been?
What strange wonders have you seen?»
Quoth the merchants: «If you please,
We have sailed the seven seas;
Peace reigns overseas, serene.
There, we saw this wondrous scene:
On an island, far away,
Stands a city, grand and gay —
Churches tall, with golden domes,
Gardens green and stately homes;
By the palace grows a fir
In whose shade, O royal sir,
Stands a crystal cage; and there
Dwells a squirrel, strange and rare —
Full of frolic; all day long,
Cracking nuts, it sings a song,
Nuts, most wondrous to behold —
Every shell is solid gold,

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят.
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,

Kernels — each an emerald bright;
Sentries guard it day and night,
It has slaves, like any lord,
Yes, and scribes each nut record.
Troops in passing give salute
With their martial drum and flute.
Maidens store these gems away
Under lock and key each day;
Coins are minted from each shell,
Coins with which they buy and sell.
People live in plenty there,
Not in huts, but mansions fair.
Prince Guidon reigns there, and he
Sends his compliments to thee.»
Here the tsar said, in amaze:
«If but God prolong my days,
I shall visit this strange isle
Guest with this Guidon a while.»
But the cook, and royal weaver,
With their mother, sly deceiver,
Did not wish to let the tsar
See this wondrous isle so far.
And the weaver, smiling wryly,
Thus addressed the tsar, most slyly:
«Wherein lies this wonder, pray?
Squirrels cracking nuts all day —
Heaping emeralds, we're told,
Left and right a-throwing gold!
Nothing strange in this see I!
Be this true, or but a lie,
I know of a better wonder.
Lo! The ocean swells in thunder,
Surges with a mighty roar,
Overflows a barren shore,
Leaving, wonderful to see,

Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха;
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,



Thirty stalwart knights and three,
All in mail a-gleaming bright,
Marching proudly left and right;
Each one brave beyond compare,
Tall of stature, young and fair,
All alike beyond belief,
Led by Chernomor, their chief.
That's a wonder, now, for you,
Marvellously strange, but true.»
Wisely, though, the guests were mute —
They with her did not dispute.
But the tsar waxed very curious,
And Guidon waxed very furious,
Fiercely buzzed and settled right
On his aunt's left eye, in spite.
Turning pale, she gave a cry —
She was blinded in her eye.
Screams of anger filled the air —
«Catch it! Kill that insect there!
O you nasty insect, you!»
But Guidon just calmly flew
Through the casement, o'er the main,
Swiftly to his own domain.

By the blue sea he is pacing,
On the blue sea he is gazing.
And once more, before his sight
Swam the graceful swan, snow-white.
«Greetings, my fair prince,» said she,
«Why are you so sad, tell me?
Why are you so dismal, say,
Like a gloomy, cloudy day?»'
«Grief is gnawing at my breast,»
Answered Prince Guidon, distressed —
«There's a wonder, I confess,
That I'm longing to possess.»
«Tell me then, what is this wonder?»
«Somewhere swells the sea in thunder,
Breakers surge, and with a roar,
Sweeping o'er a barren shore,
Leave behind, for all to see
Thirty stalwart knights and three,
All in mail a-gleaming bright,
Marching proudly left and right;
Each one brave beyond compare,
Tall of stature, young and fair.
All alike beyond belief,
Led by Chernomor, their chief.»
In reply, the snow-white swan
Murmured: «Is this all, Guidon?
Wonder not — though this may be
Strange for you, 'tis not for me,
Or these sea-knights, prince, are none

И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится...
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» — и тут же окривела;
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вот ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенесть я в мой удел».
— «А какое ж это диво?»
— «Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор».
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские

But my brothers, every one.
Do not grieve; go home and wait,
Meet my brothers at your gate.»
He obeyed her cheerfully,
Climbed his tower and scanned the seas
Lo! the waters, with a roar.
Seethed and swept the barren shore,
Leaving, wonderful to see,
Thirty stalwart knights and three,
All in mail a-gleaming bright,
Marching proudly left and right,
Two by two; and Chernomor,
Hoary-headed, went before,
Leading them in martial state
Right up to the city gate,
Prince Guidon, with flying feet,
Ran in haste his guests to greet;
Crowds pressed round in unbelief.
«Prince,» proclaimed the hoary chief —
«It is by the swan's request
And, at her express behest,
We have come from out the sea
Your fair city's guards to be.
Henceforth, from the ocean blue,
We will always come to you
Every day, on guard to stand
By your lofty walls so grand.
Now, however, we must go —
We're not used to land, you know;
We'll return, I promise you.»
And they disappeared from view.

Breezes o'er the ocean play
Speed a barque upon its way;
Sails all spread, it skims the seas,
Running swiftly 'fore the breeze,
Past a craggy island, where
Stands a city, proud and fair.
Cannons with a mighty roar
Bid the merchants put to shore;
When the merchants land, Guidon
Bids them be his guests anon;
Feasts them first with meat and wine,
Then he says: «Now, masters mine —
Tell me what you have for sale,
Whither bound, and whence you hail?»
Said the merchants: «If you please,
We have sailed the seven seas;
Swords of Damask steel we've sold,
Virgin silver, too, and gold.
Now we're overdue, you know,
And we still have far to go —
Past the Island of Buyan,

Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалося вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежеденно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,

Back to gracious Tsar Saltan.»
«Gentles,» murmured Prince Guidon
«May fair breezes speed you on,
O'er the ocean, o'er the main,
Back to Tsar Saltan again.
Yes, and when your tsar you see,
Give him compliments from me.»

Bowing low before him, they
Left the prince and sailed away.
He, though, hastened to the shore
Where he met the swan once more;
Told her that his heart was burning,
For his sire, his soul was yearning...
So she drenched him, head to toe.
In a trice, he shrank, and lo!
Ere or he could even gasp,
He had turned into a wasp.
Then he buzzed, and rapidly
Overtook the ship at sea;
Gently settled aft, and stole
Out of sight into a hole.

Merrily the breeze is singing,
O'er the waves a ship is winging
Past the Island of Buyan
To the realm of Tsar Saltan.
Now his longed-for land so dear
Stands out in the distance, clear.
Now the ship at anchor rests,
And the merchants, honoured guests
Palacewards their footsteps make
With our gallant in their wake.
There, in regal raiments, sate
Tsar Saltan in royal state.
On his head — his jewelled crown,
On his face — a pensive frown,
Near him — royal cook, and weaver
And their mother, sly deceiver.
With four eyes, though they be three,
Stare at him voraciously.
Tsar Saltan, with royal grace,
Gave the merchants each his place.
Then he said: «Now, masters mine —
Sailed you far across the brine?
Are things well where you have been?
What strange wonders have you seen?»
Quoth the merchants: «If you please,
We have sailed the seven seas;
Peace reigns overseas, serene,
There we saw this wondrous scene:
There's an island far away —

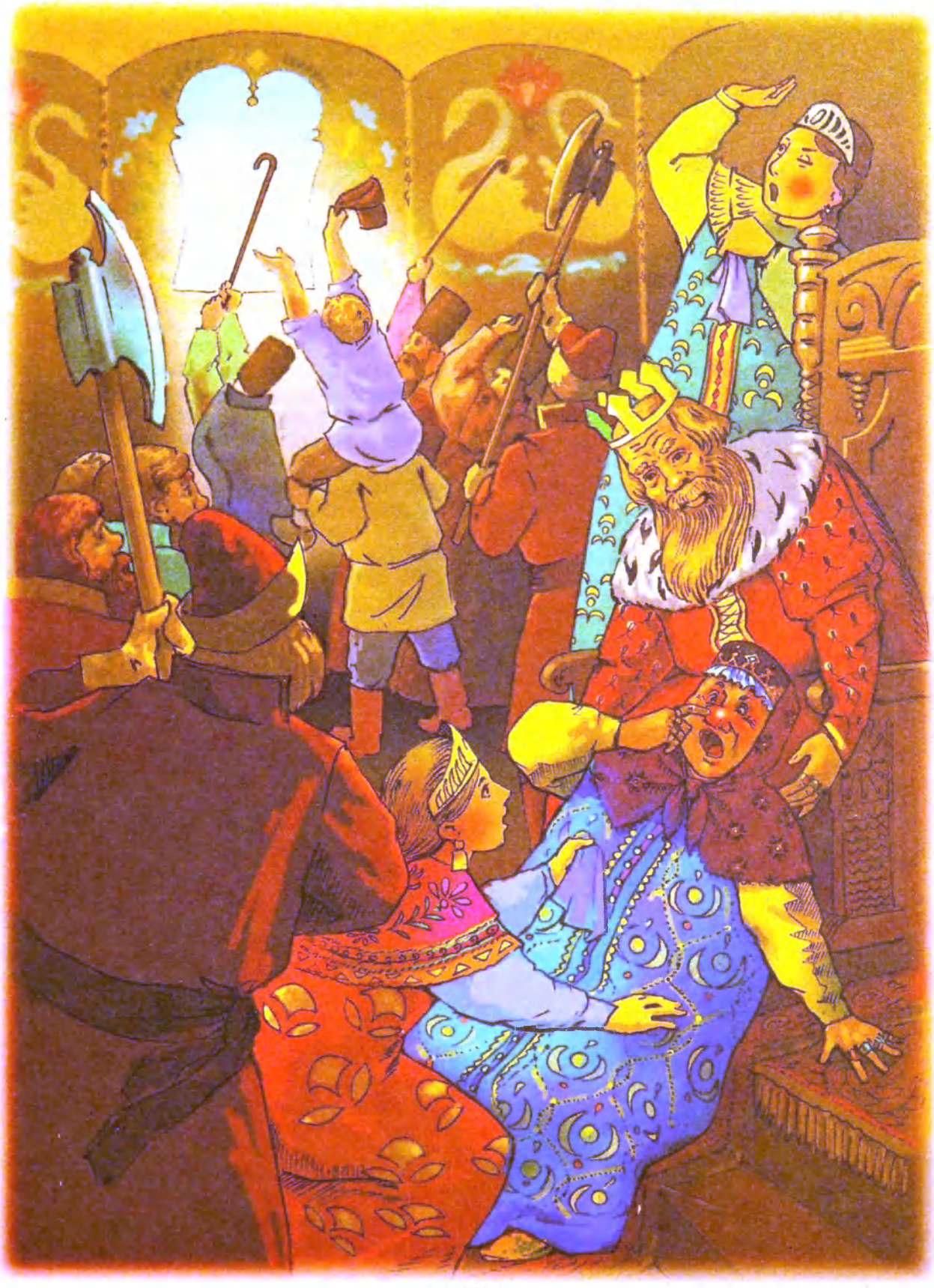
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,

On this isle — a city gay;
There, each dawn brings in new wonders:
There, the ocean swells and thunders,
Breakers, with a mighty roar,
Foaming, flood its barren shore,
Leaving, wonderful to see,
Thirty stalwart knights and three
All in mail a-gleaming bright
Marching proudly left and right,
Each one brave beyond compare
Tall of stature, young and fair,
All alike beyond belief;
Hoary Chernomor, their chief,
Marches with them from the deep,
Counts them off, by twos, to keep
Guard of this fair isle; and they
Cease patrol nor night nor day.
Nor can you find guards so true,
Vigilant and fearless, too.
Prince Guidon reigns there, and he
Sends his compliments to thee.»
Here the tsar said, in amaze:
«If but God prolong my days,
I shall visit this strange isle,
Guest with this Guidon a while.»
Silent were the cook and weaver.
But their mother, sly deceiver,
Said, as she smiled crookedly:
«You may think this strange — not we!
Fancy! Idle mermen play
Sentry-go on land all day!
Be this true, or but a lie,
Nothing strange in this see I —
Stranger things exist, mark you —
This report, though, is quite true:
There's a young princess, they say,
That she charms all hearts away.
Brighter than the sun at noon,
She outshines the midnight moon,
In her braids a crescent beams,
On her brow, a bright star gleams.
She herself is sweet of face.
Full of majesty and grace.
When she speaks, her voice doth seem
Like the music of a stream.
That's a wonder, now, for you —
Marvellously strange, but true.»
Wisely, though, the guests prefer
Not to bandy words with her.
Tsar Saltan, he waxed most curious,
Our tsarevich waxed most furious,
But decided that he'd spare
Granny's eyes for her gray hair.

Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха,
Усмехнувшись, говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:



Buzzing like a bumble-bee,
Round his granny circled he,
Stung her nose with all his might,
Raising blisters red and white.
Panic once more filled the air:
«Murder! catch that insect there!
Help! O don't you let it go!
Catch it! — hold it! — kill it! — O!
O, you nasty insect, you!
Just you wait!» Guidon, though, flew
Through the casement, o'er the main
Back to his domain again.

By the sea, the prince now paces,
On the blue sea now he gazes,
Suddenly, before Guidon
Swam the graceful snow-white swan.
«Greetings, my fair prince,» said she
«Why are you so sad, tell me?
Why are you so dismal, say,
Like a gloomy, cloudy day?»
«Grief is gnawing at my breast,»
Answered Prince Guidon, distressed
«Every youth has his own bride —
Only I unmarried bide.»
«Who is she you wish to wed?
Tell me, now.» Guidon then said:
«There's a fair princess; they say
That she charms both young and old —
Brighter than the sun at noon,
She outshines the midnight moon;
In her braids, a crescent beams,
On her brow, a bright star gleams.
She herself is sweet of face,
Full of majesty and grace.
When she speaks, her sweet voice seems
Like the flow of tinkling streams.
Is this true, though, or a lie?»
Anxiously, he waits reply.
Silently, the snow-white swan
Pondered; then she said: «Guidon —
Yes — this maiden I can find;
But a wife's no mitten, mind,
From your lily hand to cast,
Or unto your belt make fast;
Listen now to my advice:
Weigh this matter well — think twice,
So that on your marriage morrow
You do not repent in sorrow.»
Here Guidon with ardour swore
That he'd thought of this before;
That 'twas high time he was married,
Too long single had he tarried;

Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради Бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Не женат лишь я хожу».
— «А кого же на примете
Ты имеешь?» — «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвесть.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;

That for this princess so fair
He would any perils dare,
Sacrifice his very soul,
Barefoot, walk right to the pole.
Sighing thoughtfully, the swan
Murmured: «Why so far, Guidon?
Know, your future bride is here —
I am that princess, my dear.»
Then she spread her wings, to soar
O'er the waves towards the shore.
There, amid a clump of trees,
Folded them with graceful ease,
Shook herself, and then and there
Turned into a maiden fair —
In her braids, a crescent beamed,
On her brow, a bright star gleamed;
She was sweet in form and face,
Full of majesty and grace.
When she spoke, her sweet voice seemed
Like the flow of tinkling streams.
He embraced the fair princess,
Folded her unto his breast.
Hand in hand with her he sped
To his mother dear, and said,

Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я»,
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.

Falling on his bended knees:
«Mother darling — if you please,
I have chosen me a bride —
She will be your love and pride,
Your consent we crave to wed;
And your blessing, too,» he said —
«Bless our marriage, so that we
Live in love and harmony.»
O'er the kneeling pair, she stands,
Holy icon in her hands,
Smiling through her happy tears,
Saying: «God bless you, my dears.»
Prince Guidon did not delay —
They were married that same day,
Settled down, a happy pair,
Lacking nothing but an heir.

Breezes o'er the ocean play,
Speed a barque upon its way;
Sails all spread, it skims the seas,
Running swiftly 'fore the breeze,
Past a craggy island, where
Stands a city proud and fair.
Cannons with a mighty roar
Bid the merchants put to shore.
When the merchants land, Guidon
Bids them be his guests anon;
Feasts them first with meat and wine,
Then he says: «Now, masters mine —
Tell me what you have for sale,
Whither bound and whence you hail?»
Said the merchants: «If you please,
We have sailed the seven seas,
Contraband, prince, was our ware,
And our profits — rich and rare,
We have far to travel yet —
Homewards — East — our course is set,
Past the Island of Buyan,
Back to gracious Tsar Saltan.»
«Gentles,» murmured Prince Guidon —
«May fair breezes speed you on,—
O'er the ocean, o'er the main,
Back to Tsar Saltan again.
Pray remind your tsar from me,
That his gracious majesty
Said he'd visit us some day;
We regret his long delay.
Give him my regards.» Thereon
Off the merchants went. Guidon
This time stayed with his fair bride,
Never more to leave her side.
Merrily the breeze is singing,
O'er the waves a ship is winging

Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости.
Он их кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит

Past the Island of Buyan
To the realm of Tsar Saltan.
Now his longed-for land, so dear,
Stands out in the distance, clear.
Now each merchant is the guest
Of the tsar, by his behest.
On his royal throne of state,
Crowned in glory, there he sate,
While the royal cook, and weaver,
And their mother, sly deceiver,
With four eyes, though they be three,
Stared at him voraciously.
Tsar Saltan, with royal grace,
Gave the merchants each his place.
Then he said: «Now, masters mine —
Sailed you far across the brine?
Are things well where you have been?
What strange wonders have you seen?»
Quoth the merchants: «If you please,
We have sailed the seven seas.
Peace reigns overseas, serene.
There, we saw this wondrous scene:
On an island, far away,
Stands a city grand and gay —
Churches tall with golden domes,
Gardens green, and stately homes.
Near its palace grows a fir
In whose shade, O royal sir,
Stands a crystal house; and there
Dwells a squirrel strange and rare,
Full of frolic; all day long,
Cracking nuts, its sings a song.
Nuts, most wondrous to behold —
Shells of purest yellow gold,
All its kernels — emeralds bright.
Sentries guard it day and night.
There we saw another wonder —
Every morn, the breakers thunder
And the waves, with mighty roar,
Overflow the barren shore,
Leaving, wonderful to see,
Thirty stalwart knights and three.
Each one brave beyond compare,
Tall of stature, young and fair.
All in mail a-gleaming bright,
Marching proudly left and right;
All alike beyond belief,
Led by Chernomor, their chief.
Nor will you find guards so true,
Vigilant and fearless, too.
Prince Guidon reigns there in glory,
He is praised in song and story.
And his wife is fair, O sire —

Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом:
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые.
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;

Gaze on her — you'll never tire.
Brighter than the sun at noon,
She outshines the midnight moon;
In her braids, a crescent beams,
On her brow, a bright star gleams.
Prince Guidon sends his respects,
Bade us say he still expects
You to visit him one day
And regrets your long delay.»
All impatient, Tsar Saltan
Gave command his fleet to man,
But the royal cook, and weaver,
And their mother, sly deceiver,
Did their best to keep their tsar
From this wondrous isle so far.
He, to their persuasions deaf,
Bade the women hold their breath.
«I'm your tsar and not a child!»
Shouted he in passion wild —
«We will sail today. No more!»
Stamped his foot and slammed the door.

From his casement, silently,
Prince Guidon gazed at the sea.
Scarce a ripple stirred the deep
As it sighed as though in sleep.
On the far horizon blue
Sails came one by one in view.
Tsar Saltan's fleet, at long last,
O'er the seas was sailing fast.
At this sight, Guidon rushed out,
Uttering a mighty shout:
«Mother dear, come hither, do —
You, my fair princess, come too —
Only look out yonder — there
Sails my father, I declare!»
Through his spyglass, Prince Guidon
Sees the royal fleet sail on;
While on deck, his father stands,
Spyglass also in his hands.
With him are the cook, and weaver,
And their mother, sly deceiver;
Wonder in their gaze, they stare
At this isle so strange and fair.
In salute the cannons roared,
Carols sweet from belfries soared.
To the shore Guidon then ran,
There to welcome Tsar Saltan,
And the royal cook, and weaver,
And their mother, sly deceiver.
Citywards the tsar led he
Not a single word said he.
Now the palace came in sight,

Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя —
Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва-едва трепещет.
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда».
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Sentries, clad in armour bright.
Tsar Saltan looked on to see
Thirty stalwart knights and three —
Each one brave beyond compare,
Tall of stature, young and fair,
All alike beyond belief,
Led by Chernomor, their chief.
Then he reached the courtyard wide,
Where a lofty fir he spied.
In its shadow — lo, behold,
Cracking nuts of solid gold,
Sat a little squirrel, singing,
Emeralds into sacklets flinging.
Golden nutshells lay around
On the spacious courtyard ground.
Further on the guests now press,
Meet the wonderful princess:
In her braids, a crescent beams,
On her brow, a bright star gleams;
She is sweet of form and face,
Full of majesty and grace,
Tsar Saltan's own wife beside her.
He gazed on and recognised her.
And his heart began to leap,
«Am I dreaming in my sleep?»
Gasped the tsar in stark surprise,
Tears a-streaming from his eyes,
He embraced his wife in pride,
Kissed his son, his son's fair bride;
Then they all sat down to feast
Where their laughter never ceased,
While the cook, and royal weaver,
And their mother, sly deceiver,
Fled and hid beneath the stairs
But were dragged out by their hairs.
Weeping, each her crimes confessed,
Begged forgiveness, beat her breast.
So the tsar, in his great glee
Sent them home across the sea,
Late at night, with tipsy head,
Tsar Saltan was put to bed.
I drank beer and mead there — yet
Only got my whiskers wet.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкий:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косой луна блестит,
А во лбу звезда горит:
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...
В нем взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

THE TALE OF THE DEAD PRINCESS AND THE SEVEN KNIGHTS

ith his suite the Tsar departed.
The Tsaritsa tender-hearted
At the window sat alone,
Wishing he would hurry home.
All day every day she waited,
Gazing till her dedicated
Eyes grew weak from overstrain,
Gazing at the empty plain.
Not a sign of her beloved!
Nothing but the snow-flakes hurried
Heaping drifts upon the lea.
Earth was white as white could be.
Nine long months she sat and waited,
Kept her vigil unabated.
Then from God on Christmas Eve
She a daughter did receive.
Next day early in the morning,
Love and loyalty rewarding,
Home again from travel far
Came at last the father-Tsar.
One fond glance at him she darted,
Gasped for joy with thin lips parted
Then fell back upon her bed
And by prayer-time was dead.
Long the Tsar sat lonely, brooding.
But he, too, was only human.
Tears for one sad year he shed...
And another woman wed.
She (if one be strictly truthful)

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ

арь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядючи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издалеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошел, как сон пустой,
Царь женился на другой.

Was a born Tsaritsa — youthful,
Slim, tall, fair to look upon,
Clever, witty — and so on.
But she was in equal measure
Stubborn, haughty, wilful, jealous.
In her dowry rich and vast
Was a little looking-glass.
It had this unique distinction:
It could speak with perfect diction.
Only with this glass would she
In a pleasant humour be.
Many times a day she'd greet it
And coquettishly entreat it:
«Tell me, pretty looking-glass,
Nothing but the truth, I ask:
Who in all the world is fairest
And has beauty of the rarest?»
And the looking-glass replied:
«You, it cannot be denied.
You in all the world are fairest
And your beauty is the rarest.»
The Tsaritsa laughed with glee,
Shrugged her shoulders merrily,
Puffed her cheeks and bat her eyelids,
Flicked her fingers coyly, slyly,
Pranced around with hand on hips,
Arrogance upon her lips.
All this time the Tsar's own daughter
Quietly, as Nature taught her,
Grew and grew, and came quite soon
Like a flower into bloom:
Raven-browed, of fair complexion,
Breathing kindness and affection.
And the choice of fiance
Lighted on Prince Yelisei.
Suit was made. The Tsar consented
And her dowry was indented:
Seven towns with wealthy store,
Mansion-houses — sevenscore.

On the night before the wedding
For a bridal party dressing
The Tsaritsa, time to pass,
Chatted with her looking-glass:
«Who in all the world is fairest
And has beauty of the rarest?»
Then what did the glass reply?
«You are fair, I can't deny.
But the Princess is the fairest
And her beauty is the rarest.»
Up the proud Tsaritsa jumped.
On the table how she thumped,
Angrily the mirror slapping,

Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнет,

Slipper heel in fury tapping!
«O you loathsome looking-glass,
Telling lies as bold as brass!
By what right is she my rival?
Such young folly I shall bridle.
So she's grown up — me to spite!
Little wonder she's so white:
With her bulging mother gazing
At that snow — what's so amazing!
Now look here, explain to me
How can she the fairer be?
Scour this realm of ours and seek well,
Nowhere shall you find my equal.
Is not that the truth?» she cried.
Still the looking-glass replied:
«But the Princess is the fairest
And her beauty is the rarest.»
The Tsaritsa burst with spite,
Hurled the mirror out of sight
Underneath the nearest cupboard
And when breath she had recovered
Summoned Smudge, her chamber maid,

Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне назло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна все ж милее,
Всё ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,

And to her instructions gave:
«Take the Princess to the forest,
Bind her hand and foot and forehead
To a tree! When wolves arrive
Let them eat the girl alive!»
Woman's wrath would daunt the devil!
Protest was no use whatever.
Soon the Princess left with Smudge
For the woods. So far they trudged
That the Princess guessed the reason.
Scared to death by such foul treason,
Loud she pleaded: «Spare my life!
Innocent of guilt am I!
Do not kill me, I beseech you!
And when I become Tsaritsa
I shall give you rich reward.»
Smudge, who really loved her ward,
Being loth to kill or bind her,
Let her go, remarking kindly:
«God be with you! Do not moan!»
And, this said, went back alone.
«Well?» demanded the Tsaritsa,
«Where's that pretty little creature?»
«In the forest on her own,»
Smudge replied. «And there she'll stay.
To a tree I firmly lashed her.
When a hungry beast attacks her
She'll have little time to cry
And the quicker she shall die!»

Rumour spread and caused a panic:
«What, the Tsar's own daughter vanished!»
Mournful was the Tsar that day.
But the young Prince Yelisei
Offered God a fervent prayer
And departed then and there
To seek out and homeward guide
His sweet-tempered, youthful bride.
Meanwhile his young bride kept walking
Through the forest until morning,
Vague as to her whereabouts.
Suddenly she spied a house.
Out a dog ran growling, yapping,
Then sat down, his tail tap-tapping.
At the gate there was no guard.
All was quiet in the yard.
Close at heel the good dog bounded
As the Princess slowly mounted
Stairs to gain the living floor,
Turned the ring upon the door.
Silently the door swung open
And before her eyes unfolded
A bright chamber: all around

Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Черт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя».
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Бог с тобой».
А сама пришла домой.
«Что? — сказала ей царица,—
Где красавица-девица?» —
«Там, в лесу, стоит одна,—
Отвечает ей она,—
Крепко связаны ей локти;
Попадется зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть».

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо

Benches strewn with rugs she found,
Board of oak beneath the ikon
And a stove with tiles to lie on.
To the Princess it was clear
Kindly folk were dwelling here
Who would not deny her shelter.
No-one was at home, however.
So she set to, cleaned the pans,
Made the whole house spick and span,
Lit a candle in the corner,
Fed the fire to be warmer,
Climbed onto the platform bed
There to lay her sleepy head.
Dinner time. The yard resounded,
Horses stamped and men dismounted.
Thick-moustached and ruddy-skinned,
Seven lusty Knights walked in.
Said the Eldest: «How amazing!
All so neat! The fire blazing!
Somebody's been cleaning here
And is waiting somewhere near.
Who is there? Come out of hiding!
Be a friend in peace abiding!
If you're someone old and hoar,
Be our uncle evermore!
If you're young and love a scuffle,
We'll embrace you as a brother.
If a venerable dame,
Then shall 'mother' be your name.
If a maiden fair, we'll call you
Our dear sister and adore you.»

So the Princess rose, came down
To the Seven Knights and bowed,
Her good wishes emphasising,
Blushing and apologising
That to their delightful home
Uninvited she had come.
Straight they saw her speech bore witness
To the presence of a Princess.
So they cleared a corner seat,
Offered her a pie with meat,
Filled a glass with wine and served it
On a tray, as she deserved it.
But the glass of heady wine
She politely did decline
And the pie she broke with caution,
Savouring a tiny portion.
Pleading she was very tired,
Soon she gracefully retired
And the Seven Knights conveyed her
To the best and brightest chamber
And, away as they did creep,
She was falling fast asleep.

И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась.
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила Богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названый.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те cndзнали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полну наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать

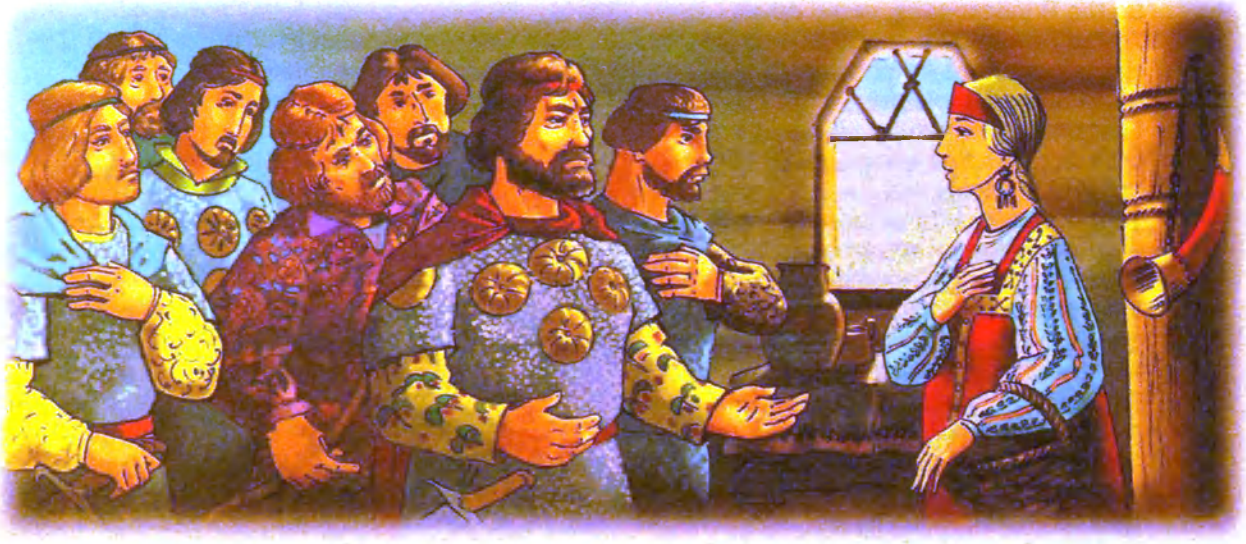
Days flew by — the Princess living
All the time without misgiving
In the forest, never bored
With the Seven Knights abroad.
Darkness would the earth still cover
When at dawn the seven brothers
Would ride out to try their luck
With a long-bow, shooting duck,
Or to ply their sword in battle.
And a Saracen unsaddle,
Headlong at a Tartar go,
Chop his head off at a blow,
Or give chase to a Circassian,
From the forest send him dashing.
She, as lady of the house,
Rose much later, moved about
Dusting, polishing and cooking,
Never once the Knights rebuking.
They, too, never chided her.
Days flew by like gossamer.

And in time they grew to love her.
Thereupon all seven brothers
Shortly after dawn one day
To her chamber made their way
And the Eldest Knight addressed her:
«As you know, you are our sister.
But all seven of us here
Are in love with you, my dear,
And we all desire your favours.
But that must not be, God save us!

Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса,
А хозяюшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит,
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.



Find some way to give us peace!
Be a wife to one at least,
To the rest remain a sister!

Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя

But you shake your head. Is this to
Say our offer you refuse?
Nothing from our stock you'll choose?»

«O my brave and bonny brothers,
Virtuous beyond all others!»
In reply the Princess said,
«God in heaven strike me dead
If my answer be not honest:
I've no choice — my hand is promised!
You're all equal in my eyes,
All so valiant and wise,
And I love you all, dear brothers!
But my heart is to another
Pledged for evermore. One day
I shall wed Prince Yelisei!»

Hushed, the brothers kept their station,
Scratched their foreheads in frustration.
«As you wish! So now we know,»
Said the Eldest with a bow.
«Pray forgive us — and I promise
You'll hear nothing further from us!»,
«I'm not angry,» she replied.
«By my pledge I must abide.»
Bowing low, the seven suitors
Left her room with passions muted.
So in harmony again
Did they live and friendship reign.

The Tsaritsa was still livid
Every time she saw in vivid
Memory the Princess fair.
Long the mirror, lying there,
Was the object of her hatred;
But at last her wrath abated.
So one day it came to pass
That she took the looking-glass
Up again and sat before it,
Smiled and, as before, implored it:
«Greetings, pretty looking-glass!
Tell me all the truth, I ask:
Who in all the world is fairest
And has beauty of the rarest?»
Said the mirror in reply:
«You are fair, I can't deny.
But where Seven Knights go riding
In a green oak-grove residing
Humbly lives a person who
Is more beautiful than you.»
The Tsaritsa's wrath descended
On her maid: «What folly tempted
You to lie? You disobeyed!»

Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы рады,
Да нельзя, так Бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»

«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,—
Им царевна говорит,—
Коли лгу, пусть Бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».

Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас,—
Старший молвил поклонясь,—
Коли так, не заикнуся
Уж о том».— «Я не сержуся,—
Тихо молвила она,—
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,

Smudge a full confession made....
Uttering a threat of torture,
The Tsaritsa grimly swore to
Send the Princess to her death
Or not draw another breath.

One day by her window waiting
For her brothers homeward hasting
Sat the young Princess and span.
Suddenly the dog began
Barking. Through the courtyard scurried
A poor beggar-woman, worried
By the dog she kept at bay
With her stick. «Don't go away!
Stay there, stay!» the Princess shouted,
From the window leaning outward.
«Let me call the dog to heel
And I'll offer you a meal.»
And the beggar-woman answered:
«Pretty child, you take my fancy!
For that dog of yours, you see,
Could well be the death of me.
See him snarling, bristling yonder!
Come here, child!» The Princess wanted
To go out, and took a loaf.
But the dog its body wove
Round her feet, refused to let her
Step towards the woman-beggar.
When the woman, too, drew near,
Wilder than an angry bear
It attacked her. How perplexing!
«Had a bad night's sleep, I reckon!»
Said the Princess. «Catch it! There!»
And the bread flew through the air.
The poor beggar-woman caught it.
«I most humbly thank you, daughter,
God be merciful!» said she.
«In return take this from me!»
The bright apple she was holding,
Newly picked, fresh, ripe and golden,
Straight towards the Princess flew.....
How the dog leapt in pursuit!
But the Princess neatly trapped it
In her palms. «Enjoy the apple
At your leisure, little pet!
Thank you for the loaf of bread...»
Said the beggar-woman, brandished
In the air her stick and vanished...
Up the stairs the Princess ran
With the dog, which then began
Pitifully staring, whining
Just as if its heart were pining
For the gift of speech to say:

Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей».
И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чем!..»
Та призналася во всем:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,—
Ей кричит она в окошко,—
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитятко девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Выдь ко мне».— Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги — и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Видно, выспался он худо,—
Ей царевна говорит,—
На ж, лови!» — и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
«Благодарствую,— сказала.—
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое
Прямо яблочко летит...
Пес как прыгнет, завизжит...
Но царевна в обе руки
Хвать — поймала. «Ради скуки,
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед»,—
Старушоночка сказала,

«Throw that apple far away!»
Hastily his neck she patted:
«Hey, Sokolko, what's the matter?
Lie down!» Entering once more
Her own room, she shut the door,
Sat there with her spindle humming,
Waiting for her brothers' coming.
But she could not take her gaze
From the apple where it lay
Full of fragrance, rosy, glowing,
Fresh and juicy, ripe and golden,
Sweet as honey to the lips!
She could even see the pips...
First the Princess thought of waiting
Until dinner. But temptation
Proved too strong. She grasped the bright
Apple, took a stealthy bite
And with fair cheek sweetly hollowed
A delicious morsel swallowed.
All at once her breathing stopped,
Listlessly her white arms dropped.
From her lap the rosy apple
Tumbled to the floor. The hapless
Maiden closed her swooning eyes,
Reeled and fell without a cry,
On the bench her forehead striking,
Then lay still beneath the ikon....

Now the brothers, as it chanced,
Were returning in a band
From another warlike foray.
Out to meet them in the forest
Went the dog and, running hard,
Led them straight into the yard.
Said the Knights: «An evil omen!
Grief in store!» The door they opened,
Walked into the room and gasped.
But the dog like lightning dashed
For the apple and devoured it.
Death that instant overpowered it.
For the apple was, they saw,
Filled with poison to the core.
By the dead Princess the brothers
Bent their heads in tears and uttered
Holy prayer to save her soul;
Nothing could their grief console.
From the bench they raised her, dressed her,
Wished within a grave to rest her,
Then had second thoughts. For she
Was as rosy as if sleep
Garlands of repose were wreathing
Round her — though she was not breathing.
Three whole days they waited, but

Поклонилась и пропала...
И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! — Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» — и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь...
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращалися толпой
С молодецкого разбоя.
Им навстречу, грозно воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру! —
Братья молвили,— печали
Не минуем». Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,

Still her eyes were tightly shut.
So that night with solemn ritual
In a coffin made of crystal
They laid out the body fair
Of the Princess and from there
To a hollow mountain bore her,
Where a tomb they fashioned for her:
Iron chains they used to fix
Her glass case to pillars six
With due caution, and erected
Iron railings to protect it.
Then the Eldest smote his breast
And the dead Princess addressed:
«Ever peaceful be your slumber!
Though your days were few in number
On this earth — spite took its toll —
Yet shall heaven have your soul.
With pure love did we regard you,
For your loved one did we guard you,
But you came not to the groom,
Only to a chill dark tomb.»

That same day the bad Tsaritsa,
Waiting for good news to reach her,
Secretly the mirror took
And her usual question put:
«Who is now by far the fairest
And has beauty of the rarest?»
And the answer satisfied:
«You, it cannot be denied.
You in all the world are fairest
And your beauty is the rarest!»

In pursuit of his sweet bride
Through the country far and wide
Still Prince Yelisei goes riding,
Weeping bitterly. No tidings!
For no matter whom he asks
People either turn their backs
Or most rudely rock with laughter:
No one knows what he is after.
Now to the bright Sun in zeal
Did the bold young Prince appeal:
«Sun, dear Sun! The whole year coursing
Through the sky, in springtime thawing
From the chill earth winter snow!
You observe us all below.
Surely you'll not grudge an answer?
Tell me, did you ever chance to
See the Princess I revere?
I'm her fiance.» «My dear,»
Said the Sun with some insistence,
«I have nowhere seen your Princess,

Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили,
И решеткой оградили;
И, пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе.
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному».

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
«Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.

So she's dead, we must presume,
That is, if my friend, the Moon,
Has not met her on his travels
Or seen clues you may unravel.»

Through the dark night Yelisei,
Feeling anything but gay,
With a lover's perseverance
Waited for the Moon's appearance.
«Moon, O Moon, my friend!», he said,
«Gold of horn and round of head,
From the darkest shadows rising,
With your eye the world apprizing,
You whom stars with love regard
As you mount your nightly guard!
Surely you'll not grudge an answer?
Tell me, did you ever chance to
See the Princess I revere?
I'm her fiance.» «O dear!»
Said the Moon in consternation,
«No, I have not seen the maiden.
On my round I only go
When it is my turn, you know.
It would seem that I was resting
When she passed. «How very vexing!»
Cried aloud Prince Yelisei.
But the Moon went on to say:
«Wait a minute! I suggest you
Have the Wind come to the rescue.
Call him now! It's worth a try.
And cheer up a bit! Goodbye!»

Yelisei, not losing courage,
To the Wind's abode now hurried.
«Wind, O Wind! Lord of the sky,
Herding flocks of clouds on high,
Stirring up the dark-blue ocean,
Setting all the air in motion,
Unafraid of anyone
Saving God in heaven alone!
Surely you'll not grudge an answer?
Tell me, did you ever chance to
See the Princess I revere?
I'm her fiance.» «O hear!»
Said the Wind in turmoil blowing.
«Where a quiet stream is flowing
Stands a mountain high and steep
In it lies a cavern deep;
In this cave in shadows dismal
Sways a coffin made of crystal.
Hung by chains from pillars six.
Round it barren land in which
No man ever meets another.

Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей».— «Свет ты мой,—
Красно солнце отвечало,—
Я царевны не видало.
Знать, ее в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил
Или след ее заметил».

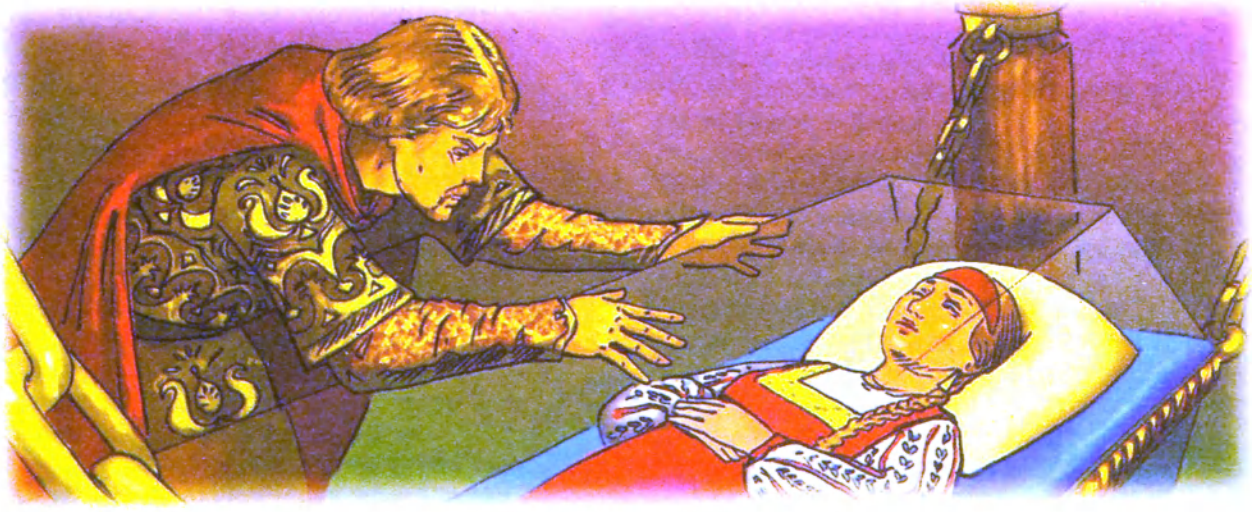
Темной ночки Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей».— «Братец мой,—
Отвечает месяц ясный,—
Не видал я девы красной.
На сторóже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна видно
Пробежала».— «Как обидно!» —
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе.
Не боишься никого,
Кроме Бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее».— «Постой,—
Отвечает ветер буйный,—
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,

In that tomb your bride discover!»
With a howl the Wind was gone.
Yelisei wept loud and long.
To the barren land he journeyed
Desperately, sadly yearning
Once again to see his bride.
On he rode. A mountain high
Rose before him, soaring steeply
From a land laid waste completely.
At its foot — an entrance dim.
Yelisei went quickly in.
There, he saw, in shadows dismal
Swayed a coffin made of crystal
Where the Princess lay at rest
In the deep sleep of the blest.
And the Prince in tears dissolving
Threw himself upon the coffin...
And it broke! The maiden straight
Came to life, sat up, in great
Wonder looked about and yawning
As she set her bed see-sawing
Said with pretty arms outstretched:

В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу твоя невеста».

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошел к пустому месту
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой



«Gracious me! How long I've slept!»
Down she stepped from out the coffin...
O the sighing and the sobbing!
Carrying his bride, he strode
Back to daylight. Home they rode,
Making pleasant conversation
Till they reached their destination.
Swiftly rumour spread around:
«The Princess is safe and sound!»

Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он ее берет

It so happened the Tsaritsa
In her room was idly seated
By her magic looking-glass
And to pass the time did ask:
«Who in all the world is fairest
And has beauty of the rarest?»
Said the mirror in reply:
«You are fair, I can't deny,
But the Princess is the fairest
And her beauty is the rarest!»
The Tsaritsa leapt and smashed
On the floor her looking-glass,
Rushing to the door she saw the
Fair young Princess walk towards her.
Overcome by grief and spite,
The Tsaritsa died that night.
From the grave where she was buried
To a wedding people hurried,
For the good Prince Yelisei
Wed his Princess that same day.
Never since the World's creation
Was there such a celebration;
I was there, drank mead and yet
Barely got my whiskers wet.

И на свет из тьмы несет,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

THE TALE OF THE POPE AND OF HIS WORKMAN BALDA*

orridge-head
Was a pope, who is dead.
He went out a-shopping one day
To look for some wares on the way;
And he came on Baida, who was there,
Who was going he knew not where,
And who said, «Why so early abroad, old sire?
And what dost require?»
He replied, «For a workman I look,
To be stableman, carpenter, cook;
But where to procure
Such a servant? — a cheap one, be sure!»
Says Balda, «I will come as thy servant,
I'll be splendid, and punctual, and fervent;
And my pay for the year is — three
raps on thy head;
Only, give me boiled wheat when I'm fed.»
Then he pondered, that pope;
Scratched his poll, put his hope
In his luck; in the Russian *Perhaps.*
«There are raps,» he bethought him, «*and* raps,»
And he said to Balda, «Let it be so;
There is profit for thee and for me so;
Go and live in my yard,
And see that thou work for me nimbly
and hard.» —
And he lives with the pope, does Balda,

* The word means blockhead. Editor's Note

СКАЗКА О ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ

ил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Поп ему в ответ: «Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такого
Служителя не слишком дорогого?»
Балда говорит: «Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай вареную полбу».

Призадумался поп,
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русский авось.
Поп говорит Балде: «Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моем подворье,
Окажи свое усердие и проворье».
Живет Балда в поповом доме,

And he sleeps on straw pallet; but ah!
He gobbles like four men,
Yet he labors like seven or more men.
The sun is not up, but the work simply races;
The strip is all ploughed, and the nag in
the traces;
All is bought and prepared, and the stove is well
heated;
And Baida bakes the egg and he
shells it — they eat it;
And the popess heaps praise on Balda,
And the daughter just pines for Balda, and is sad;
And the little pope calls him *papa;*
And he boils up the gruel, and dandles the lad.
But only the pope never blesses
Balda with his love and caresses,
For he thinks all the while of the reckoning;
Time flies, and the hour of repayment is beckoning!
And scarce can he eat, drink, or sleep, for, alack,
Already he feels on his forehead the crack.
So he makes a clean breast to the popess
And he asks where the last rag of hope is.
Now the woman is keen and quick-witted

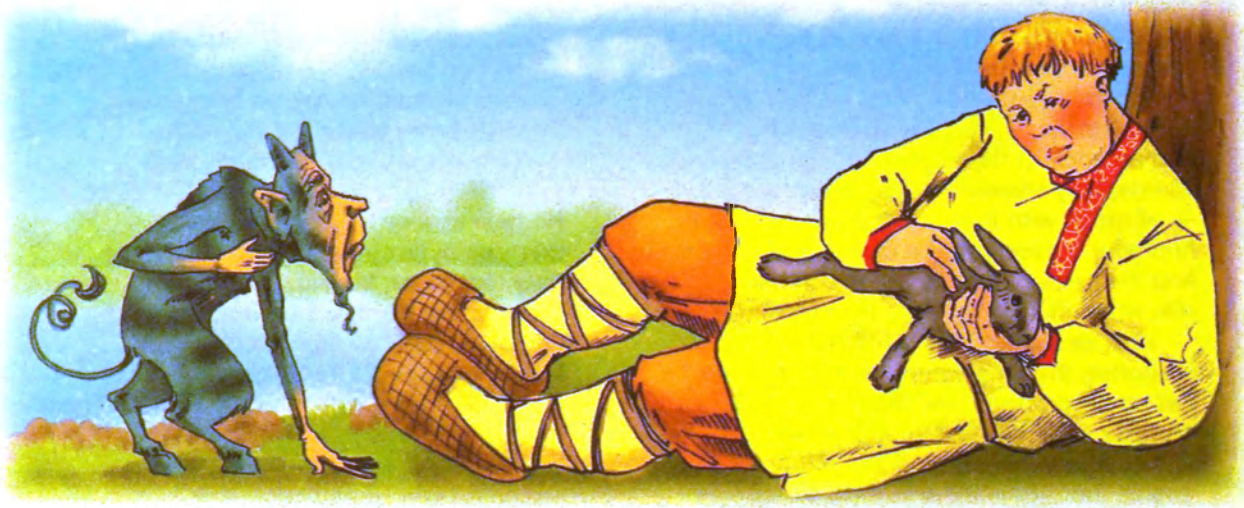
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
До́ светла всё у него пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, всё заготовит, закупит,
Яичко испечет да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится,
Попенок зовет его тятей;
Кашу заварит, нянчится с дитятей.
Только поп один Балду не любит,
Никогда его не приголубит,
О расплате думает частенько;
Время идет, и срок уж близенько.
Поп ни ест, ни пьет, ночи не спит:
Лоб у него заране трещит.
Вот он попадье признается:
«Так и так: что делать остается?»
Ум у бабы догадлив,
На всякие хитрости повадлив.
Попадья говорит: «Знаю средство,
Как удалить от нас такое бедство:

And for any old trickery fitted,
And she says, «I have found us, my master,
A way to escape the disaster:
Some impossible job to Balda now allot,
And command it be done to the very last jot;
So thy forehead will never be punished, I say,
And thou never shalt pay him, but send
him away.»
Then the heart of the pope is more cheerful
And his looks at Balda are less fearful,
And he calls him: «Come here to me, do,
Baida, my good workman and true!
Now listen: some devils have said
They will pay me a rent every year till I'm dead.
The income is all of the best; but arrears
Have been due from those devils for three
mortal years.
So, when thou hast stuffed thyself full
with the wheat,
Collect from those devils my quit-rent, complete.»
It is idle to jar with the pope; so he,
Balda, goes out and sits by the sea,
And there to twisting a rope he sets
And its further end in the sea he wets.
And an ancient fiend from the sea comes out:
«Balda, why sneakest thou hereabout?»
— «I mean with the rope the sea to wrinkle
And your cursed race to cramp and crinkle.»
And the ancient then is grieved in mind:
«Oh why, oh why, art thou thus unkind?»
— «Are ye asking *why?* and have not you
Forgotten the time when the rent was due?
But now, you dogs, we shall have our joke,
And you soon will find in your wheel a spoke.»
— «O dear Balda, let the sea stop wrinkling,
And all the rent is thine in a twinkling.
I will send thee my grandson — wait awhile.»
— «He is easy enough,» thinks Balda, «to beguile!»
Then the messenger imp from the ocean darted,
And to mew like a famished kitten started.
«Good morrow, Balda, my dear muzhik!
Now tell me, what is it, this rent you seek?
We never heard of your rent — that's flat;
Why, we devils have never had worries like that.
Yet take it, no matter! — on this condition,
For such is the judgment of our commission,
So that no grievance hereafter be —
That each of us run right round the sea,
And the quickest shall have the whole of the tax.
Our folk, meanwhile, have made ready their sacks.»
Then said Balda, and he laughed so slily,
«Is this, my friend, thy device so wily?
Shall the likes of thee in rivalry

Закажи Балде службу, чтоб стало ему
невмочь;
А требуй, чтоб он ее исполнил точь-в-точь.
Тем ты и лоб от расправы избавишь
И Балду-то без расплаты отправишь».
Стало на сердце попа веселее,
Начал он глядеть на Балду посмелее.
Вот он кричит: «Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мне оброк по самой моей смерти;
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года.
Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный».
Балда, с попом понапрасну не споря,
Пошел, сел у берега моря;
Там он стал веревку крутить
Да конец ее в море мочить.
Вот из моря вылез старый Бес:
«Зачем ты, Балда, к нам залез?»
— «Да вот веревкой хочу море мо́рщить
Да вас, проклятое племя, корчить».
Беса старого взяла тут унылость.
«Скажи, за что такая немилость?»
— «Как за что? Вы не плотите оброка,
Не помните положенного срока;
Вот ужо будет нам потеха,
Вам, собакам, великая помеха».—
«Ба́лдушка, погоди ты морщить море,
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди, вышлю к тебе внука».
Балда мыслит: «Этого провести не штука!»
Вынырнул подосланный бесенок,
Замяукал он, как голодный котенок:
«Здравствуй, Балда-мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слыхали,
Не было чертям такой печали.
Ну, так и быть — возьми, да с уговору,
С общего нашего приговору —
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок».
Засмеялся Балда лукаво:
«Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата!
Подожди-ка моего меньшего брата».
Пошел Балда в ближний лесок,
Поймал двух зайков, да в мешок.

Contend with the great Balda, with *me?*
Art thou the foe who is sent to face me?
My little brother shall here replace me.»
Then goes Balda to the nearest copse;
Catches two hares, that in sack he pops,
And returns to the sea once more,
To the devilkin by the shore.
And he grips one hare by the ear;
«Thou shalt dance to our own balalaika,
my dear.
Thou, devilkin, art but young and frail;
Dost thou strive with me? thou wilt only fail;
It is time and labor lost for thee;
Outstrip my brother, and thou shalt see!
So, one, two, three, and away — now race him!»
Then off goes the imp, and the hare
to chase him.
And the imp by the seashore coasted,
But the hare to the forest posted.

К морю опять он приходит,
У моря бесенка находит.
Держит Балда за уши одного зайку:
«Попляши-тка ты под нашу балалайку;
Ты, бесенок, еще молоденек,
Со мною тягаться слабенек;
Это было б лишь времени трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три! догоняй-ка».
Пустились бесенок и зайка:
Бесенок по берегу морскому,
А зайка в лесок до дому.
Вот, море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесенок задыхаясь,
Весь мокрешенек, лапкой утираясь,
Мысля: дело с Балдою сладит.
Глядь — а Балда братца гладит,
Приговаривая: «Братец мой любимый,



Now the imp has circled the seas about,
And he flies in panting, his tongue lolls out,
And his snout turns up, and he's thoroughly wet,
With his paw he towels away the sweat,
And he thinks he has settled Balda. But there!
Balda is stroking the brother-hare,
And repeating, «My own, my deary,
Now rest, my poor brother, for thou art weary!»
Then the imp of a heap was struck,
And tamely his tail through his legs he stuck;
At the brother-hare he glanced askew,
Said, «Wait, I will fetch the rent for you.»
When he got to his grandad, «Too bad!» he said;
«Balda — the young one — got right ahead.»
Then the ancient fiend had a notion;

Устал, бедняжка! отдохни, родимый».
Бесенок оторопел,
Хвостик поджал, совсем присмирел,
На братца поглядывает боком.
«Погоди,— говорит,— схожу за оброком».
Пошел к деду, говорит: «Беда!
Обогнал меня меньшой Балда!»
Старый Бес стал тут думать думу.
А Балда наделал такого шуму,
Что всё море смутилось
И волнами так и расходилось.
Вылез бесенок: «Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк —
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любую мету.

But Balda made a noise and commotion,
And the ocean was vexed,
And the waters were parted next,
And the imp slipt out: «'Tis enough, muzhik;
We will send to you all the rent you seek.
But listen; dost thou behold this stick?
Now, choose thou a mark, and take thy pick;
And the one who the stick can farthest shoot, he
Shall have the whole of the rent for booty.
Why dost thou wait? why standest cowed?
Dost thou fear to sprain thy wrist?» — «'Tis a cloud
Up there I await. I will toss thy stick up
Right in the cloud, and will start a kick-up
For you fiends!» And again he had won, had Balda,
And the terrified imp told his grandpapa.
And Baida again made the waters roar
And threatened the fiends with the rope once more;
And the imp popped up again; «Why dost fuss?
If thou wilt, thou shalt have all the rent from us.»
«Nay, nay,» says Balda,
«I think it is *my* turn, ha ha!
Little enemy, now the conditions to make,
And to set thee a riddle to crack.
Let us see what thy strength is. Look there
At yonder gray mare:
I dare thee to lift her
And half a mile shift her.
So, carry that mare, and the rent is thine;
But carry her not, and the whole is mine.»
And the poor little imp then and there
Crawled under the mare,
And there he lay lugging her
And there he lay tugging her,
And he hoisted that mare for two paces; but falling
As he took the third, he dropped there sprawling.
Then says Balda, «What avails to try,
Thou fool of an imp, with us to vie?
For thou, in thy arms thou couldst not rear her,
But see, between my legs I'll bear her.»
And he mounted the mare, and galloped a mile,
And the dust eddied up; but the imp meanwhile
Ran scared to his grandad, and told him then
How Baida was the winner again.
Then the devils, no help for it, rose and went
In a ring, and collected the whole of the rent,
And they loaded a sack
On Balda, who made off with a kind of a quack.
And the pope when he sees him
Just skips up and flees him
And hides in the rear of his wife
And straddles, in fear of his life.
But Balda hunts him out on the spot, and seel
Hands over the rent, and demands his fee.

Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — «Да жду вон этой тучки:
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку».
Испугался бесенок да к деду,
Рассказывать про Балдову победу,
А Балда над морем опять шумит
Да чертям веревкой грозит.
Вылез опять бесенок: «Что ты хлопочешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь...»
— «Нет,— говорит Балда,—
Теперь моя череда,
Условия сам назначу,
Задам тебе, враженок, задачу.
Посмотрим, какова у тебя сила.
Видишь: там сивая кобыла?
Кобылу подыми-тка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу, оброк уж твой;
Не снесешь кобылы, ан будет он мой».
Бедненький бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул.
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: «Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу промеж ног».
Сел Балда на кобылку верхом,
Да версту проскакал, так что пыль столбом.
Испугался бесенок и к деду
Пошел рассказывать про такую победу.
Черти стали в кружок,
Делать нечего — собрали полный оброк
Да на Балду взвалили мешок.
Идет Балда, покрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб:
С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка,

Then the pope, poor old chap,
Put his pate up. At Rap
Number One, up he flew
To the ceiling. At Rap Number Two
The pope, the poor wretch,
Lost the power of speech.
And at Rap Number Three he was battered,
And the old fellow's wits, they were shattered.
But Balda, giving judgment, reproached him:
«Too keen
Upon cheapness, my pope, thou has been!»

А с третьего щелка
Вышибло ум у старика.
А Балда приговаривал с укоризной:
«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной».

THE TALE OF THE GOLDEN COCKEREL

In a thrice-nine realm that lay
O'er the seas and far away
Lived and reigned the great Dadon.
In his youth he had been known
For his ruthless ways and fierce,
But in later, riper years,
Wearying of war and strife,
Showed a fondness for a life
Of repose and calm...
Alas!
By his neighbours now he was
Teased and harassed: oft did they
Overrun his lands. At bay
For to hold them old Dadon
Had to keep large armies on
All his borders, near and far.
But the captains of the Tsar
Proved, to his alarm, too slow
For the nimble-footed foe:
Thought in all good faith to be
Southward bound, he suddenly
Was encountered in the east,
Or, when there expected least,
Would at sea be sighted...
Poor
Tsar Dadon could ill endure
Such reverse. He wept in rage,
Lost his sleep, and for a sage,
An astrologer and seer,
Sent at last in hope and fear.
With a bow the mage is shown

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон,
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, глядь,—
Ан с востока лезет рать.
Справят здесь,— лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помоге
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу.
Шлет за ним гонца с поклоном.

Into the presence of Dadon,
And from out his sack — behold! —
Brings he forth a Cock of gold,
Saying, «Heed my counsel, Sire,
Place the Cock atop a spire,
And on guard he'll faithful stand
Of your great and mighty land.
While there's peace, O Tsar, he will
On his perch keep very still,
But if there be threat of war,
Or a hint of evil, or
Should on you a sudden raid
By the enemy be made,
Then the Cock his wings will spread,
Lift his golden, crested head
And with loud and piercing crow
Give you warning where the foe
Thinks to strike.»
«I do declare,»
Said the Tsar, well pleased, «that ne'er
Heard I better words or braver.
Honest wizard, of my favour
Rest assured. Whate'er you will,
That shall I at once fulfil.»

Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу,—
Молвил он царю,— на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется
И в то место обернется».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолженье,—
Говорит он в восхищенье,—
Волю первую твою
Я исполню, как мою».

Perched atop a turret steep,
Sleepless watch the Cock did keep
O'er the land, but, so we learn,
If alarmed, at once would turn
Toward the side whence danger came
And address Dadon by name
Crying,«Cock-a-doodle-doo!
I have this to say to you:
Lie abed, o Tsar, and reign.»
And — O joy! — Dadon's domain
Was attacked and stormed no more
And for once could rest from war.

Thus a year or two went by
Till a sudden hue and cry
In the early hours of dawn
Roused the sleeping Tsar Dadon.
«Wake, O Tsar our father, pray!»
Called his voyevoda*. «Eh?»
Yawned Dadon and opened an eye.
«What's this awful clamour?» «Why,
'Tis the Cock. He's crowing, Sire,
Loud as loud atop the spire;
All are up and in a fright...»
To the window for a sight
Of the Cock Dadon now hurried.
Eastward was the badly flurried
Sentry facing as he crowed.
Cried Dadon, for this did bode
Nothing good: «Ho, men, to horse!»
And he sent a mighty force,
With his first-born at its head,
War to wage.
As off they sped,
On his perch the Cockerel
Ceased to crow and silent fell.

Eight full days went by but no
Tidings came from friend or foe.
Had a battle taken place
Or had they one still to face? ..
As the fear and panic grew,
Loud the Cock shrilled out anew.
Tsar Dadon, by wisdom led,
Sent his younger son at head
Of a second host in search
Of the first.

Upon his perch,
Hushed and still, for eight whole days

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож, как со сна,
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лежа на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!

Год, другой проходит мирно;
Петушок сидит всё смирно.
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробужден:
«Царь ты наш! отец народа! —
Возглашает воевода,—
Государь! проснись! беда!»
— «Что такое, господа?» —
Говорит Дадон, зевая,—
А?.. Кто там?.. беда какая?»
Воевода говорит:
«Петушок опять кричит,
Страх и шум во всей столице».
Царь к окошку,— ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: «Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!»
Царь к востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья,—
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять.
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого;
Петушок опять утих.

Снова вести нет от них,
Снова восемь дней проходят;

* Voevoda — commander of an army

Sat the Cock. With anxious gaze
Tsar and townsfolk watched him, till
Once again that rousing shrill
Rang above the palace. Then
Tsar Dadon a host of men
Did himself without delay
Call to arms and straightaway
Lead them eastward...

On they went,
On their wearing mission bent,
But no camp, no battle-ground,
Not a barrow or a mound
Met upon the way. At last,
When a week and day had passed,
'Fore a gorge surrounded by
Hills whose summits scraped the sky
And where stood a silken tent
They arrived, worn out and spent.
All around in disarray
Torn and broken odies lay.
Tsar Dadon in sudden dread
Nearer drew... Before him, dead,
By each other's swords pierced through,
Lay his sons, his falcons two,
With their steeds, of movement shy,
Wandering in the field nearby,
O'er the crushed and bloody grass...
«O, that this should come to pass!»
Cried Dadon, and beat his breast.
«That my sons, my own two blest
Falcons should be trapped and die
In this wise... Indeed, 'tis my
Death has come, and all is lost!»
Joining in, the Tsar's brave host
Wailed with him... A heavy sigh
From the hills came in reply.
Of a sudden out the tent,
To Dadon's great wonderment,
Stepped a maid, Tsarina of
Shamakhan, the skies above
With her dazzling beauty shaming.
Like a night-bird by the flaming
Orb of day, so was he dazed
And, enthralled, upon her gazed,
Sons and host forgot... The maid
Smiled most sweetly, and with staid
Bow she led him by the hand
To her tent and there in grand,
Nay, e'en more,— in sumptuous style
Feted him. So did they while
Half the merry night away,
After which, at break of day,

Люди в страхе дни проводят,
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку
Сам, не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» — мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шеломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По протоптанной траве,
По кровавой мураве...
Царь завыл: «Ох, дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала.
Всяким яством угощала,

On a bed of gold brocade
For to rest him he was laid...
Thus, bewitched, entranced, content,
With the maid a week he spent.
But at last the week was done
And for home the good Dadon
Set him out with host and maid,
While ahead, by none delayed,
Old Dame Rumour swiftly flew,
Spreading fact and fable, too.
At Dadon's own gate a crowd
Met the Tsar and ran with loud
Cheers behind the royal pair,
And the two with gracious air
Smiled and waved...

Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон.
Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ,—
Все бегут за колесницей,

Amid the throng
Which was many hundreds strong
Now did Tsar Dadon espy
In a turban with a high
Snow-white top his friend the seer
Whom at once he beckoned near.
To the bearded ancient thus
Spake Dadon: «Pray, answer us:
Is there aught you wish for, sage?»
Said the man: «You did engage
To repay your debt to me,
Promising most faithfully
For to do what I desire.
Hear my wish and grant it, Sire:
The Tsarina for my own
I would have.» At this Dadon
Stood aghast. Cried he: «Egad!
Good my man, you must be mad,
This may lead to your undoing...
Surely 'tis the devil's doing

За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон...
Вдруг в толпе увидел он:
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.
«А, здорово, мой отец,—
Молвил царь ему,— что скажешь?
Подь поближе. Что прикажешь?»
— «Царь! — ответствует мудрец,—
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».
Крайне царь был изумлен.
«Что ты? — старцу молвил он,—
Или бес в тебя ввернулся,

And naught else... I won't deny,
Give my word I did, but why
Ask for something you don't need?
Put a limit on your greed
And go not, I beg, too far —
You forget that I am Tsar!
Be a boyar*, if you will,
With my gold your coffers fill,
Take my horse for you to ride,
Half my tsardom take beside.»
«Nay,» the eunuch answered him,
«Call it fancy, call it whim,
But I'll have the young Tsarina.»'
«What?!» Dadon exclaimed. «You sinner!»
And in towering rage he spat
On the ground. «Now just for that
You'll get nothing, do you hear?
Guards, remove him!» But the seer
Trying vainly to protest,
And with some 'tis surely best
To refrain from arguing,
Tsar Dadon his staff did bring
Down upon the ancient's head,
Whereupon the mage dropped dead.
The whole town was thunderstruck...
But the maid showed wondrous pluck.
«Ha-ha-ha!» laughed she. «Tee-hee!»
And the Tsar, though pained was he,
Beamed at her...
As through the gate
They moved slowly on in state,
To the marvel of the town,
From his spire the Cock came down,
On the Tsar's bald pate alighted,
Gave a peck, and, nothing frighted,
Flew away...
With broken moan
From his chariot Dadon
Rolled and breathed his last forthwith,
While the maid he'd come there with
Vanished and no more was seen,
Just as if she'd never been...
To you all, my lads, and each
Let this tale a lesson teach.

Или ты с ума рехнулся.
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего».
— «Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу»,—
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон.— Вся столица
Содрогнулась, а девица —
Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот — въезжает в город он...
Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз,— и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

---

* Boyar — calling conferred on a man, making him a member of an aristocratic order.

THE FISHERMAN AND THE GOLDFISH

here once lived an old man and
his goodwife
On the shore of the deep blue ocean;
They lived in a tumble-down hovel
For thirty-three summers and winters.
The old man used to fish for his living,
And his wife spun yarn on her distaff.
He once cast his net in the ocean,
And pulled it up with mud from the bottom;
He again cast his net in the ocean,
And this time caught nothing but seaweed;
When he cast his net for the third time,
One fish was all that he landed,
No common fish, though, but a goldfish.
Now the goldfish began to implore him,
And it spoke like a real human being:
«Put me back, old man, into the ocean —
I will pay you a right royal ransom,
I will give you whatever you ask me.»
The old man was astonished and frightened —
He'd been fishing for thirty-three summers,
Bat had not heard of any fish talking.
So with care he untangled the goldfish
And tenderly said as he did so:
«God bless you, my dear little goldfish!
Thank you kindly, I don't want your ransom.
Go back to your home in the ocean,
And roam where you will without hindrance.»

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

ил старик со своею старухой
У са́мого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,—
Пришел невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод,—
Пришел невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод,—
Пришел невод с одною рыбкой,
С непростою рыбкой,— золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море!
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

To his wife the old fisherman hastened
To tell her about this great marvel.
«I caught only one fish this morning —
A goldfish it was, most uncommon;
It spoke like a Christian, and begged me
To put it back into the ocean,
And promised to pay a rich ransom,
To give me whatever I asked for.
But how could I ask for a ransom?
I released it without any payment.»
His wife started scolding her husband:
«Oh you simpleton! Oh you great silly!
Couldn't make a mere fish pay a ransom!
You at least might have asked for a wash-tub —
For ours is ail falling to pieces!»

The old man returned to the seashore,
Where the blue waves were frolicking lightly.
He called out aloud for the goldfish,
And the goldfish swam up and demanded:
«What is it, old man, you are wanting?»
With a bow, the old man said in answer:
«Forgive me, Your Majesty Goldfish!
My old woman has scolded me roundly —
Won't leave me alone for a minute,
She says that she wants a new wash-tub,
For ours is all falling to pieces.»
The goldfish murmured in answer:
«Do not worry, go home, God be with you —
Very well, you shall have a new wash-tub.»

To his wife the old fisherman hastened,
And behold — there it was, the new wash-tub.
But she scolded him louder than ever:
«Oh you simpleton! Oh you great silly!
To ask for a tub — a mere wash-tub!
What good can you get from a wash-tab?
Return to the goldfish, you silly,
Bow down low and ask for a cottage.»

Again he went back to the seashore,
And this time the blue sea was troubled.
He called out aloud for the goldfish,
And the goldfish swam up and demanded:
«What is it, old man, you are wanting?»
With a bow, the old man said in answer:
«Forgive me, Your Majesty Goldfish!
My old woman is angrier than ever,
Won't leave me alone for a minute —
The old scold says she wants a new cottage.»
The goldfish murmured in answer:
«Do not worry, go home, God be with you!
So be it! You'll have a new cottage!»

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо:
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем раскололось».

Вот пошел он к синему морю;
Видит,— море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом,
Будет вам новое корыто».

Воротился старик ко старухе:
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу»».

Вот пошел он к синему морю,
(Помутилося синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом,
Так и быть: изба вам уж будет».

So back the old man turned his footsteps;
Not a sign did he see of his hovel.
In its place stood a new gabled cottage,
With a chimney of brick, newly whitewashed,
A fence with oak gates stood around it;
And there sat his wife at a window;
When she saw him, she scolded him roundly:
«Oh you simpleton! Oh you great silly!
To ask for no more than a cottage!
Go and bow to the goldfish, and tell it
That I'm tired of being a peasant,
That I want to be made a fine lady.»

The old man then returned to the seashore,
Where the ocean was restlessly foaming,
He called out aloud for the goldfish.
The goldfish swam up and demanded:
«What is it, old man, you are wanting?»
With a bow, the old man said in answer:
«Forgive me, Your Majesty Goldfish!
My old woman is madder than ever,
She gives me no rest for a second,
Says she's tired of being a peasant,
And wants to be made a fine lady.»
The goldfish murmured in answer:
«Do not worry, go home, God be with you.»

To his wife the old fisherman hastened,
And what did he see? — a tall mansion;
On its white marble stairs — his old woman.
She was wearing a rich sable jacket,
And a head-dress, in gold all embroidered;
Her neck was with pearls heavy laden;
She wore golden rings on her fingers;
She was shod in the softest red leather;
Zealous servants bowed meekly before her,
As she cuffed them and rated them roundly.
The old man then approached his wife, saying:
«Greetings, your ladyship, greetings, fine lady!
Now I hope that your soul is contented!»
She angrily bade him be silent
And sent him to serve in the stables.

First a week slowly passed, then another,
The old woman grew prouder than ever.
One morning she sent for her husband,
And said: «Bow to the goldfish and tell it
I am tired of being a lady,
And I want to be made a Tsaritsa.»
Her husband implored her in terror,
Saying: «Woman — you've surely gone crazy!
You can't even talk like a lady!
You'd be mocked at all over the kingdom!

Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю;
(Не спокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчевая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь!
Насмешишь ты целое царство».

His old woman grew madder than ever,
Slapped his face and then shouted in passion:
«How dare you, muzhik, stand and argue,
Stand and argue with me, a fine lady?
Go at once — if you don't, then I warn you,
You'll be dragged to the shore, willy-nilly.»

The old man went down to the seashore
(The ocean was swollen and sullen).
He called out aloud for the goldfish,
And the goldfish swam up and demanded:
«What is it, old man, you are wanting?»
With a bow, the old man said in answer:
«Forgive me, Your Majesty Goldfish!
Again my old woman's gone crazy!
Now she's tired of being a lady!
She wants to be made a Tsaritsa.
«The goldfish murmured in answer:
Do not worry, go home, God be with you!
Very well! She shall be a Tsaritsa!»

To his wife the old fisherman hastened,
And what did he see? A grand palace;

Осердилася пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдешь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты.

In the palace he saw his old woman,
At the table she sat, a Tsaritsa,
Attended by nobles and boyards;
They were pouring choice wines in her goblet,
She was nibbling sweet gingerbread wafers;
Around her, grim guards stood in silence,
With halberds upon their broad shoulders.
The old man was aghast when he saw this,
He bowed to her feet and said humbly:
«Greetings, Oh mighty Tsaritsa!
Now I hope that your soul is contented!»
But she gave not a glance at her husband —
She ordered him thrust from her presence.
The boyards and nobles all hastened
And drove him with blows from the chamber;
The guards at the door waved their halberds
And threatened to cut him to pieces.
All the people derided him, saying.
«Serves you right, now, you ill-bred old fellow.
You churl — this will teach you a lesson,
To keep to your station in future!»

First a week slowly passed, then another;
The old woman grew prouder than ever.
She sent for her husband one morning,
And her chamberlain haled him before her.
The old woman spoke thus to her husband:
«Go, bow to the goldfish, and tell it
That I'm tired of being Tsaritsa,
Of the seas I want to be mistress,
With my home in the blue ocean waters;
The goldfish I want for my servant
To do my commands and my errands.»

В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик,— испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашеи затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась.
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтобы служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

The old man durst not contradict her,
Nor open his lips to make answer.
He sadly set out for the seashore.
A tempest raged over the ocean,
Its waters were swollen and angry,
Its billows were boiling with fury.
He called out aloud for the goldfish.
The goldfish swam up and demanded:
«What is it, old man, you are wanting?»
With a bow, the old man said in answer:
«Forgive me, Your Majesty Goldfish!
What shall I do with my cursed old woman?
She is tired of being Tsaritsa,
Of the seas she now wants to be mistress,
With her home in the blue ocean waters;
She wants you to be her own servant,
To do her commands and her errands.»
Not a word spoke the goldfish in answer,
It just swished its tail, and in silence
Disappeared in the depths of the ocean.
He waited in vain for an answer,
And at last turned his steps to the palace;
And behold — there again stood his hovel;
On the doorstep sat his old woman,
With the same broken wash-tab before her.

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

CONTENTS
СОДЕРЖАНИЕ

RUSLAN AND LUDMILA *Translated by Irina Zheleznova*
РУСЛАН И ЛЮДМИЛА 5

THE TALE OF TSAR SALTAN *Translated by Lovis Zelikoff*
СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ 73

THE TALE OF THE DEAD PRINCESS AND THE SEVEN KNIGHTS *Translated by Peter Tempest*
СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ 97

THE TALE OF THE POPE AND OF HIS WORKMAN BALDA *Translated by Babette Deutsch*
СКАЗКА О ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ 111

THE TALE OF THE GOLDEN COCKEREL *Translated by Irina Zheleznova*
СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ 117

THE FISHERMAN AND THE GOLDFISH *Translated by Lovis Zelikoff*
СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ..... 124

TRANSLATED FROM THE RUSSIAN BY

Irina Zheleznova, Lovis Zelikoff,
Babette Deutsch, Peter Tempest

ILLUSTRATIONS BY

R. Ramazanov and V. Vakhtin

A. S. Pushkin

Fairy Tales

А. С. Пушкин

Сказки

На английском языке
с параллельным текстом на русском языке

Для среднего и старшего
школьного возраста

Редактор Б. Акимов
Художественный редактор А. Храмков
Технический редактор Л. Афонина
Компьютерная верстка В. Лосминская

ООО Издательство «Литература»
115407 Москва, ул. Судостроительная 40, подъезд 4.

Лицензия ЛР № 064527 от 11.04.96 г.

Гигиеническое заключение на продукцию,
товар № 77.ФЦ.8.953.П.29.2.99 от 5.02.1999 г.

Подписано в печать 15.03.99 г. Формат 60 x 90/8
Гарнитура Гельветика. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Объем 16,5 п. л. Тираж 5000 экз. С007.
Заказ № 176.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного комитета Российской Федерации по печати
170040 Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

ISBN 5-7842-0081-X

Литература